

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал
Харьковского отделения Союза писателей России

Том 20
2014

ХАРЬКОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ганичев В.Н. — председатель Правления Союза писателей России, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного русского народного собора, вице-президент Международной славянской академии, доктор исторических наук, профессор.

Котькало С.И. — сопредседатель Союза писателей России и Духовно-просветительского центра имени святого праведного Феодора Ушакова. Член бюро Президиума Всемирного русского народного собора.

Скворцов К.В. — секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель — А. Г. Романовский

Главный редактор — Л. И. Мачулин

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.

e-mail: editor01@list.ru
тел./факс +38 (057) 700-40-25

ПОЕЗІЯ

Анатолій ПЕРЕРВА

**«ВСЕПРИМИРЕННЯ НАСТАНЕ
НАВІТЬ, КОЛИ НАС НЕ СТАНЕ»**

* * *

Впадаю в дитинство, як море впадає в Дніпро,
Впадаю за Вами, буденна моя й празникова.
Іще не списалось моє цибулине перо,
Ще брівки тонкої не стерлась щаслива підкова.

Уже павутинка бринить, наче лезо ножа —
Не зранились тільки б! Чи встигнуть загоїти рани.
Можливо, на щастя чужа ви, а, може, — на жаль.
Чужа — як дружина, і, наче коханка, — жадана.

Можливо, у серпні, а може, у жовтні скажу:
Ця крапля — остання, і я її всотую радо.
Я вже перед Вами, як скошене жито, лежу.
А ви не жалійте врожаю, що вижив під градом...

* * *

Їдемо. Куди — не знаю,
І навіщо нам туди?
Умивається сльозами
Ранок.

Боже, одведи!

Брешуть — вкотре! — світлофори.
Кольорами зокрема...
Неможливо падать — вгору,
Поворотів вниз — нема!

Моросить — туманна мжичка.
— Збавте швидкість на шосе!
...Пам'ятаю все, це — звичка.
Вибачте, це — звичка.

Все!

ЖАЛЬ

Жаль, те не сталося, а це не збулося
Ані в житті, ані навіть вві сні.
Ти ж мене, жаленьку. жалиш і досі,
Мов кропива молода повесні.

Доки ж нам жалітись, Боже наш милий!
Поки не вмерли? Ото ж бо... Авжеж...
Скільки століть ми співали-тужили
На попелищах всесвітніх пожеж.

Оси і бджоли нас жалять стожало.
Вітром північним гаситья шал.
Прапор держави — сиві Стожари,
Шляхом Чумацьким — пам'ять учвал...

Туга — у пісні... А душі — у п'ятах?
Зойк записали у вічну скрижаль.
Смокче, мов гадина, жаль нас триклятий,
Може — на щастя, а може — на жаль...

ДОДОМУ

Леонідові Талалаю

Передостання — «Площа Повстання»,
Далі «Левада» й «Холодна гора».
Далі пишть нам «до запитання».
Скоро зупинка. Виходить пора.

А пасажири збились, як вівці.
Не поспішайте — вийдете всі!
Спершу — Вербівка, потім — Савинці...
Брате, а мо', на небеснім таксі?

Не помічають нас ревізори.
Десь у Крючках зачекався П'янов.
Будем дорогу звіряти по зорях,
Тільки захмарене небонько знов.

Аби не вимерзли зоряні зерна,
Треба збирати горній загін.
Заспана Конча і Конча Озерна
Щось запізнило кричать навздогін.

Ну, і погодка в цьому сторіччі!
Часу зосталось — не для забав.
Лиш не проскочити б станцію Вічність...
...Друже, стрибаймо, — пан чи пропав!

* * *

Хто нашу душу металом лоскоче,
Хоче нас в рамці залізні убгать?
Не очманіти б посеред ночі,
Брате,
од чаду згаслих багать!

Хто на нас дивиться в місячне вічко?
Вічність волочить нас — мов за конем.
Вимкнули світло — запалимо свічку,
Вимкнули пам'ять — зоставсь Internet.

Не дочекались хліба «від зайця»,
Кригою крику вкриті серця.
Сину, храни нас від цивілізацій,
Де — ані Духу, ані Вітця!

Як натомилась душа від містерій!
Хоче укотре повірить в дива...
У порожнечу прочинено двері —
Протяг із тіла дух видува.

* * *

Все важче мовчати — така мене туга бере.
Як докір, як присуд, минуле стає наперед.
Воно переймає, воно мені душу жере.
А ваша свобода, мов дьогтем розбавлений мед.

І входить у моду ходити на платний парад.
Гуртуйтесь, як вівці — в загони, у зграї! Ура!

В Італії зливи, в Італії — син і жона.
Ти вдома? Можливо... Але ж і в тобі — чужина!
Ти — відчай, ти — острів у морі, якщо не анклав.
Вуста вже холонуть, та все ще шепочуть: — і love...

* * *

Золото шукаю, залатавши
У заставу придбані штани.
Втім у мене злота вдосталь завше —
Знади, зради, дзвін озимини.

Гривня девальвується і крона,
Космос розсипається, мов рій.
Над тобою — золота корона...
Зіронько, не гасни, а зорій!

Замість золотої середини
Залишилась клітка золота.
Досі присмак золотої дині
Згадують обпечені вуста.

Не спитав, а як тебе хоч звати —
Марієта? Прозерпіна? Злата?
Тільки сон зостався навзамін.
У моїй скарбниці замість злата
Золотіють кількоро пір'їн.

Я ж за наші зорі і знамена
Чистою сльозою заплатив.
...А пісок, що сиплеться із мене,
Перемию — може, золотий?

ПЕРЕВЕСНИКАМ

Тільки Богові підзвітні,
Хто в сльозі, а хто — в розмові...
Не журіться, люди літні —
Не осінні ж, не зимові!

Розібрали нашу школу
По цеглині...
Але ж пам'ять
Не зістариться ніколи,
Доки в Жихорі не сплять.

За осінніми димами,
Із травневими громами

Знову вибіжем на вигін.
Знов понесемо до мами
Збиті душі і коліна.

І настане дуже скоро
Всепримирення всесвітнє,
Хоч столітні осокори,
Що шуміли коло школи,
Поколов хтось на дровітні.

Всепримирення настане
Навіть, коли нас не стане.
Втім, куди спішить в цім світі?
Якщо сніг вседно розтане,
Якщо ми ще — люди літні.

* * *

Можливо, в тому і спасіння,
Що все — своїми іменами!
Що не сліпа сльота осіння —
Зими прозорість поміж нами.

Розгледілись і — мов прозріли!
Різдво! Тому й не маєм зла ми.
У сагайдак сховаєм стріли,
В душі загоїмо розлами.

І можна вірить — невідзвітно,
І говорити можна — німо...
Як простору у світі й світло!
— Христос рождається!
— Славімо!

* * *

Першого снігу тихе зітхання.
Плеса озерного синій льодок.
Благословляю чуттів затухання,
В голосілюбому — холодок.

Буде для зеренця зав'язь і прорість,
Лиш не забракло б землі теплоти.

Благословляю морозну прозорість,
Це —
як очищення після сльоти.

І відступає кудись безпорадність.
Мрії — небесні,
а втрати — земні...
Благословляю твою непідвладність
Цілому світу,
не тільки — мені.

Світ ілюзорний помалу розтане,
Поле напише повість про сніг...
Благословляю все, що настане.
Потім.
Не з нами.
Колись.
Повесні.

* * *

Крутять крилами вітряки —
Що спечем зі словесного млива?
Відсахнулась рука від руки.
Будь щаслива!

Відчайдушно наважилась ти
Все стоптати одразу.
О, як мало в словах доброти,
Як багато образи!

Так лиш ворога можна —
в лице,
Твердо, сліпо, навідлі!
Я люблю тебе навіть за це,
І слова мої — світлі.

* * *

Забувати — маю привід:
Вік склерозу і т. п.
Але ж — вітер в сивій гриві,
Всюди — «ти», «тобі», «тебе»...

Забуваю групу крові
І рубаю все з плеча.
Але ж ти печеш — як промінь,
Наче блискавка меча!

Вузол розрубав Гордіїв,
А тепер зв'язати як?
Думкою розбагатію,
А посію, мабуть, мак.

Переходжу вічні межі,
Навпрошки — як через пліт...
Холодно після пожежі.

Лід.

ЗАБАВУШКИ

Славянский (украинский, белорусский и русский)
детский поэтический фольклор в переводах и
обработке Евгения АДАРИЧА

Славянский традиционный детский фольклор творился и жил в деревне, в селе. Поэтому он кровно связан с крестьянским укладом жизни и создан живой крестьянской речью. Живое песенное слово ребёнок слышал с колыбели. «В крестьянской семье, — пишет известный этнограф XIX века П. Иванов, опираясь на этнографические материалы, собранные в Купянском уезде Харьковской губернии, — девочка с семи-, восьмилетнего возраста обыкновенно уже нянчит своих меньших братьев и сестёр и постепенно приучается к уходу за детьми. Таким образом, каждая крестьянка, прежде чем стать матерью, бывает коротко знакома с тем, как следует обходиться с ребёнком, как его убаюкать, чтоб он скорее уснул, и как тешить его, когда он проснётся».

Поэтический детский фольклор — это колыбель народной поэзии. В этой колыбели росло-вырастало не одно поколение славян, с молоком матери впитавшее славянскую культуру; с ней, несомненно, соприкоснутся нынешнее и все последующие поколения. Многие из русского детского фольклора переключались в детский фольклор украинского и белорусского народов и наоборот. И в этом нет ничего удивительного: у нас общие корни, все мы вышли из Киевской Руси.

Колыбельные

КОТИК СЕРЫЙ, КОТИК БЕЛЫЙ

Котик серый, котик белый,
Котик наш пушистый,
Дай-ка Дарьюшке подушку
С мятой душистой
Да в ногах ей помурлычь,
Дрёму доченьке покличь.

Котик начал напевать,
Дочка — глазки закрывать.
Сам-то ты не спи, мурлыка,
В ночку тёмную поди-ка
Да зайди ты в лён, лён,
Принеси нам сон, сон.

БАЮ, БАЮ, БАЮШКИ

Баю, баю, баюшки,
Прискакали заюшки,
Люли, люли, люлюшки,
Прилетели гулюшки.
Стали зайки выручать,
Стали деточку качать.
Стали гули гулевать,
Стала крошка засыпать.

ТЫ ХОДИ, ЖУРАВУШКА

Ты ходи, журавушка,
Вдоль по камышу,
Засыпай, красавушка,
Я закольшу.
Ой люшеньки — люли!

УЖ ТЫ, КОТИНЬКА-КОТОК

Уж ты, котинька-коток,
По густой траве ходок,
Не пугай моих ты дочек,
Каждой надо свить веночек.
Им головки пусть венчают
И собою украшают
Одуванчик золотистый,
Дивно пахнущая мята,
Незабудки синий цвет.
Дома ты побудь, коток,
Видишь, спит ещё сынок.
Спи, сыночек, до обеда,
До поры, как я приеду,

Как тебе подарок с рынка,
Три цветочка, привезу.
Уж как первый цвет — красивый,
А другой-то цвет — счастливый,
А что третий цвет — сонливый,
Чтобы дитяtko и спало,
И цвело, и счастье знало,
Вырастало, не болело,
На сердечко не хворело.

СПИ, МОЙ МАЛЬЧИК

Спи, мой мальчик, мой хороший,
Спи как во поле горошек.
Будет ветер повивать
И горошек мой качать.
Ветер песенку споёт,
Василёчек мой заснёт.

СПИ, ДОЧУРКА, БАЮ-БАЙ

Спи, дочурка, баю-бай,
Сини глазки закрывай.
Приходи к нам, угомон,
Принеси нам синий сон.

ПРИНЕСЛИ КОТЫ

Уж все кошки спят,
И котята спят,
И ребята спят,
Спать и нам велят.
Принесли коты
Много дремоты.
Навались-ка, сон,
Голубой полон,
На глаза, плечо,
На Михалкино.

ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, РЕБЯТА

Люли,люли, ребята,
Полетели галчата
На горку крутую,
На церковь святую.
Как у церкви святой
Дед сидит с бородой,
Всем просvirки даёт,
Мальшам — наперёд.
Просвира к просvире,
По три, по четыре,
А Янке все пять —
Ему надо спать.

КЫШ, КУРЫ

Кыш, куры, под печь,
Серёжу стеречь.
Наш Серёженька заснёт
И побольше подрастёт,
И пойдёт пасти скотинку,
Сломит красную калинку,
Малым деткам поднесёт,
Никого не обойдёт.

СПИ КАМУШКОМ, ВСТАНЬ ПЁРЫШКОМ

Баю-бай, баю-бай,
Спи, Полюша, засыпай,
Спи, мой цветик, лапушка,
Светлые кудёрьшки,
Спи, Полюша, камушком,
Встань, Полюша, пёрышком.

ОЙ ЛЮШИ-ЛЮЛЁЧКИ

Ой люши-люлёчки,
Засните, сыночки,
Засните, дочурки,
На тёплой печурке.
Ой спите, былиночки,
Родные кровиночки.

Пестушки

ПОТЯГУНЮШКИ

(при пробуждении малыша)

Как на кошечку потягунюшки,
А на крошечку порастунюшки.
В крепки рученьки — да хватунюшки,
В резвы ноженьки — да бегунюшки,
А в роток — говорок,
А головку — разумок.

ПОТЯГУШЕЧКИ

Потягушечки, потягушечки,
А на Галочку порастушечки,
Чтобы Галочка росла,
Росла — выростала,
Чтобы матушке своей
Помощницей стала.
Помощницей стала,
Сестричку качала,
За домом смотрела
Да стряпать умела.

ГОЛОВОНЬКУ ВАЛЯЙ

(берут в ладони головку ребёнка и слегка перекладывают с руки на руку, после чего наклоняют головку то вперёд, то назад)

Мешу, катаю тесто
С места на место,
Затеваю каравай,
Головоньку валяй, валяй!
Пеку, пеку калачи,
Ходи, лопатка, в печи,
Сажай — вынимай!
Сажай — вынимай!

БУХ С ПОДУШКИ

Славно дочушке
Съехать подушки,
Бух! Покатились —
С горки свалились.

МАМИНА ПЕСЕНКА

Агугуси, девочка,
Мамина припевочка,
Ай, моя ты деточка,
Сладкая конфеточка.

Гули, гуленьки, сынок,
Синеглазый голубок,
Ай ты мой сыночек,
Аленький цветочек.

КОЛОТУШКИ КОЛОЧУ

(слегка постукивают малышу по пяточкам)

Вьюшки, вьюшки, вьюшки вью,
Колотушки колочу:
Надо в щели мох вомшить,
Чтобы в тёплом доме жить.
Мох кручу, кручу, кручу,
Законопачиваю,
Колотушки колочу,
Приколачиваю

ПОЛЕТЕЛИ, ПОЛЕТЕЛИ!

(помогают ребёнку махать ручками)

Оторвались от земли
И поплыли журавли.
Утки следом просвистели —
Полетели, полетели!

СЕТИ ТЯНУ

(попеременно сгибают и разгибают ручки ребёнку)

Сети тяну,
Рыбу ловлю.
Дома родню
Рыбой дарю:
Батюшке – шуку!
Матушке – шуку!
Братцу – леща!
Сестрице – леща!
Тебе же, коток,
Остался ершок.

С ГУСЯ ВОДА

(обливалочка)

Сверху вниз вода течёт,
Снизу вверх дитя растёт.
Обливаемся водой
Да не знаемся с бедой:
С гуся вода,
С нас худоба!

ТРУШКИ-ПОТРУШКИ

*(не выпускающая ребёнка из рук,
как бы подбрасывают его вверх)*

Трушки-потрушки,
Сочни, ватрушки,
Тёшки-тетёшки,
Пышки, лепёшки,
Пирожочки на дрожжах –
Не удержишь на вожжах.

КАШКА ДОСПЕЛА

Кашка доспела,
За столик присела,
Маленькой Поленьке
Скушать велела.

КАЛАЧИ ИЗ ПЕЧИ

Калачи из печи
Как огонь горячи,
Ждут-пождут Василька.
На, попей молока
Да заешь калачом –
Станешь ты силачом!

СТОЙ ДЫБКИ!

*(говорят ребёнку, когда он впервые
становится на ножки)*

Наши ноженьки крепки,
Ходит Ванечка дыбки.
Дыбушонок наш сынок,
Скоро Ванечке годок.
Как в дубравушке дубки,
Подымаемся дыбки.

ХОДИТ КОТИНЬКА ПО ЛАВОЧКЕ

(водят ребёнка под мышки или за ручки)

Ходит котинька по лавочке,
Водит кисоньку за лапочки.
Он идёт с ней по проулочку,
Он идёт с ней на прогулочку,
Топ, топ, топ, топ.

ПОПРЫГУШКИ

(побуждают ребёнка к прискокам)

Козынька, попляши,
Твои ножки хороши:
Резвенькие ножки,
Сафьяновы сапожки!
Стала козынька плясать,
Черевички растрясать:
Барыня, барыня,
Сударыня, барыня.

НОЖКИ, БЕГИТЕ ПО ДОРОЖКЕ!
(делая вид, что догоняют ребёнка)

Ножки, ножки, ножки,
Бегите по дорожке,
Догоняйте кошку,
Ну а я — Тимошку.

НЕ КРУЖИТЕСЬ НА ЛУГУ!
(остерегайка)

Ай гугу, гугу, гугу,
Не кружитесь на лугу,
На лугу-то лужица,
Голова закружится,
Бух! — и в лужу упадёте,
То-то горюшка хлебнёте!
Ой вода, вода, вода!
Деткам в лужице беда!

ПОЕХАЛИ, ПОЕХАЛИ
(сажают ребёнка на колени,
подражают езде на лошади)

Поехали, поехали
За сеном, за орехами!
Лошадкой правим сами,
Несёмся вскачь лесами,
Вприпрыжку да вприскокку,
С ухаба да на кочку,
Мосточек миновали
Да в ямку — бух! — упали.

ЧЁРНЫЙ, ЧЁРНЫЙ, КАК ТУРЧОНОК

Чёрный, чёрный, как турчонок,
Сел в седло наш казачонок,
А конёк буланенький,
А Васёк наш маленький.

Потешки

ЛАДУШКИ, ЛАДУШКИ

(взяв ручки ребёнка, легонько в такт похлопывают ладошками и произносят нараспев)

Ладушки, ладушки,
Были мы у бабушки,
Ели там оладушки
Со сметанкой да с медком,
Запивали молочком.
Хороши оладушки
У любимой бабушки.

СОРОКА КАШУ ВАРИЛА

(вводят указательным пальцем по ладошке ребёнка и говорят стихи до слова «этому»; затем переходят на пальчики; слова «пень», «колода» произносят, указывая на ладонь, кисть руки, сгиб локтя, плечо; с последними словами потешки щекочут малышу подмышки)

Сорока-белобока
Кашу варила,
На порог скакала,
Детей скликала.
Дети — на двор,
Кашу — на стол:
Этому на ложке,
Этому на поварёшке,
Этому вершок,
Этому весь горшок!
— А ты, пальчик-мальчик (большой палец),
В лес не ходил,
Дров не рубил, 1,
Воды не носил,
Тебе нет ничего!
Колодец там,
Напейся сам!
Тут пень,
Тут колода,
Тут студёная водица,
Тут кип-кипяток,
Тут щик-щикоток!

ПОКУПАЮ ЯНТАРИ

*(посадив ребёнка на руку, качают его вверх-вниз
под мерный напев)*

Ай тари-тари-тари!
Покупаю янтари
Доченьке Дуняше,
Что и так всех краше.

ТОСИ, ТОСИ

Тоси, тоси,
Гуси в просе,
Козочка в капустке,
Аннушка на грушке.

ЗАИНЬКА

— Добрый вечер, зайныка,
Ты куда идёшь?
Расскажи-ка, серенький,
Где же ты живёшь?

— Я живу тут рядышком,
Где журчит вода.
Только ты уж, лисонька,
Не ходи туда!

ВО ЗЕЛЁНОМ ВО САДОЧКЕ

Во зелёном во садочке
Кот укрылся в холодочке,
Лапкой чешет ушко,
Лижет грудку, брюшко,
Крутит-вертит он хвостом,
Прячься, мышка, под кустом.

Веснянки, песенки, приговоры, заклички

СОЛНЫШКО-СОЛНЦЕ

Солнышко-солнце,
Выгляни в оконце,
Посвети немножко,
Дам тебе горошка.

ВЫЙДИ, СОЛНЫШКО

Выйди, выйди, солнышко,
На дедино зёрнышко,
На бабино полюшко,
На наше подворьюшко,
На голые веточки,
На маленьких деточек,
Уж так детки маются,
Тебя дожидаются.

ДОЖДИК, ДОЖДИК

Дождик, дождик, припусти,
Дай пшенице подрасти,
Дождик, дождик, лей, лей
На телят и на детей.

ЭЙ, ДЕТИШКИ-ВОРОБЬИШКИ

Эй, детишки-воробьишки,
Собираемся
Да на травке на зелёной
Забавляемся!
Ой на травушку-муравушку –
Да в добрый час.
Нет на свете звонче песенок,
Чем тут у нас!

ЗНАЮ, ЗНАЮ, ОТЧЕГО

Знаю, знаю, отчего
Галочка красива,
Перед ней звезда упала,
Ясная на диво,
Да распалась ясная
На кусочки частые.
Собрала их Галя ловко
И украсила головку.

ПРИЛЕТИ К НАМ, СОЛОВУШКА

Прилети к нам из дальней дубровушки,
Засвищи да защёлкай, соловушка,
Призови звонкой трелью семьсот соловьят –
Будет радостных песен полнёшенек сад.

КУПАЛОСЬ В УТРО ЯСНОЕ

Купалось в утро ясное
На море солнце красное
И так оно купалось,
Что море выливалось.

МУРАВЕЙ-МУРАШКА

Муравей-мурашка,
Садовая кашка,
На тебе пруток-медок,
Дай мне кисленький квасок.

БАБОЧКА-ЛИПОЧКА,

Бабочка-липочка,
Сядь, посиди.
Дай наляжусь на тебя –
И лети!

МИРИЛКА

Мир миром,
Пироги с сыром,
Вареники в масле,
Обиды погасли,
Помиримся –
Не размиримся!

Считалки

КУША, КУША, КУШЕЧКА

Куша, куша, кушечка,
Где была, кукушечка?
Я над речкой всё летала,
Синим глазом всё моргала.
А ты глазом не моргай,
С огорода улетаи!

КОТЯ, КОТЯ, КОТЕЛО

Котя, котя, котело
На челне по морю шло,
Злато-серебро везло.
Красна девица, вставай,
Перстенёчек выбирай.

Скороговорки

Косе на заре травы косить,
Росе на заре ноги кропить.

Кричал Архип,
Архип охрип.
Нельзя Архипу
Кричать до хрипу.

Летели скворцы
Через овсы,
Сели у обочины,
Съели горох без червотчины.

Стали вредничать привередники,
Что не сварены им вареники.
Полно вредничать, привереднички,
Вот-вот сварятся вам варенички.

Сказки в стихах

КАК ЗВЕРИ ПАХАЛИ

Ох не знала вдова,
Как на свете жить,
Наняла медвежонка
За плугом ходить,
А волчонка-бесёнка —
Волов погонять,
Куцехвостого зайку —
Волов направлять,
А лисичку-сестричку —
Обедать носить,
Да обед не успела
Ко сроку сварить.
Медвежонок вспахал,
На дорогу глядит,
Всем обедать несут —
К ним никто не спешит.
Рассердился наш пахарь
И плуг поломал,
А погонщик-бесёнок
Волов разогнал,
Поводырь-куцехвост
Раскидал поводки,
А лисичка-сестричка
Побила горшки.
Вот пошли все за платой:
Работа видна.
За работу вдова
Заплатила сполна:
Медвежонку медку
Был пожалован жбан,
А волчонку-бесёнку
Достался баран,
Куцехвостому зайке —
Капусты мешок,
А лисичке-сестричке —
Разбитый горшок.

ЖУЧИХА И ЖУЧОК

У Жучихи был сын,
В целом свете один.
Вот пошла как-то мать
Рожь доспелую жать.
Наказала: -- Жучок,
Дверь запри на крючок,
Без меня никуда –
Приключится беда.
Только мать за порог,
Стал елозить сынок,
На окно залезать,
Крыльца там расправлять:
-- Полечу, покружу,
Божий мир погляжу.
Мать не будет и знать,
Что умею летать.
Подхватился Жучок,
Полетел на лужок,
Но по слабости сил
В речку он угодил.
Начал громко жужжать,
Мать на выручку звать:
-- Мама! Мама! Спасай!
Я тону! Прилетай!
Как услышала мать,
Тут же бросила жать
И к сыночку летит,
Над водою гудит:
-- Ах, мой бедный мальш,
Неокрепший летыш,
Не послушался мать,
Как тебя мне спасать?
На, держи-ка, сынок,
Лозниковый пруток.
А Жучок-то молчит
И недвижно лежит.
Мать у гибельных вод
Слёзы горькие льёт:
-- Полечу, разобьюсь,
Как мой сын, утоплюсь.
О, сыночек, молю,
Дай мне лапку свою!

Вдруг очнулся Жучок,
Ухватил он пруток,
Да не влезет на прут —
Рыбки в воду влекут.
Стала мамка тянуть.
В ил увязла по грудь,
Но тащила, пока
Не схватила сынка
И от рыбок спасла,
И на берег снесла.
Там сушила его
И корила его:
— Ах, мой милый сынок,
Мой родной горюнок,
Больше мать не пугай,
Без меня не летай,
Ты у мамки один.
И прижался к ней сын,
И хоть был слаб и мал,
Всё на ус намотал.

Роберт БАЛАКШИН

СКАЗКИ ИЗ ВОЛШЕБНОГО СУНДУКА**Жене Анне посвящается***БОГАЧ И БЕДНЯК**

По небесной дороге шли два путника — богач и бедняк. На земле они жили по соседству: богач в большом, великолепном доме, а бедняк в худой, маленькой хижине. Богач всю жизнь копил богатство и жил в своё удовольствие, а бедняк провёл жизнь в тяжёлом труде и молитве.

Смерти, как известно, безразлично — богатый человек или бедный, старый или молодой, красивый или уродливый, поэтому так получилось, что богач и бедняк умерли в один день.

Небесная дорога становилась всё круче, богач часто останавливался и присаживался отдохнуть. Бедняк терпеливо ожидал его.

Так подошли они к воротам Царствия Небесного. Богач уверенно постучал в них большим привратным кольцом, ему не открыли. Рассердившись на заминку, он стал трясти ворота и колотить по ним кулаком. Ворота приотворились, апостол Пётр пригласил путников войти и сказал богачу:

— Это ты так ретиво ломился сюда? Ты должен понять, что ты не на земле, твои капиталы и важность здесь ничего не стоят.

Богач струсил и притих. Апостол привёл их в большую круглую залу с великим множеством дверей и сказал:

— Я ненадолго отлучусь, а вы обдумайте на досуге, что каждый из вас хотел бы иметь в Царствии Небесном. Когда я вернусь, не стесняйтесь, просите, что угодно.

Святой апостол вышел и скоро вернулся, а богач и бедняк уже решили, что бы они хотели иметь в вечности.

— Говори сначала ты, — сказал апостол Петр бедняку,

* Перевод с немецкого, обработка произведений Рихарда фон Фолькманна (17.8.1830 – 28.11.1889), немецкого хирурга и поэта-сказочника. Под псевдонимом Р. Леандера, он опубликовал сказки в прозе («Сновидения у французских каминов», 1870) и другие произведения.

однако тот и рта не успел раскрыть: богач, побоявшись, что бедняк отнимет у него счастье, жадно закричал:

— Я, я первый.

— Ну что ж, говори ты, — усмехнулся апостол.

Богач захотел, чтобы здесь у него был замок из чистого золота, какого нет даже у императора, чтобы на завтрак ему всегда подавали шоколад, к обеду жареную телятину, яблочный паштет и молочный рис с жареной колбасой. Это были его любимые кушанья. У богача было столько пожеланий, что апостол Пётр записывал за ним — запомнить всё было трудно.

— Больше ты ничего не хочешь? — спросил он.

— Да, да, — вскричал богач. — Чтобы после завтрака у меня всегда была газета, а в подвале столько денег, что я не мог бы их сосчитать.

— Будь по-твоему, — сказал апостол, подвёл богача к одной из дверей, впустил его, и задвинул за ним большой железный засов.

Богач очутился в огромном, сиявшем светом и огнями дворце. В нём всё было золотым — и стены, и полы, и потолки, кресла и стол, окна и даже стёкла в окнах.

Богач надел зелёный шелковый вышитой халат, сел в кресло, и ел, и пил, и всё шло так отлично, что и представить нельзя. Каждый день он спускался в подвал и пересчитывал деньги, которым не было ни счёту, ни меры.

Так промчалось пятьдесят, и ещё пятьдесят лет — целый век. А что такое век для вечности? Ничто. Пылинка.

Но богачу за эти сто лет роскошный замок так надоел, что он проклинал день, когда зашёл сюда. Изю дня в день телятина, паштет и жареная колбаса, изю дня в день одна и та же газета, изю дня в день пересчитывание денег, на которые всё равно ничего нельзя было купить.

Богач открывал окна дворца, смотрел вниз и вверх. Но как светло было в замке, так темно и черно было за окном. Такая страшная тьма, что вытяни руку и не увидишь пальцев.

В нестерпимо ужасной скуке проползла первая тысяча лет. На двери заскрипел засов и в замок вошёл апостол Пётр.

— Как самочувствие, ваша честь? — спросил он.

— Ах ты, старый обманщик, — топая ногами и брызжа слюной, заверещал богач, — ты зачем засадил меня в эту тюрьму?

— Разве я? — удивился апостол. — Я только выполнил твоё желание.

— Но ты же знал, что нет мочи терпеть, когда тысячу лет повторяется одно и то же.

— Конечно, знал, — согласился апостол. — Но ведь нужно очень хорошо подумать, что хочешь иметь в вечности, а ты так спешил, что не дал своему разумному товарищу слова вымолвить.

— Вот ваш хваленый рай! — горько проворчал богач.

— Ты что же, полагаешь, что ты в раю?

— А где же я? — ахнул богач.

— В аду.

Тогда понял богач и эту нестерпимую скуку, и мрачную тьму за окном, упал в кресло и отчаянно зарыдал.

Святой Пётр стоял возле него и считал его слёзы, и когда насчитал их сто тысяч, сказал ему:

— Хорошо. Пойдём со мной. Я тебе что-то покажу.

Они поднялись по лестнице на чердак, долго блуждали там среди всякого хлама, пока пришли в маленькую тесную комнатку. Апостол Пётр отворил вверху стены оконце, на лоб его упал лучик света и богач увидел, как язычок пламени вспыхнул на лбу апостола.

Пётр придвинул к стене табуретку и сказал:

— Теперь смотри.

Богач взгромоздился на табуретку, но оконце было высоко, он поднялся на цыпочки и в узенькую щёлку увидел истинное Небо. Там, на облитом неземным светом троне, восседал Господь во всей Своей славе, выше облаков и звёзд. Вокруг летали ангелы, стояли святые угодники, и слышалось дивное пение.

— А это кто? — простонал богач. — Кто там сидит на скамеечке ко мне спиной?

— Это твой сосед, бедняк. Когда я спросил его о желании, он сказал, что хотел бы иметь всего лишь одну маленькую скамеечку, чтобы сидеть на ней у подножия Господня трона.

Апостол Пётр неслышно ушёл, а богач стоял, вытянувшись в струнку, смотрел в оконную щёлочку, и вечность текла незаметно — тысяча лет за тысячей.

СОН ПОД БУКОМ

Сто лет назад, а, может, и больше, потому что сейчас это место распаханно плугом, на зелёном склоне холма перед первыми домами деревни рос старый, раскидистый бук. Такие громадные деревья уже давно перевелись в нашей округе. Рядом с этим гигантом и люди, и звери, и другие деревья казались ничтожными. Крестьяне говорили, что некогда, в незапамятные времена нечестивые язычники

замучили под этим буком христианского апостола. Корни дерева впитали мученическую кровь, от того и стал бук таким могучим и величавым. Этот бук обладал удивительным свойством: если кто-то засыпал под ним, то приснившееся ему, обязательно сбывалось. Но при одном условии: если человек засыпал нечаянно, не зная о чудодейственной особенности дерева. Если же кто-то располагался спать под буком, зная эту особенность, то ему снилась такая нелепица, какую нельзя было и в толк взять. Поэтому в округе было мало счастливицков, которые могли бы похвастаться сном под буком.

Жарким летним днём, когда воздух застыл от зноя, по дороге к деревне брёл плохо одетый подмастерье. До родного дома было не близко, он притомился, в его походной сумке не было ни крошки хлеба. С трудом поднялся он на холм, утирая пот с лица. Развесистая густая листва бука звала прилечь, отдохнуть под её сенью. Подмастерье свернул с дороги, лёг на траву. Сквозь качавшуюся и ходившую под лёгким ветерком листву синели кусочки неба, в промежутки листьев изредка пробивался тонкий солнечный луч. На уставшего юношу веяло прохладой, бук шумел так приветливо и загадочно. Глаза путника закрылись, и он заснул.

Когда он засыпал, бук уронил ему на грудь ветку с тремя листочками. И снится подмастерью, что сидит он в какой-то таинственной комнате за столом, и это его комната, и его дом. Ещё тут есть женщина и ласково смотрит на него, и будто бы это его жена. На коленях у него ребёнок, которого он кормит кашей, а каша горячая и он дуёт на ложку.

— Что за чудная нянька, — смеясь, говорит женщина, — не нянька, а клад.

По комнате вприпрыжку бегают другой ребёнок, который тащит на бечёвке по полу большую морковину и кричит, что это рыжая лошадь.

Такой приятный сон снился подмастерью, что во сне он улыбался во всё лицо.

Когда он пробудился, уже наступил вечер. Рядом с ним, дожидаясь его пробуждения, стоял пастух со своим стадом и вязал чулок. Подмастерье вскочил на ноги, воткнул в петлицу веточку с листьями, потянулся и сказал:

— Боже мой, кому же всё это достанется?

Пастух расспросил его, кто он такой, откуда идёт, куда путь держит и что знает об этом дереве. Убедившись, что секрет бука молодому парню неведом, пастух воскликнул:

— Ты же счастливчик! Что-то хорошее снилось тебе, это

было видно по твоему лицу. Я долго наблюдал за тобой, пока ты спал.

После этого пастух рассказал об особенности бука.

— Что тебе приснилось, непременно исполнится, помяни моё слово. Это так же верно, как то, что эта егоза — овца, а этот круторогий забияка — баран. Кто угодно в деревне подтвердит, что я не вру. А теперь, скорее скажи, что снилось тебе? Чему ты так улыбался?

— Старина, — ответил подмастерье, — я благодарен тебе за твой красивый рассказ, но этот сон снился мне, значит он мой. Не обессудь, но я не люблю ни с кем делиться своими снами.

Подмастерье тронулся по дороге в деревню, посмеиваясь.

— Что за чепуху городил этот старик, — говорил он сам с собой. — Как может дерево знать будущее. Что за бабушкины сказки.

Посреди деревни над большим домом красовалась вывеска, с нарисованной на ней золотой, чтобы любой прохожий мог без труда найти местный трактир «Корона». У входа в трактир прислонился к дверному косяку хозяин — толстый, красноносый трактирщик. Он только что плотно поужинал, солидно выпил и сейчас, покуривая трубку, довольным взором обводил деревенскую улицу.

Поравнявшись с трактирщиком, подмастерье поклонился, снял шляпу и учтиво поинтересовался, не пустит ли добрый хозяин его бесплатно переночевать. Трактирщик придирчивым взглядом смерил парня с головы до ног и, будучи после ужина в хорошем настроении, кивнул головой.

— Так и быть, для тебя найдётся кусок черствого хлеба и полкружки вина, а выспишься ты и на соломе. Ты не станешь возражать? — насмешливо прибавил трактирщик.

Дочка трактирщика принесла хлеба и вина и, усевшись напротив, выспрашивала подмастерье, что интересного он видел в чужих краях. Пока подмастерье собирался с мыслями, она выложила ему все деревенские новости: сколько стоит нынче пшеница, когда в ближайший день в деревне будут танцы, и что их соседка родила двойню.

— А это у тебя откуда? — спросила девушка о веточке бука в петлице куртки подмастерья.

— С того дерева, под которым я сегодня спал.

Дочка трактирщика с загоревшимся глазами принялась выведывать у юноши, что он знает об этом дереве. Хитрец-подмастерье сказал ей только одно, что он спал под ним, но умолчал, что ему известно о его необыкновенном свойстве.

Девушка рассказала подмастерью все свои сны за неделю,

надеясь, что и он ответит ей тем же. Но парень только улыбался и молчал.

В это время пастух гнал через деревню стадо.

— Ей-то, я думаю, — сказал он, — ты скажешь, чему ты так сладко улыбался во сне.

Пастух проследовал за овцами, а девушка, которую сжигало нетерпение, не выдержала и спросила подмастерье, что ему приснилось под буком.

Шутник-подмастерье, хитро подмигнул ей и сказал:

— О, мне снился такой волшебный, удивительный сон. — Сделав серьёзное лицо, он приблизился к девушке, посмотрел ей прямо в глаза. — Мне снилось, будто я женился на дочери трактирщика, а потом и сам стал трактирщиком.

Дочка трактирщика побелела, точно мел, затем покраснела, как помидор, и бросилась в дом. Из окошка своей комнаты она смотрела на подмастерье, отдохавшего в беседке, увитой плющом. «Если я приснилась ему, — думала девушка, — то хочу я этого, или нет, быть мне его женой. Бук ещё никого не обманывал».

Помолившись пред сном, она легла спать, всю ночь ей снился молодой, весёлый подмастерье.

А юноша беззаботно спал на охапке соломы, и ничего ему в эту ночь не снилось. Он так устал в дороге, что забыл о буке, о сне под ним, и как он подшутил над дочкой трактирщика.

Утром он проснулся, выпил кружку воды на дорогу, заел её чёрствой корочкой, подал на прощанье трактирщику руку. В комнату вошла дочка хозяина и, увидев, что подмастерье прощается, испугалась, что он сейчас уйдёт.

— Отец, — взволнованно сказала она, — спроси прохожего молодца, не останется ли он на один день? У нас вино не разлито по бутылкам, одной мне не управиться.

— В самом деле, — отозвался трактирщик, — задержись-ка парень, торопиться тебе некуда, а тут, глядишь, немного деньжат заработаешь.

Целый день подмастерье разливал вино из бочек в бутылки, дочка хозяина затыкала их пробками, и в корзинах они носили их в погреб. Работу закончили в сумерки. Поневоле пришлось остаться ночевать. Отправляться в дорогу, когда ночь на носу, было небезопасно, ведь в кошельке подмастерья теперь позвякивали монеты.

А на следующий день хозяйская дочка попросила помочь ей в работе по саду, затем на огороде, в поле. Дни мелькали за днями. Трактирщик не мог нахвалиться неожиданно — нежданно объявившимся помощником, а его дочь вечерами

в беседке слушала истории о том, как подмастерье скитался по белу свету, как было трудно ему среди чужих людей. Иногда девушка вытирала глаза краем передника и говорила, что в них попала соринка.

Миновал год. Подмастерье стал своим в семье трактирщика, а вскоре полы в трактире были посыпаны белым песком и устланы еловыми ветками, а деревня готовилась к празднику: пригожая дочь трактирщика выходила замуж за подмастерье. Вся деревня гуляла на их весёлой свадьбе, а кто не радовался со всеми вместе, тот просто завидовал.

Как-то трактирщик по своему обыкновению выпил вечером привычную кружку пива и, хорошо закусив, блаженствовал в кресле с рубкой. Когда подошли его разбудить, увидели, что он умер во сне.

Сказанное подмастерьем в шутку, свершилось — он стал трактирщиком. И точно так же сбылось всё, приснившееся ему под буком. У них было двое сыновей, одного из них он кормил кашей и дул при этом на ложку, а второй тасил по полу на бечёвке морковку и кричал, что это рыжая лошадь.

Со дня их свадьбы прошло четыре года. Молодой трактирщик в своей комнате подчитывал выручку, бойко щёлкая костяшками счёт.

— Представь себе, муженек, — сказала вошедшая с улицы жена, — вчера один из наших батраков нечаянно заснул под буком, и ему приснилось, что он разбогател. Это старый — то Каспар, который так ленив и глуп, что мы держим его у себя лишь из жалости. Что он будет делать с богатством?

Муж засмеялся, пустив по железному прутку счёт несколько костяшек:

— Как ты, умная, дельная женщина, можешь верить этим басням? Подумай, разве может дерево, пусть даже и такое почтенное, как этот бук, предвидеть будущее?

— Муж, не грехи, — сказала жена, покачав головой. — Нельзя так шутить.

— А я и не шучу.

— Не шутишь? Я думаю, ты должен вечно благодарить это старое, святое дерево. Разве в твоей жизни не сбылось всё, что тебе приснилось под ним?

— Ах, вот ты о чём? Бог знает, что я благодарен. Знает Бог и ты. Да, то был чудный сон. Но жизнь чудеснее сна, а ты в тысячу раз милее женщины, приснившейся мне.

Жена молчала, а он продолжал:

— Ты знаешь пословицу: кто любит танцевать, тот насвистывает, и если крикнешь в лесу, услышишь отклик.

Что же после долгих скитаний мне могло присниться, как не семья и любящая меня женщина. Чего жаждет сердце, то и снится.

— Но тебе же приснилось, что ты женишься на мне.

— Именно на тебе? Этого мне никогда не снилось. Я видел женщину и детей, но они не были так красивы, как ты и наши дети.

— Но тебе же приснилось, что ты станешь трактирщиком, — не сдавалась жена.

— Клянусь, это была только шутка! — расхохотался муж.

— Ты так смотрела на меня, что грех не подшутить.

Жена заплакала горькими слезами. Муж попытался утешить её.

— Не подходи ко мне, — сквозь рыдания говорила она, — ты украл мою любовь. Ты отнял у меня всю радость жизни. Я думала, мы суждены друг другу, а это оказалось — обман, насмешка.

Как ни старался муж убедить, что он по-прежнему любит её, она плакала ещё безутешней.

— Неужели ничего не значат эти годы, что мы прожили с тобой в любви и согласии? — говорил он, но жена не слушала его.

На следующий день жена не плакала, но была грустна, задумчива и не разговаривала с мужем. А в доме всё пошло кувырком: на кухне падали и разбивались горшки, куда-то запропастилась лучшая курица, батраки напились и разбрелись кто куда, один сын занозил себе руку, а другой обварил ногу кипятком.

Тоска овладела трактирщиком, потому что больше всего на свете он страшился потерять любовь своей жены.

В погожий день он осматривал ржаное поле. Было жарко. В воздухе звенели кузнечики. На небе ни облачка. Зреющая рожь колыхалась, как золотое море. Но сердце трактирщика было полно печали.

На пути домой он задержался у старого бука. Ветвистой громадой возвышался могучий великан на фоне неба. Трактирщик присел к дереву, привалился спиной к шероховатому стволу. Все прошедшие годы, что он прожил с любимой женой, были подобны чудесному сну. Неужто этот сон прошёл навсегда?

Бук шумел ветвями, будто что-то шептал ему. Снова, как тогда, сквозь листву синели кусочки неба, изредка пробивался солнечный луч. Молодой трактирщик неприметно задремал под буком. И снится ему тот же самый сон, что и пять лет назад — женщина у стола, дети, но лица

у них теперь — это лица жены и его сыновей. Жена взглянула на него и ласково, дружелюбно улыбнулась ему.

Трактирщик проснулся, сломил веточку, воткнул её в петлицу и с прежней печалью направился домой. Сон был так не похож на действительность. Возле дома он повстречался с женой, возвращавшейся из церкви.

— Откуда это? — спросила она, дотронувшись до буковой веточки.

— Со старого бука, — ответил муж. — Сегодня он послал мне утешительный сон. Мне снилось, что ты, как встарь, любишь меня. Все огорчения позади. Однако ведь это всего-навсего сон, и значит — неправда. Разве может дерево знать будущее?

Лицо жены озарилось улыбкой.

— Ты это вправду видел?

— Конечно, вправду.

— И я была несомненно твоей женой?

— А как же иначе.

— Слава Богу! — крикнула жена, бросившись ему на шею.

— Теперь снова всё хорошо. Значит, я твоя настоящая жена, а ты мой муж. Поверь, очень трудно жить, думая, что у тебя украли любовь, и ты живёшь чужой любовью.

Она взяла у мужа веточку бука и заперла в шкатулку, в которой хранила самые дорогие для неё вещи и в их числе — первую веточку, которая она свято хранила с того самого дня, когда впервые увидела и полюбила молодого подмастерья.

ПОЧЕМУ У АИСТА ДЛИННЫЕ НОГИ?

Хотите узнать, почему у аиста длинные ноги? Так слушайте.

Когда была иная жизнь, чем сейчас нынче аист за три дня приходил к людям, ожидавшим ребёнка, стучал клювом в окно и говорил:

Приготовьте колыбель,

Для малютки постель.

Подушку на пуху,

Одеяльце на меху.

Тёплые чулки,

Мягкие башмаки.

Нужны для ребёнка

Чепчик, пелёнка...

И люди были готовы к радостному прибавлению в семье. Когда же у аиста было столько детей, что он едва поспевал их разносить, он не мог предупредить каждую семью и порой заставлял людей врасплох.

Так случилось с одной бедной семьёй, что жила в деревне в убогой хижине. Аист ничего не сказал мужу и жене заранее и, когда прилетел к ним с дитятей, их не было дома. Они ушли на работу в поле, заперли дверь и окна. Даже крыльца не было у их хижины, чтобы положить на него дитя. Аист взлетел на крышу и так громко захлопал крыльями, что сбежалась вся деревня. Соседка бедных людей сломя голову побежала на поле.

— Господин сосед, госпожа соседка, — издалека звала она. — Господь Бог послал вам дитя. Аист стоит на крыше и не знает, куда его положить. Бегите со всех ног, а то он выронит его, как это случилось с малышом Гансом, сыном мельника, потому — то он с детства прихрамывает. Толстенный да крепенький он, как отец, и не диво, что аист не смог его удержать.

Муж с женой примчались в деревню, взяли у аиста ребёнка и увидели, что это прелестный, здоровенький мальчуган. Они очень обрадовались, но зато аист рассердился, что так долго ждал их, и сказал, что больше не принесёт им никого.

— Уже вечер, поздний час, — брюзжал он. — Когда же я приду к своей аистихе на болото, ведь сегодня мне нужно разнести ещё целую дюжину детей.

Однако родители были так рады, что совсем пропустили мимо ушей недовольство аиста. Он ведь и сам был малость виноват, что не предупредил их.

— Нужно что-то подарить аисту, который принёс нам такого чудного сынка, — сказала жена. — Но что? Мне ничего не приходит в голову.

— Задача не из лёгких, — согласился муж, — ведь у него всё есть. Разве что сделать ему ходули? Живёт он на болоте, ловит лягушек, трудновато ему бродить по воде на своих коротеньких, как у таксы, ножках.

— Это будет превосходный подарок, — согласилась жена. — Ходули нужно выкрасить в красный цвет и тщательно отлакировать.

— Почему же в красный? Не лучше ли в зелёный?

— Нет, нет, не спорь, красные ходули будут ему больше к лицу.

Муж послушался разумного совета жены, выстрогал из бука тонкие, прочные ходули, покрыл их красной краской,

лаком и понёс аисту на болото.

Аист встретил его хмуро, но, увидев подарок, повеселел, примерил ходули — они пришлись ему в самый раз! — и пошёл вышагивать на них по болоту, довольно пощёлкивая клювом.

— Вот это обновка! — восторженно приговаривал он. — Да, как кстати, а то я намедни опять так простудился, промочив ноги, что целую неделю не вылезал из дома. И намучался же я потом, детей-то, знаете, сколько накопилось! Одно время я был сердит на вас, но теперь вижу, что сердился напрасно. Так и быть, я прощаю вас и за эти ходули через четыре недели принесу вам премиленькую девочку. Но чур — не заставляйте меня ждать.

— Что вы, господин аист. Мы весь день не выйдем из дома, и не задержим вас ни на секунду.

Через четыре недели аист прилетел и в самом деле принёс маленькую девочку. Теперь у родителей было два ребёнка, да таких красивых и весёлых, что соседи приходили на них любоваться.

В этой же деревне жил богатый крестьянин, завидуший скупердяй. У него был ребёнок — тоже мальчик, и ему очень хотелось заполучить ещё девочку. Когда он узнал, каким образом бедняк приобрёл дочку, решил и он попытаться счастья. Он заказал у деревенского столяра шикарные ходули — с золотыми шишечками наверху, окрашенные в зелёный цвет и обвитые желтым и голубым узором.

Натянув на себя свой самолучший жилет, бархатную шляпу с пером, богач с ходулями под мышкой отправился на болото.

— Много лет здравствовать вашей милости, — сняв шляпу и поклонившись, приветствовал он аиста.

— Рад вас видеть, — отозвался аист, стоявший далеко от берега на ходулях, с которыми не расставался. — Что вам угодно?

— Ваша милость, — сказал богач, — мне очень хочется иметь красивую девочку. Моя жена посылает вам в подарок эти скромные ходули.

— Ты не получишь девочку, — отрезал аист, — потому что ты обижаешь крестьян в деревне, даёшь в долг, а потом немилосердно обдираешь их. И ходули твои мне не нужны, у меня есть свои. Посмотри. Твои ходули безобразны: зеленое, желтое, золотое. Аж в глазах рябит. Фу! Аистиха меня на таких ходулях на порог гнезда не пустит.

Так богач вернулся домой, не солоно хлебавши, а у аиста с той поры длинные ноги.

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

В давние – давние времена в Тюрингии близ Аполды была старая мельница. Она выглядела как обычная кофейная мельница, с той лишь разницей, что была гораздо больше и ручка у ней не была не наверху, а сбоку. Эта мельница обладала замечательным свойством.

Если в её верхнюю часть заходила немощная, морщинистая старуха, горбатая, без волос и зубов, то внизу она выпрыгивала молодой, краснощёкой, нарядной девицей. Когда мельница работала, внутри её что-то щёлкало, вскрикивало и охало, как от боли.

Когда внизу появлялась молоденькая девчонка, и её спрашивали, не страшно ли перемалываться, она отвечала задорно:

– Что вы, ничуть. Это всё равно, что проснуться спозаранку. Ты хорошо выспалась, за окном светит солнце, поют птицы, шумят деревья, потянешься – только косточки хрустят.

В одной глухой деревушке далеко от Аполды жила дряхлая старуха, которая слышала о мельнице, да никак не могла собраться туда сходить. Однако же дольше ждать было нельзя, того и гляди, встанет на пороге костлявая ведьма с косой. Собралась старушка, помолилась, положила в котомку хлебushка и пустилась в путь. Шла она долго, больные ноги едва несли её, одолевал кашель и боль в спине, но она брела и брела вперёд. Наконец, она пришла к чудомельнице.

На скамье у мельницы сидел мельник – молодой парень. Засунув руки в карманы, он покуривал рубку, пуская кольца в небо.

– Нельзя ли мне, господин мельник, снова сделаться молодой? – спросила, шамкая беззубым ртом, старушка. – Говорят, ваша мельница это делает.

– Правду говорят, – сказал мельник. – Как зовут тебя? Старуха назвала себя.

Мельник забежал в мельницу и вынес оттуда большую толстую книгу.

– Сколько возьмёте с меня? – старуха полезла в кошелёк за деньгами.

– Перемолка ничего не стоит, – ответил мельник. – Но вот здесь ты должна поставить свою подпись.

– Подпись? – встревожилась старуха. – Душу свою дьяволу отдать? Э, нет. Я набожная женщина, и всё же

надеюсь попасть на небо.

— Что ты, бабуся, — засмеялся мельник, — какой дьявол? Нет, у нас всё чисто. Только в этой книге с точностью по дням и часам записаны все прегрешения, какие ты совершила в жизни. Ты должна подписаться, что, когда перемелешься, согласна повторить их все снова.

Мельник посмотрел на притихшую старуху, заглянул в книгу, и насмешливо сказал:

— С шестнадцати до двадцати шести лет записи идут густо, черно от них, не на одной странице записано, к сорока годам пошли реже, после сорока опять густо, ну а к старости, понятное дело, совсем редко.

Старуха покачала головой и жалобно попросила:

— Нельзя ли там хоть что-нибудь повычеркнуть, милый господин мельник? Всего три строчки? Я скажу какие. А то повторить всё заново — это ужасно!

— Я бы рад, — ответил мельник. — Но мельница работает только при таком условии.

— Закройте вашу книгу, — недовольно сказала старуха. — Такая перемолка меня не устраивает. Это всё равно, что переливать из пустого в порожнее, — и она потащилась, кряхтя и охая, назад в деревню.

Когда старуха вернулась домой, вся деревня сошлась посмотреть на неё.

— Бабуля, — дивились все, — вы такой и вернулись, какой уходили. Мельница изломалась, или всё врут о ней?

— Нет, мельница исправна, и говорят о ней правду, — отвечала путешественница за молодостью. — Да не зря говорится: сколько ни мели, не получится изю ржи пшеничная мучка.

НЕУДАЧНИК И СЧАСТЛИВИЦА

В небольшом городке на берегу широкой реки Эльбы жил один парень, у которого всё, за что он ни брался, кончалось несчастьем, ни в чём ему не везло. Его так все и звали: Фриц-Невезуха. Когда он нёс стекло, оно непременно разбивалось, а когда собирал осколки, они вонзались ему в пальцы. На рынке его обворовывали, а если он писал кому-нибудь письмо, то на средину листа обязательно плюхалась жирная клякса. Родители, которые очень любили его, скончались. Фриц жил у своих тёток, долговязых тощих и злых. Обе тётки ругали его почём зря всякий раз, как

приходили с обедни, а к обедне они ходили каждый день.

Так за годом шёл год. Бог прибрал тёток в один день, и Фриц посадил возле их могил уйму кустов и деревьев, словно хотел поместить тут все палки, которые они измочалили об его спину.

Однако после смерти тёток несчастья посыпались на Фрица, как снег зимой. И такая овладела им тоска, что ничего ему не оставалось другого, как отправиться странствовать по белу свету, в надежде найти счастливый уголок.

«Хуже всё равно не будет», — подумал он.

Он положил в сумку варёного окуня, краюху хлеба и направился к городским воротам. На каменном мосту перед воротами он остановился и печально смотрел на Эльбу. Волны пенились у опор моста, свивались в водовороты. Грустно было Фрицу покидать город, в котором он родился, где прошло его детство. Может быть, он ещё долго грустил бы на мосту, как вдруг порыв ветра сорвал с его головы шляпу и швырнул её в реку. Фриц схватился за голову, а шляпа уже уплывала под мост, танцевала на бурных волнах посреди потока, словно насмешливо говорила ему:

— Прощай, незадачливый хозяин. Ты может стоять тут сколько тебе влезет. А я поплыла путешествовать.

Фриц вышел за городские ворота, уныло брёл по дороге. А мимо него, обгоняя, шутя и смеясь, шагали молодые подмастерья, школяры, солдаты...

— Не отставай, приятель, иди за нами, — звали его одни.

— Догоняй, брат, — хлопали по плечу другие.

— Нет, друзья, мне с вами не по пути, — отвечал он им. — Я не принесу вам в дороге счастья. Ведь я — Фриц-Невезуха.

Как только они слышали это имя, лица парней становились серьёзными, улыбки пропадали с лиц, они замолкали и прибавляли шаг: кому ж охота связываться с невезухой.

Под вечер Фриц набрёл на постоялый двор, приютился в уголке, в раздумье сидел над кружкой пива. Наблюдавшая за ним хозяйская дочка, тихо дотронулась до его плеча, участливо спросила, что с ним. С девушкой повторилось то же, что с его недавними попутчиками. Едва лишь она узнала от Фрица историю его жизни, она покачала головой, отошла смущенная и скорей села за свою прялку.

После долгих дней путешествия, когда на него нападали разбойники, одичавшие собаки, подошёл он к большому прекрасному саду, обнесённому позолоченной оградой. За оградой виделись цветущие деревья, кусты, зелёные лужайки. Среди кустов вился ручей, над которым были

перекинуты лёгкие, арочные мостики. По лужайкам гуляли косули и олени. Они доверчиво просовывали головы за ограду, брали из рук хлеб. В кустах свистели и щёлкали соловьи. А вдалеке за деревьями, возвышался замок. Его серебряная крыша блестел на солнце, на башнях развевались разноцветные флажки и знамёна.

Шагая вдоль ограды, Фриц дошёл до открытых ворот, на которых висела доска.

«Ага, — подумал Фриц, — бьюсь об заклад, если сад так прекрасен, то на доске написано, что вход сюда запрещён».

К его удивлению на доске было написано: «Здесь не разрешается унывать и плакать».

«Какая дурацкая надпись, — подумал Фриц — попробуй не заплачь от такой жизни».

Он потёр глаза кулаком, чтобы проверить, не спряталась ли в каком-нибудь уголке слезинка, и вошёл в сад, удивляясь, что в саду нет ни сторожей, ни злых псов. Он шагал между живых изгородей — розовой и жасминовой, и голова его приятно кружилась от их аромата. На опушке сада начиналась тропинка, которая, петляя среди деревьев, вела на вершину холма. Там в беседке, обвитой плющом, на скамейке сидела красивая девушка. В руках она держала золотую корону. Девушкадохнула на неё, потёрла платком, и, засмеявшись, откинув назад свои чудные длинные волосы, надела корону на голову.

Фриц, следивший за принцессой из-за куста, пригнулся ниже, чтобы она не заметила его, ветка барбариса пощекотала ему кончик носа и парень громко чихнул.

Девушка в короне выбежала из беседки, заглянула за куст.

— Почему ты прячешься? — спросила она. — Разве ты хочешь причинить мне зло?

Дрожа как осиновый лист, Фриц встал за кустом. Девушка, увидав его нескладную фигуру, испуганное, смущённое лицо, рассмеялась.

— Садись рядом со мной, — сказала она. — Подружки мои куда-то разбежались, и я осталась одна. Не правда ли, это так скучно?

Фриц кивнул головой в знак согласия. Уж кому-кому, а ему не нужно было рассказывать об одиночестве.

— Почему у тебя такое печальное лицо? Ты нездоров или чем-то озабочен? Если бы ты не хмурил лоб и не делал сердитое лицо, о тебе можно было бы сказать: какой красивый юноша!

От этих добрых, приветливых слов робость Фрица куда-то улетучилась.

— Кто ты? — спросил он, присаживаясь на скамью к девушке. — За свою жизнь я не видел никого прекраснее тебя.

— Я принцесса-счастливица, а это сад моего отца, короля-счастье.

— Что же ты делаешь, как живёшь?

— Я ухаживаю за моими косулями и оленями, играю с подружками, кормлю золотых рыбок, играю на лютне и пою. Мы танцуем и веселимся с подружками.

— Какая радостная, лёгкая жизнь! И тебе никогда не бывает грустно?

— Никогда.

— И ты не знаешь, что такое тоска?

— Нет, не знаю. А теперь расскажи о себе, как тебя зовут, и как ты живёшь?

— Ах, принцесса, — вздохнул Фриц. — Зачем тебе знать моё имя? Я несчастнейший человек на свете. Каждый, кто узнаёт мое имя, бежит от меня как от зачумлённого. Меня зовут Фриц-Невезуха.

— Невезуха! — расхохоталась принцесса. — Какое забавное имя! Что же в нём плохого? Весёлое имя: Невезуха — ха — ха- ха- ха! Умрёшь со смеха. Нет, ты не должен быть печальным и грустным. Не тереби свой нос, убери волосы со лба, расправь морщины, гляди веселей и всё будет чудесно.

— Ах, принцесса! Это легко сказать, а не сделать. Почему же ты такая весёлая, открой секрет?

— Когда меня крестили, — сказала принцесса, — меня держала на руках добрая фея. Она поцеловала меня лоб и сказала: ты должна приносить в мир радость и счастье. Любой печальный человек, увидев тебя, должен забыть о своих бедах и несчастьях. Ты будешь называться принцесса-счастливица.

— Если бы меня поцеловала такая фея, — мечтательно сказал Фриц.

— А почему фея? — сказала счастливицы. — Ведь и принцесса тоже что-то значит.

Она приблизилась к сидевшему Фрицу, поцеловала его в лоб и, смеясь, убежала.

Фриц медленно встал со скамейки, испытывая такое чувство, будто он пробудился от сна. Большая, огромная радость наполнила его сердце. Он нарвал большой букет белых роз и, улыбаясь и распевая песни, отправился своей дорогой.

— Если бы принцесса не убежала, — говорил он, радостно

оглядываясь вокруг, — я бы подбросил её в воздух, как птицу. Такая пробудилась во мне сила.

В ближайшем городке он купил себе красную бархатную куртку с атласными разрезами, заливчатый берет с длинным пером, новые сапоги и коня.

— Ну, кто теперь посмеет назвать меня Невезухой, — говорил он, глядясь в зеркало. — Нет, я достоин другого имени.

Он вскочил на коня, дал ему шпоры и с песнями поехал вдаль.

А принцесса-счастливица, поцеловав Фрица-Невезуху, весело бежала по саду, вспоминая нескладного, грустного парня, потом пошла шагом и, наконец, села на лужайке у замка и горько заплакала. Сбежались подружки, стали веселить, смешить её, но безуспешно. В страхе побежали они к отцу принцессы.

— Ваше Величество, — уже издали кричали они. — Беда, горе для всего королевства. Принцесса-счастливица плачет в саду.

— Какая же она счастливица, если плачет? — вскричал король, спускаясь по лестнице в сад. Принцесса плакала, держа в руках корону, которая была покрыта слезинками, как алмазами, так их было много.

Что ни говорил король, как ни утешал дочку. Всё было напрасно. Со всего королевства собрали клоунов, шутов и фокусников, в сад свезли драгоценности, лучшие картины и статуи. Ничто не помогало, ничего не могло утешить и развеселить принцессу. Только после долгих уговоров король выяснил, что же случилось: в сад заглянул печальный юноша, принцесса его поцеловала и с этого момента потеряла свою радость и счастье.

— Чужой, посторонний юноша! — возмутился король. — В плохой одежде! Должно быть, какой-то бродяга.

— Отец, мне его было так жалко.

— Это не повод, чтобы целовать первого попавшегося босняка. Да ещё с таким именем — Невезуха! Как только его изловят, даю слово, его обезглавят. И это ещё слишком мягкое наказание для него.

Во все концы королевства верхом и пешком на розыски дерзкого бродяги в рваной куртке были посланы королевские слуги. Ежедневно во дворец под стражей приводили десятки угрюмых, печальных парней, но Фрица среди них не было. Не раз королевские слуги проезжали мимо Фрица-Невезухи, но как они могли узнать его в весёлом, бодром здоровяке, гордо восседавшем на коне в

богатой и нарядной одежде?

Король гневался на слуг, ибо принцесса по утрам выходила к завтраку с заплаканными глазами.

Так шла неделя за неделей. Внезапно во дворе замка раздались шум и крики. Король подошёл к окну, чтоб узнать причину суматохи, как в его покои ввели Фрица-Невезуху. Руки его были связаны, но лицо сияло. Он с достоинством поклонился королю, выпрямился, спокойно ожидая, что будет дальше.

— Нам помогла его поймать дочка хозяина постоянного двора, — рассказывал стражник. — Этот молодчик как-то по глупости рассказал ей свою историю. Когда мы объяснили ей, кого мы ищем, она показала на его проезжавшего по улице. Мы схватили его, поскакали в замок, а он смеялся и говорил, что мы скачем слишком медленно. Первый раз я встречаю такого смелого и беспечного человека.

Король, нахмурившись, посмотрел на Фрица.

— Значит это ты тот юноша, которого поцеловала принцесса?

— Да, мой король, — отвечал Фриц. — И после этого я сделался счастливейшим человеком в мире.

— Заприте его в башню, — приказал король. — Завтра на рассвете его голова скатится под топором палача.

Фрица увели, но на душе у короля легче не стало.

«Если его завтра казнят, — думал он, расхаживая по комнате, — едва ли это событие развеселит принцессу».

Король на носочках подкрался к комнате принцессы, и, увидев плачущую дочь, удалился. Он долго думал, как быть и позвал королевского палача.

— Ваше Величество, — сказал палач королю. — Этот парень раньше был печален, а теперь весел, точно так же, как раньше у принцессы никто не видел слезинки. Всему причиной поцелуй принцессы. Не лучше ли будет, если парень вернёт его принцессе, чтобы она снова стала весёлой? А уж после этого я сделаю своё дело наилучшим образом.

— Ну и чушь ты сморозил! — сердито возразил король. — Чтобы безродный бродяга целовал королевскую дочь. Это против нравов моего дома.

— Но это можно преподнести не как обычный поцелуй, а как акт государственной важности. Кто тогда посмеет что-либо возразить? И всё будет в порядке: принцесса вновь весела, а злодей без головы.

— Что же, — после раздумья согласился король, — твои рассуждения не лишены резона. Позвать всех графов и баронов в тронный зал и введите туда заключённого.

После этого король облачился в горностаевую мантию, возложил на голову большую государственную корону и сел на трон. Возле короля стояла принцесса, которая не знала, что сейчас произойдёт. Зал был полон благородных рыцарей в сверкающих золотом нарядах, с оружием. Здесь собрался весь цвет королевства.

Распахнулись высокие двери и в зал вошёл Фриц-Невезуха.

Герольды протрубили в трубы. Наступила тишина.

— Дерзкий чужеземец, — сурово сказал король, — ты живёшь последний день на земле, завтра ты будешь казнён. Но прежде чем душа твоя расстанется с телом, ты должен перед всем благородным собранием вернуть принцессе тот поцелуй, который она столь необдуманно отдала тебе. Это дело государственной важности.

— Ваше Величество, — сказал Фриц, — я беспрекословно исполню любой Ваш приказ, а тем более этот. Чем же я могу ещё утешиться перед смертью?

Фриц обнял принцессу и возвратил ей поцелуй. Принцесса взяла его за руку и не позволила отойти. В глазах её появился прежний блеск и искры веселья.

— Дочь моя, — спросил король, — ты довольна?

— Да, — сказала принцесса улыбнувшись. — Но, милый отец, одного поцелуя хватит недолго.

— Я это вижу, — грозно сказал король, заметив, как она глядит на Фрица, а парень не становится снова печальным. — Что мне делать? Позор на всё королевство.

— Я знаю, что делать, мой милый отец, — сказала принцесса. — Позволь я шепну тебе на ухо.

Она наклонилась к королю и сказала несколько слов.

Король вздохнул, окинул взглядом многолюдный тронный зал, взял руку Фрица-Невезухи, вложил её в руку принцессы-счастливицы и властно сказал:

— Господа, во всём происходящем мы обязаны видеть волю Божию. Это моя дорогая дочь, а это мой возлюбленный сын, который будет править королевством, когда Бог призовет меня к Себе.

Так Фриц стал принцем, а потом и королём. Они счастливо жили в своём замке, и Фриц каждый день столько раз целовал свою королеву, что она становилась ещё радостней, чем прежде.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В одной деревне жил крестьянин — Ганс-простака. Сколько он ни трудился, никак не мог поставить на ноги своё хозяйство. Все дела у него шли наперекосяк, ни шатко, ни валко.

Однажды сидел он на своём плуге и отдыхал, утирая пот с лица. По краю поля шла старуха с хитрыми глазами, про которую в деревне толковали будто она волшебница.

— Не мучай себя понапрасну, — крикнула она Гансу, — всё равно ничего путного у тебя не выйдет. Брось плуг, ступай в лес, что в двух днях хода отсюда. В лесу ты увидишь одинокую ель, которая выше всех деревьев. Там ты найдёшь своё счастье.

Ганс не заставил себя долго упрашивать, помолился, взял топор и отправился в путь. После двух дней пути он отыскал в лесу ту самую ель, срубил её, она рухнула наземь, и в тот миг, лишь ветви ели коснулись земли, из ветвей выпало гнездо с двумя яйцами. Яйца разбились: из одного выпорхнул птенец, а из другого — выкатилось золотое кольцо.

Птенец рос на глазах и, когда превратился в большого орла, забил крылами, взлетел и проклекотал с высоты:

— Ты освободил меня, Ганс. В благодарность возьми это кольцо. Поверни его три раза на пальце и сбудется любое твоё желание. Но запомни — кольцо исполняет только одно желание, поразмысли над ним хорошенько. После исполнения желания кольцо теряет свою силу. Орёл большими кругами стал набирать высоту и исчез из виду.

Ганс надел кольцо на палец и пустился в обратный путь. Под вечер он пришёл в большой город. На улице, на пороге своей лавки стоял ювелир, у которого было в продаже множество дорогих колец и перстней. Ганс показал ему кольцо и спросил, сколько оно стоит.

— Пустяки, — небрежно ответил ювелир, едва глянув на кольцо.

Ганс захохотал и сказал, что его кольцо стоит всей лавки ювелира, и самого ювелира в придачу, и тут же поведал историю кольца. Недаром же Ганса звали простаком.

Тем временем стемнело. Городские ворота заперли. Ювелир позвал Ганса к себе ночевать, угостил его крепким вином, приласкал ласковыми словами, а когда Ганс уснул, снял у него с пальца волшебное кольцо, подменив его точь-в-точь таким же, но обыкновенным кольцом.

Поутру, едва встало солнце, ювелир растолкал Ганса.

— У тебя впереди дальняя дорога, — сказал он ему. —

Лучше если ты отправишься в неё пораньше. Скатертью дорожка, милый гость.

Ганс поблагодарил за ночлег и вышел из лавки. Ювелир торопливо запер за ним дверь, закрыл ставни, чтоб никто не подсмотрел с улицы, трижды повернул кольцо и провозгласил:

— Хочу иметь ровно сто тысяч талеров.

Лишь он выговорил это, как с потолка хлынул ливень из талеров. Твёрдые, блестящие, полновесные талеры лились неистовым потоком, до крови били ювелира по голове, по плечам, по рукам. В ужасе, крича от боли, он метнулся к двери и почти достиг её, но запнулся, упал, а подняться не смог, талеры засыпали его. А ливень не кончился — ведь сто тысяч талеров, это страшно много. Под их тяжестью скоро прогнулся пол в комнате, и ювелир вместе с золотом провалился в глубокий подвал.

На шум прибежали встревоженные соседи. Увидев мёртвого ювелира под огромной грудой золота, они сказали:

— Да, это большое горе, когда счастья привалит слишком много.

А Ганс пришёл домой и радостно сказал жене:

— Теперь наше счастье с нами, милая моя жёнушка. Только нужно как следует подумать, что мы хотим.

— Как ты считаешь, — сказала жена, — не пожелать ли нам ещё несколько акров пахотной земли? Её у нас так мало. Давай пожелаем то поле, что на опушке леса.

— Если мы хорошо поработаем, — возразил Ганс, — даст Бог, мы его и так купим.

И, действительно, в этом году Ганс с женой трудились старательно, как никогда, и сняли такой урожай, что купили поле на опушке леса, и еще у них осталось денег.

— Ну вот, — сказал Ганс, — и поле у нас есть, и ещё одно пожелание в запасе.

— Неплохо бы пожелать нам корову и лошадь, — сказала жена.

Ганс побрякал в кармане штанов оставшимися деньгами и сказал:

— Тебе не терпится истратить своё желание. Если поработаем на совесть, будут у нас и корова с лошастью.

И верно. После второго года усердного труда были у них и корова с лошастью.

— Вот видишь, — сказал Ганс, — опять один год сберёт нам желание.

— Я не понимаю тебя, — с досадой сказала жена. — Раньше ты всегда жаловался, что у тебя нет возможности исполнить

свои желания, теперь это можно сделать, а ты по-старому надрываешься на работе. Уходят твои лучшие годы. Посмотри, как знамениты король, император, граф. И ты можешь стать любимым из них, иметь сундуки золота, а ты не решаешься, что выбрать.

— Дорогая моя, — сказал Ганс, — оставь суетные мечтания. Мы ещё молоды, жизнь у нас долгая. Не спеши растратить единственное желание, чтобы потом не пожалеть об этом. Кто знает, как повернется жизнь. Будем же разумны — будем молиться милостивому Богу, любить друг друга и как следует обдумаем, что же нам пожелать.

И так получилось, что с этим кольцом в доме Ганса поселилось счастье. Амбары и кладовые у него наполнились год от года, и вскоре из бедного крестьянина он стал зажиточным хозяином. Но не зазнался, не возгордился и по-прежнему был прост и ласков со всеми. Много батраков работало у него, многих людей он кормил и одевал, а на Пасху дарил всем по талеру.

Так проходил за годом год. Порой жена напоминала Гансу о кольце и делала ему разные предложения. И вот однажды, когда они были уже стариками и головы их побелели, как снег, Ганс сказал ей с улыбкой:

— Что же нам пожелать с тобой, дорогая моя старушка? — и начал поворачивать кольцо на пальце. Но в эту минуту Господь взял его душу к Себе. Сразу умерла и жена Ганса.

Дети и внуки плакали, прощаясь с ними. Один из сыновей хотел снять кольцо с пальца отца, но старший сын запретил ему:

— Не трогай. Пусть оно уйдёт с отцом в могилу. С этим кольцом была связана какая-то тайна. Мать так часто посматривала на него и при этом что-то говорила отцу. Видимо, это был какой-то заветный подарок.

ЗОЛОТКО

На краю деревни у большого зелёного луга жила семья — муж с женой и их маленькая дочка. Шалунья и непоседа. Родители ласково звали её — Золотко.

Муж работал плотником в городе, жена доила коров на ферме в замке.

Рано утром родители девочки ушли на работу. Золотко проснулась. Спрыгнула с постели и в рубашонке и в одном чулочке стала на пороге дома. Солнце освещало широкий

луг и лес вдали. Привольно раскинувшийся луг словно звал к себе, глазки цветов смотрели так улыбочиво и приветливо, что малышка забыла наказ отца с матерью не уходить из дома, захлопнула за собой дверь и побежала по траве. Цветы дружно кланялись ей и восхищённо шептались: «Ах, какая умница! Ах, какая смелая девочка!»

За лугом росли кусты. Когда Золотко подбежала к ним, старый, душлистый орешник пошелестел ей:

Ты же не обута, ты же не одета.

Ну, куда годится безобразье это?

Плакать будут и отец, и мать.

О своей дочурке горевать.

Вернись немедленно домой!

Девочка не послушалась орешника, потому что за кустами виднелся большой и голубой, как небо, пруд. На его берегу чистила пёрышки утка. А в воде ныряли и плескались утята: пушистые и жёлтые, как яичные желтки. Увидев девочку, утята было испугались, запищали и гурьбой кинулись к матери.

— Здравствуйте, госпожа утка, — вежливо поздоровалась девочка.

— Молчите, глупые, — прикрикнула утка на детей. — Ведь это Золотко. Что вы её испугались? Как, милое дитя, проживают твои родители — господин отец и госпожа мать? Я надеюсь, у них всё благополучно. Как восхитительно, что ты решила посетить нас. Это большая честь для моего семейства. Ну, как тебе нравится наш пруд? Замечательная местность, не правда ли?

— Госпожа утка, — спросила Золотко говорливую крякушку, — а что это за писклявые, жёлтые комочки?

— Комочки? — изумилась утка. — Скажите на милость, да ведь это мои детки.

— Твои детки? Но на них же нет ни одного пёрышка, только пушок. А что они кушают?

— Они пьют чистую воду и едят песок.

— Но они же никогда не вырастут.

— Ах, Золотко, как жаль, что ты не утка. Кого любит Господь, того Он и благословляет, ведь в песке есть вкусные корешки, а в воде червяки и жучки.

— Как интересно, — сказала Золотко. — Господа утка, я хочу перейти на другой берег, но нигде не вижу моста.

— Да, моста тут нет. Но для дорогой гостьи я готова оказать любую услугу.

Утка взяла в клюв стебель кувшинки, Золотко встала на широкий лист и утка повезла девочку на другой берег. А

утята плыли по бокам листа и весело попискивали.

За прудом был такой же зелёный луг с цветами. Золотко увидела порхавшую над лугом большую голубую бабочку и побежала за ней.

— Голубой листочек, — сказала она, — давай поиграем. Ты будешь убегать, а я тебя ловить.

— Хорошо, — сказала бабочка, — только ты не дотрагивайся до моих крылышек, иначе я не смогу летать.

— Договорились, — крикнула Золотко. — Раз, два, три, скорей лети.

Так весело они играли, гоняясь друг за дружкой. Однако Золотко устала и захотела есть. В пруду возле луга прогуливался строгий аист, что-то вылавливал из воды и ел.

— Господин аист, — спросила Золотко, — что Вы кушаете?

— Прыгоквакающий салат, дорогая путешественница.

— Из чего же он приготовлен, господин аист? — удивилась Золотко.

— Натурально из лягушек, моя милая вопросительница, — ответил аист, считавший себя учёным и любивший заковыристые слова.

— Дайте и мне такого салата, а то я голодна.

— Это салат не для тебя, моя маленькая проголодательница. — Аист погрузил свой длинный нос в воду и достал перламутровый ларчик, в котором был серебряный кубок с молоком и мягкая булка с изюмом.

Кушай, милое дитя.

Ты живёшь теперь шутя,

Впереди большая жизнь,

Только в детстве веселись.

Кушай, кроха, Бог с тобой,

Да пора тебе домой

Девочка села на луг, пила молоко, заедая его булкой. А когда поела, поклонилась доброму аисту и сказала ему спасибо.

Приближался вечер, начало смеркаться. Уставшие за день цветы складывали свои лепестки в бутончики и засыпали. Закрылись глазки и у Золотка. Она прилегла под кустик и заснула.

А дома её родители сбились с ног. Мать осмотрела все комнаты, заглянула за печку, под лестницу, обошла чердак. Он сбегала на луг, добежала до кустов и пруда. Старый орешник говорил ей о дочке, но взрослые не понимают языка деревьев и птиц, ведь только дети знают, о чём шепчутся цветы, бормочет ручей и мечтает облако, плывущее в вышине.

В слезах мать вернулась домой, снова обошла комнаты, проверила под кроватью. Снова вышла на луг и добежала до пруда. Нет дочурки. Нигде нет. А в деревне Золотко искал отец, спрашивал односельчан, но никто не видел её.

Когда же наступила ночь, и зажглись звёзды, на землю сошли два ангела, которые каждый вечер облетают мир, разыскивая заплутавших детей. Ангел летел над зелёным лугом, увидел спящую девочку, взял её в руки и полетел в деревню. Уже все люди спали, только в одном окошке горел свет. Ангел заглянул в него и увидел плачущих родителей девочки. Ангел бесшумно отворил дверь, положил спящее дитя на сундук в коридоре и улетел.

Ещё долго сидели отец и мать Золотка за столом. Наконец, мать встала, зажгла свечу.

— Зачем ты это делаешь? — печально сказал муж. — Не ходи никуда. Мы обшарили с тобой каждый уголок, заглянули в малейшую щёлку. Наша золотая доченька утонула в пруду. Он положил руки на стол, уронил на них голову и зарыдал.

А мать вышла из комнаты в коридор и увидела спящую Золотку.

— Иди скорей сюда, — шёпотом позвала она мужа. — Бери нашу ненаглядную малютку, неси в кровать.

Золотко спала так крепко, что не проснулась ни на слова матери, ни на поцелуи счастливого отца.

— Где она была, где ты нашла её? — спрашивал жену муж.
— Да вот тут, на сундуке.

Муж взглянул на Распятие, висевшее посередине стены, и сказал:

— Мы должны благодарить Бога, что Золотко опять с нами.

НЕВЕСТА ЙОРГА

На склоне горы в скромном домике, что был в четверти часа ходьбы от деревни, жил со своим отцом молодой крестьянин по имени Йорг. Земли у них было достаточно для безбедной жизни, а руки у Йорга были трудолюбивые.

Сразу за их домом начинался дремучий, старый лес. На опушке леса лежал обомшелый расколотый жёрнов. Кто садился на него, тому открывался чудный вид на долину, на реку, которая вилась по ней, на далёкие горы по ту сторону долины.

Вечерами после полевой работы любил Йорг сидеть здесь,

облокотившись на колени, и долгими часами мечтать. Он мало разговаривал с кем в деревне, погружённый в свои мечты. За это его в деревне прозвали сонный Йорг.

А когда отец его умер и он схоронил его под старым дубом, неподалёку от дома, Йорг вообще замкнулся в себе. Теперь всё свободное время он проводил на жёрнове.

Он видел, как на заходе солнца в долину падала длинная тень от гор, и, когда один край долины уже захватывала вечерняя мгла, другой край был ещё ярко освещён солнцем. Но вот и его заливал зыбкий, прозрачный вечерний сумрак. Становилось всё темней, на небе одна за другой лучисто зажигались звёзды и появлялась луна. От этого сердце Йорга охватывало волнение.

А потом, когда лунный свет словно серебристый, сквозной туман наполнял долину, волны в реке начинали петь. Сперва тихо, затем всё отчётливей, громче. Речное пение поднималось выше, и выше, до самых звёзд.

Река пела о горах, откуда она пришла, о море, на встречу с которым спешила.

Вместе с рекой начинал говорить лес. Он шелестел своими ветвями, рассказывал удивительные истории. В особенности много историй знал старый дуб, под которым был похоронен отец Йорга. Дуб рассказывал о кладах, зарытых в лесу, о знаменитых битвах, проходивших в долине, о певцах, слагавших величавые, протяжные, как река, песни.

А на небе мерцали и дрожали ясные звёзды, которые мечтали упасть в зелёный лес и голубую реку. И они бы упали, если бы у каждой не стоял ангел и крепко не держал её.

— Ах, безрассудные звёзды, — говорили иногда ангелы, — зачем вы стремитесь к вниз? Ведь вы расшибётесь о землю и погаснете в реке. Оставайтесь на небе и светите людям.

Всё это видел и слышал только один сонный Йорг. Люди, жившие в деревне, не догадывались ни о поющей реке, ни о говорящем лесе, ни о звёздных ангелах. В лесу люди валили деревья на дрова, чтобы обогревать свои жилища и готовить на огне пищу. В реке они полоскали бельё и ловили рыбу, а, взглянув на небо, говорили с тревогой:

— Как звёзды горят, не иначе опять вся картошка помёрзнет.

Однажды Йорг сидел как обычно на своём жернове, думал о том, что теперь он один – одинёшенек на белом свете. С этими думами он задремал и грезится ему, будто бы с неба на двух серебряных лентах опустились золотые качели. Каждая лента привязана к звезде, а на качелях сидит прелестная принцесса и качается так, что взлетает от земли

к небу, и от неба к земле.

Вот полетели качели к земле, вот принцесса уже рядом с Йоргом. Засмеялась она, захлопала в ладоши и бросила Йоргу розу.

Йорг проснулся и что же он видит: на коленях у него лежит большой букет роз.

На другой день он опять сидел на жёрнове и снова видел во сне качавшуюся принцессу и, проснувшись, опять нашёл на коленях букет роз.

Так продолжалось целую неделю, Йорг задумался: должна же быть в снах хоть крупица правды. Он запер свой дом и отправился на поиски чудной красавицы.

Через много дней он достиг страны, где облака доставали до самой земли. Раздвигая облака руками, он шагал вперёд, пока не оказался в тёмном лесу. Вдруг он услышал чьи-то жалобные, громкие стоны и крики. Йорг бросился на крик и увидел лежащего на земле старика, которого душили два безобразных, отвратительных голых парня. Йорг испугался: как же он справится с парнями? Он схватил валявшуюся сухую корявую палку, которая мигом превратилась в его руках в сверкающую стальную алебарду. Смело ринулся он на негодяев, которые пустились наутёк.

Йорг поднял с земли почтенного старца, утешил его и спросил, почему эти парни хотели задушить его?

Старец объяснил Йоргу, что он — король королевства сновидений, а эти двое — слуги короля действительности, который давно грозился убить его.

— Разве ты сделал королю действительности что-то плохое?

— Да нет же, — вздохнул король снов. — Просто у него такой характер, он любит нападать на кого попало и делать ему неприятности. А ко мне он питает особую злобу.

— Отчего же эти парни совсем голые? — удивился Йорг.
— Разве им не во что одеться?

— Такова мода в королевстве действительности, — покачал головой король. — Там все ходят нагишом, и даже сам король не стыдится этого. Гадкий и мерзкий народец. Однако ты спас меня, я хочу отблагодарить тебя и показать свои владения. Это необыкновенный мир, где сны мои верноподданные. Иди за мной.

Они возвратились в страну, где облака свисали до земли. Король ударил в ладони, облака расступились. Через дверь в скале Йорг и король вошли в светлый, блестящий грот. Посреди грота плескалось озеро, по которому, как корабль, плывал остров с красивым замком. Если ты хотел попасть в

замок, надо было крикнуть с берега:

Замок, замок, приплыви
Я хочу в тебя войти.

И замок послушно приставал к берегу.

Другой замок летал на облаке. Его можно было подозвать так:

Замок, замок, вниз сойди.
Я хочу в тебя войти.

И он плавно снижался к земле.

В садах здесь росли цветы, которые днём благоухали, а ночью светились, как звёзды; были птицы, умевшие рассказывать сказки, и великое множество других поразительных диковинок. Сонный Йорг в изумлении не знал, куда смотреть, вокруг было столько всего необычного и чудесного.

— А сейчас, мой друг, — сказал король, — я покажу тебе сны. Они у меня трёх сортов: добрые сны для добрых людей, злые для злых, и сонные чудовища. С последних мы и начнём.

Они вошли в просторный зал прихотливой архитектуры.

— Здесь живут чудовища сна — озорной и шаловливый народ. Ну-ка, выйди сюда, безобразник, — приказал король гному, — да побудь минутку серьёзным, не кривляйся. Знаешь, Йорг, что он отчудил, когда я ему однажды позволил спуститься на землю? Он заскочил в ближайший дом, сорвал с постели спящего крестьянина, взбежал с ним на колокольню и сбросил его вниз головой. Прежде чем крестьянин долетел до земли, гном был уже внизу, подхватил его, затащил опять в дом и так швырнул на кровать, что она затрещала. Крестьянин в ужасе проснулся и подумал, ощупывая себя: «Ах, господи, это мне всего лишь приснилось».

— А у этого малыша, — король показал на гнома величиной с котёнка, — силы, как у десяти великанов. Когда людям становится во сне страшно и они не могут пошевелиться, это он их держит за руки и за ноги.

— Да, да, — подтвердил Йорг, — и со мной не раз так бывало. Хочу бежать, а ноги как деревянные, не сдвинешь с места. Хочу руку поднять, а она словно из камня.

— Больше я не позволю, чтобы он к тебе приходил, — сказал король, приглашая Йорга взглянуть на злые сны.

Они зашли в мрачное помещение, где за решёткой кишели ужасные страшилища. Одни были похожи на людей, только с синими и зелёными лицами, другие были наполовину человек, а наполовину пиявка.

Йорг, закрыв глаза руками, кинулся прочь отсюда.

— Не бойся, остановил его король, — они не смогут повредить тебе, они же для злых людей. Вот полюбуйся на этого молодчика.

Король показал Йоргу великана, державшего под мышкой кузнечную наковальню.

— Расскажи нам, как ты провёл эту ночь?

Великан ухмыльнулся довольный:

— Сегодня я мучил одного богатея, который морит голодом своего старого отца. Когда отец приходит к нему и просит корку хлеба, богатея кричит слугам: «Гоните вон этого кривляку!» Сегодня ночью я пришёл к нему, бросил ему на грудь наковальню, так что рёбра у него захрустели, и принялся плясать на ней. А потом схватил его за шиворот, встряхнул, как следует, и прорычал: «Хорошо ли тебе, кривляка?» О, как он визжал от страха.

— Ну, хватит, — сказал король и повёл Йорга в необыкновенный сад, где тропинки были выложены бисером, а роса на цветах была из драгоценных камней. В этом саду гуляли добрые сны. Это были мужчины и женщины, старики и дети, все в нарядных одеждах, с милыми, добрыми лицами.

Вдруг Йорг вскрикнул так громко, что все сны повернулись к нему.

— Что с тобой? — спросил король.

— Это она, она! — восторженно говорил Йорг. — Та девушка, что дарила мне розы.

— Да, это она, — сказал король. — Это один из моих красивейших снов. И я посылал его к тебе.

Йорг подбежал к девушке, качавшейся на качелях. Она засмеялась, спрыгнула с качелей и подала Йоргу руку. Они сели на скамью среди цветов и говорили о том, как хорошо, что они видятся вновь. Они были так рады неожиданному свиданию, что не могли наговориться. А король снов ходил по аллее и недовольно посматривал на часы: время было уже позднее, а Йорг и принцесса всё говорили и не думали расставаться.

— Дети мои, — не выдержал король, — прощайтесь. Тебя, Йорг, я не могу оставить на ночь в королевстве, а ты, моя умница, иди надень своё голубое платье, и я скажу, кому ты должна сегодня присниться.

Йорг взял принцессу за руку и сказал королю:

— Дорогой король, или я останусь здесь жить, или отпусти принцессу со мной на землю. Мы не можем жить друг без друга.

— Да, мой отец, — сказала принцесса и поцеловала короля в щёку.

На глаза старого короля навернулись слёзы.

— Ах, Йорг, ведь это был мой самый лучший сон, и ты уводишь его. А ты, дочка. Как же ты будешь там жить на земле, без меня? Ну, так и быть. Послушай, Йорг, когда вы выйдете за двери,ними серебряное покрывало с принцессы и брось его назад. Тогда станет она, как и ты, человеком, а то ведь сейчас она только сон.

Йорг и принцесса простились с королём. Он миновали сад с хорошими снами, зал страшных снов, зал гномов и вышли за дверь. Йорг бросил покрывало принцессы назад, стал закрывать дверь, но она вырвалась у него из руки и захлопнулась с таким грохотом, точно сто пушек выпалили разом. Йорг на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что сидит возле своего дома, а перед ним стоит принцесса, гладит его по руке и, смеясь, говорит:

— Мой милый, глупенький муж, когда же ты скажешь мне, что любишь меня?

Вошла луна и осветила реку, лес, и снова запели волны и зашептал древний дуб, а они сидели на пороге дома, взявшись за руки, и говорили. Неожиданно словно тёмное облачко заслонило луну. Что-то упало к их ногам, и луна опять засветила полным сиянием.

Йорг и принцесса подняли с земли платок, развернули его. Это была большая карта страны. Вот река, города, леса и озёра.

— Это же королевство моего отца, — воскликнула принцесса. — Он не забыл нас.

После её слов карта ожила — маленький домишко превратился в чудесный замок с хрустальными лестницами, стенами из мармеладных камней, обоями из бархата и острыми башенками с голубой шиферной кровлей. Йорг с принцессой вошли в замок. Заиграли трубы и литавры, в поклоне склонились придворные. И пажи рассыпали перед ними цветы. Здесь были они король и королева.

А на другой день по деревне, как огонь, пробежала весть, что сонный Йорг вернулся из странствий и привёл жену.

— Давно пора, — одобряли его поступок соседи. — Это гораздо разумней, чем целыми днями сидеть на жёрнове.

— Я их сегодня уже видел, — говорил один крестьянин. — Она шла с ним косить траву. Ничего особенного — совсем обыкновенная девица, маленькая, тощая. Не на что посмотреть. Он не хорош, да и в ней ничего завидного нет.

Так болтали глупые люди в деревне. Ведь они не видели,

что это была принцесса, что с её приходом старенький, невзрачный дом Йорга преобразился в большой великолепный дворец. Разве могли они знать, что старый король дал своей любимой дочери полкоролевства в придачу. Но видели это королевство только Йорг и принцесса.

Славно и радостно жили они в своём королевстве. И Господь послал им шесть детей, один лучше другого — чистые принцы да принцессы.

ЗАРЖАВЕВШИЙ РЫЦАРЬ

Когда-то жил на свете жестокосердый рыцарь. Он беспроблемно проводил время на пирах и турнирах и никогда не подал милостыни ни одному нищему. Как-то поздней осенью он возвращался в замок. На дороге к нему привязался нищий, который, не отставая, бежал рядом и канючил милостыню. Рыцарь долго не отвечал ему, думая, что нищий устанет и отвяжется. Но нищий бежал мило за милей позади коня и ныл, выпрашивая хоть пфенниг. Терпение у рыцаря лопнуло. Он остановил коня, подозвал нищего и, когда тот обрадованный приблизился, вlepил ему рукой в железной перчатке такую оплеуху, что бедняга кубарем полетел в канаву. Глядя, как он плюхается в холодной воде, рыцарь, язвительно спросил:

— Ну что, получил поновесный гульден?

Но Господь наказал рыцаря. С этого дня рука, которой он ударил нищего, начала ржаветь. Он кончиков пальцев до плеча она покрылась рыжей, шелушившейся ржавчиной. Врачи, лекаря и знахари, к которым он обращался, только разводили руками, они были бессильны исцелить такой недуг. Тогда он надел на руку перчатку, которую не снимал ни днём, ни ночью, чтобы никто не видел его позора. Понимая, что наказан неспроста, он задумался над своей жизнью и резко изменил её — оставил прежних друзей, пиры и турниры, и женился на прекрасной, кроткой девушке.

Молодая жена с удивлением заметила, что её красивый, благородный муж никогда не снимает с руки перчатку. Однажды, когда он крепко спал, она бережно расстегнула перчатку и увидела ржавую руку. Это было так страшно — живая, человеческая рука покрыта гадкой ржавчиной. Она поняла, что муж скрывает от неё какую-то тайну. А утром

она сказала рыцарю, что пойдёт в лес, помолиться в часовне.

В лесу неподалёку от замка возле часовни в келье жил монах-отшельник. Он не раз бывал в Иерусалиме на поклонении Святому Гробу, вёл строгую, богоугодную жизнь. Из разных стран к отшельнику приходили люди за вразумлением и помощью.

Жена рыцаря поведала отшельнику о своём ужасном открытии и спросила, что же ей теперь делать, как помочь несчастному мужу?

Отшельник удалился в келью и долго молился там.

— Много зла и несправедливости совершил твой муж, — выйдя из кельи после молитвы, сказал отшельник молодой супруге рыцаря. — Он убивал людей на турнирах, презирал нищих, гнал убогих. Он любил только самого себя и своё тело. За это Господь покарал его. Сам он пока далёк от полного раскаяния, помочь ему могут молитвы близких людей о нём, о его душе. Если ты пойдёшь нищенствовать, босиком, в рваных лохмотьях, если ты соберёшь сто золотых гульденов и пожертвуешь их в храм на бедных, тогда Господь может смириться над этим грешником. Ты должна непрестанно молиться о нём. Готова ли ты на такой подвиг?

— Ради спасения моего мужа, спасения его души я готова на всё, — отвечала жена рыцаря. — Я перенесу любые страдания, лишения, лишь бы избавить его от гнева Божия. Пока ржавчина затронула только его тело, хуже будет, если заржавеет его душа.

Жена рыцаря поклонилась отшельнику и пошла в лес. В лесу ей повстречалась собиравшая хворост старуха в изодранном лоскутном пальто и грязной рваной юбке. Пальто было так заношено, что лоскуты, из которого оно было шито, давно стали одного цвета.

— Бабушка, — сказала ей молодая женщина, — если ты мне отдашь свою юбку и пальто, я рассчитаюсь с тобой золотом и своей одеждой.

— Стыдно, барыня, насмехаться над несчастными людьми, — отвечала старуха. — Я довольно пожила не свете и не видала ещё человека, который бы сменял богатую одежду на тряпье.

Тогда, не говоря ни слова, жена рыцаря сняла с себя одежду и подала её старухе.

— Что же ты собираешься делать в моей одежке? — суетливо переодеваясь, спросила старуха.

— Нищенствовать, бабушка, — ответила женщина, облачаясь в лохмотья.

— Ну что ж, — сказала сборщица хвороста, — лучше

нищенствовать на земле и получить награду на Небесах, чем благоденствовать на земле, и не получить доброго ответа у небесных врат. Послушай, я научу тебя нищенской песне.

По белому свету скитаться,
И сутками голодать.
Слезами с тоской умываться,
И где придётся спать.

И хлеб, посыпав пеплом,
Сказать спасибо тому,
Кто в рубище этом ветхом
Пустит тебя к огню.

Вот горькая нищих доля:
Душою и телом скорбеть,
Былинкой качаться в поле,
Унылые песни петь.

— Ну, какова чудная песенка? — усмехнулась старушенция, и, накинув на плечи шёлковую накидку, резво прыгнула в кусты. Она испугалась, что богатая чудачка передумает и заберёт одежду назад.

А жена рыцаря побрела по дороге. Она устала и проголодалась. Навстречу ей попался зажиточный крестьянин, важный и дородный, подыскивавший себе служанку. «По белому свету скитаться, и сутками голодать», — дрожащим голосом завела молодая женщина и протянула руку:

— Подайте бедной нищенке корочку хлеба.

Крестьянин увидел, что, несмотря на лохмотья, это молодая и красивая женщина.

— Зачем тебе нищенствовать? — сказал он. — Иди ко мне в служанки. К Пасхе ты получишь жареного гуся, а к Рождеству гульден и новую одежду. По рукам?

— Нет, — возразила молодая женщина. — Богу угодно, чтоб я жила подаянием.

— Богу угодно? — едко сказал крестьянин, не ожидавший отказа. — Забавно. Ты что обедала с Ним? Случайно, не было за столом чечевицы с сосисками? А, может, ты Его родственница, если знаешь, что Ему угодно? Ты лентяйка, ты не хочешь работать. Скройся с глаз, пока не получила колотушку.

Под вечер молодая женщина пришла в город. На главной улице лежали два больших камня. Она села на один из них, вытянула руку и запела свою песню. Как вдруг на неё злобно

налетел нищий с костылём.

— Проваливай отсюда подобру-поздорову, грязная неряха, — гаркнул он, замахнувшись костылём. — Вишь, как проворная сыскалась. Отбивает моих клиентов. Я занимаю этот угол. Проваливай отсюда поживей, а не то мой костыль загуляет по твоей спине, как смычок по скрипке.

Усталая, голодная и униженная поднялась жена рыцаря и ушла из города. Много дней она шла, попрошайничая, пока пришла в чужую страну. В большом незнакомом городе она приютилась у церкви. Днём просила милостыню, а ночью спала на церковных ступенях. Кто подавал ей пфенниг, кто швырял в подол юбки талер, а кто и бранился, как тот крестьянин. Через полгода она скопила первый гульден. Оставалось ещё девяносто девять. Она подумала, что и всей её жизни не хватит, чтобы собрать нужную сумму. Но она ещё усерднее молилась Богу о прощении мужа.

Через какое-то время у неё родился сын. Она оторвала от пальто широкую полосу, завернула в неё младенца. Вечерами она пела ему колыбельную:

Засни на моих коленях
И глазки свои закрой.
Отец твой имеет замок,
А мы без дома с тобой.

Отец твой — богатый рыцарь,
Он в бархат и шёлк одет...
А у тебя, малютки,
Рубашки хорошей нет.

Он пьёт богатые вина,
Не ведает о нужде.
А мы живём с тобою
На хлебе и на воде.

Но мы не ропщем с тобою,
Мы молим всегда Творца.
Услышит Он наши молитвы,
Спасёт твоего отца.

Слушая песню, люди останавливались, смотрели на ребёнка и давали милостыню щедрей, чем раньше.

А рыцарь, не дождавшись в тот день жены, оседлал коня и пустился на её поиски. Сначала он заехал к отшельнику.

— Не знаешь ли, ты, святой отец, где моя жена?

— Знаю, — сурово ответил отшельник. — Как знаю и то, что тебе до неё так же далеко, как до солнца, ибо прогневил ты Бога.

— Чем же я прогневил Его? — удивился рыцарь. — Разве не я гнал нечестивых сарацин в пустынях Палестины, не от моего ли меча бежали безбожные мавры в испанских ущельях?

— Ничего не значат твои бои и походы, — обличал его отшельник. — Ты искал там своей славы, тешил свою гордыню. А не ты ли жил в роскоши и довольстве? Не ты ли презирал бедных и оскорблял их? Не тебя ли Бог наказал за это ржавчиной? Потому твоя благочестивая жена оставила тебя. Она молится за тебя, чтобы спасти твою душу.

Рыцарь почувал правду в словах отшельников, они пробудили в его душе раскаяние и укоры совести. Он опустился на колени и заплакал.

Отшельник положил руку на его плечо и тепло сказал:

— Послушай меня. Начни делать добро — защищай слабых, помогай бедным, утешай страдающих. Стань рыцарем любви и добра, а не гордыни и тщеславия. Путешествуй от церкви к церкви и найдёшь жену.

Рыцарь вскочил на коня и с молитвой тронулся в дальний путь. Он странствовал от деревни к деревни, от города к городу. С той поры не было надёжней защитника у слабых и обиженных. Его острый меч и тяжкая палица наводили страх на разбойников с большой дороги, его седельные сумки, полные золота, были открыты для обездоленных и нищих. Его уста, привыкшие к грубой ругани и издёвке, теперь источали слова утешения.

Он объехал множество церквей, но нигде не находил своей дорогой супруги. На исходе третьего года странствий он очутился в том городе, где на церковной паперти нищенствовала его жена. Ещё издали она увидела его — рослого, статного, с когтем коршуна, сверкавшим на верхушке его боевого шлема. Она надвинула на голову старое, уже совсем обветшавшее пальто, чтобы он не узнал её, ведь она собрала к тому времени только два гульдена.

Услыхав его тяжкие шаги и звон шпор по каменным плитам, она сжалась в комочек. А рыцарь увидел её рубище, милого, кудрявого мальчугана на её коленях, и сердце его преисполнилось состраданием к ней.

— Помолись обо мне, бедная женщина. Я так несчастен, — сказал он, положив к ногам жены туго набитый кошелёк.

Зная его прежний нрав мужа, жена рыцаря догадалась о происшедшей с ним перемене. Его голос всколыхнул в её

сердце воспоминания о днях былой любви. Но открыться ему она не могла. И от этого она заплакала.

— Не плачь, — утешал её рыцарь. — Поверь, годы твоих страданий позади. В этом кошельке сто гульденов, их надолго хватит тебе и твоему малышу. Пусть я стану нищим, но вы живите, не зная нужды.

Молодая женщина зарыдала.

— Что с тобой, бедная нищенка? — спросил рыцарь, наклонился и заглянул ей в лицо. В следующий же миг он подхватил её на руки вместе с малышом, и закричал, высоко подняв их над головой:

— Хвала Всемогущему Богу, я нашёл жену и сына!

Кошелёк с деньгами счастливые супруги вложили в церковную копилку, помолились на дорогу и тронулись домой. Жена с сыном сидела на коне, рыцарь шёл рядом и не сводил с них глаз. Когда город остался у них за спиной и они были одни, жена попросила рыцаря подать ей руку. Она сняла с неё перчатку, рука благородного рыцаря была чиста и бела, как лепесток лилии.

Олександра КОВАЛЬОВА

ЗАМРІЯНОМУ ВСЮДИ БЛАГОДАТЬ

ОКТАВИ ІЗЮМСЬКОЇ САКМИ

1.

Торкнеться тихих струн мій тихий край,
На берегах Дінця замріють роси,
І відгукнеться світла й тіні гра
У різнотрав'ї, в запашних покосах.
І пам'ять нагадає нам: пора
По вранішній траві пробігти босим.
А прийде осінь, відростуть отави,
Узустесь, напишете октави.

2.

В октаві можна поселити все,
Найтовща крига в ній за мить розтане,
Октава вас на крилах принесе
З тенет юдолі в радісний світанок.
Яка різниця: сакма чи шосе,
Коли мандрівка переходить в танець?!
Хтось ритм задасть і вже танцюють всі,
Збивають забуття зернисту сіль.

3.

І все ж таки ми сакмою назовем
Цей битий шлях, що стелеться під ноги,
Де хтось збере подушне й возове
З комонних, піших ще й з кущів тернових,
Де на узбіччі з ясенкових веж
Ще спустить осінь золоті обнови
На сакму, що стара, як білий світ,
І щедра, мов дідівський заповіт.

4.

Ця сакма не пряма, бо не стріла,
Та зроду не водила манівцями.
Відвертою і щирою була
Вона і з козаками, і з купцями.
Траплялось, правда, насувала мла

І свій рахунок зводила з ловцями,
Тими, що ні сльози їм, ні роси.
Тими, що їм людина — лиш ясир.

5.

Далекі таборища кочові
Аварів, гуннів, торків і куманів.
Комусь вони ще в пам'яті живі,
Хоча й розтали в часі, як в тумані.
Хтось обр'їй розгортає, мов сувій,
Свої й чужі шукає талісмани.
Розгадає свою й чужу натуру,
А жорна долі вносять коректуру.

6.

Ці жорна — вічний відгомін грози,
Гримлять і не спиняються ніколи.
Що важить тиха лірика сльози
Перед навльним епосом підкови?!
Сум очерету, щирий сміх лози
Ще чути над Дінцем і над Осколом.
І пам'ять, пам'ять сіллю осіда,
Ні час її не змиє, ні вода.

7.

Гей, всі, кому прослалася до ніг
Ця давня сакма в дорогих обновах!
По ній не страшно йти і в дощ, і в сніг,
Упавши, підніматись знову й знову.
Тут затишно в колісці і в труні,
Бо тут ти свій, бо ти тут був ab ovo!
Ішов, старався, сакмі вірним був
Не зрадив, не покинув, не забув.

8.

А хто покинув? Як йому тепер?
Коли немає сакми під ногами?
Він що — хіба злякався і помер?
І ось його душа поперед нами?
Це ж хто її, немов вівцю, обдер?!
Вона — примара між чужими снами.
Їй не дано почути вже ніколи
Пророчий дзвін дідівської підкови.

9.

Ліщина, терен, вільха, верболіз.
По ребрах балок не ліси — байраки.
О, як багато нанизали сліз
Всі винні і невинні небораки!
Такий болючий вічності надріз,
Небесні шати — в поруділих маках.
І птах, і звір, — всі проти тебе в змові,
Коли ти сакму загубив і мову!

10.

Дінець, як і раніш, тече вниз.
Над ним вгорі нам стелеться під ноги
Стара, як світ, дорога на Ізюм,
Де хтось уперто вішає обнови
На вільху, на ліщину та лозу.
Все має повторитись знову й знову:
Дорога, осінь, роси і отави.
Виймайте каламар, пишіть октави!

* * *

Безсоння — зла хвороба солов'їв,
І їх від неї лише час лікує.
Кого хижак зненацька не вполює,
Хто вигребе із глибини гаїв
До неосяжних володінь зими,
Той зцілиться і зробиться німим.

А іншого спасіння їй не буває
Для тих, хто від безсоння знемагає.

Весна мине, і стихнуть солов'ї.
От вам і спокій, кожен ізцілився,
І став поважним, і німим зробився,
І глибоко задумались гаї.
І слушно, їм задума до лиця
Та ще, як їй ні краю, ні кінця.

І літній день стоїть, мов діжка з медом.
Все добре. Лиш комусь не вистачає
П'яного солов'їного одчаю.
А тиша — ліки. Для отих, що вмерли...

* * *

Зліпили, а душу вдихнуть забули.
Скільки життя того? — Перебуде!
Перелицюється, що йому станеться
На цій безглуздо куцій дистанції?

Чи той, хто ліпив, щось мав за мету?
Чи множив за звичкою суєту?
Минуле, чи варто його ворухить?
Хтось вийшов — з душею, а хтось — без душі.

Був би без ніг, — йому б співчували.
Без рук, — із своїх би його годували.
А так — патентований вийшов каліка:
На користь собі, а всім іншим — на лихо.

Й нівроку живе це створіння дивне,
Зовні — так ніби одне із нас.
А в очі заглянеш такій людині
Й ще довго читатимеш «Отче наш...»

ХРЕСТ І ГЛАДЬ

Пам'яті Миколи Мірошніченка

Є вишита сорочка і рушник,
І стежка від колиски до труни.
А далі — забуття, котре ніхто
Вже не позначить гладдю чи хрестом.

Допоки голка стежкою біжить,
Все встигне опритомніть і ожить.
Радіють очі, тішиться душа —
Назустріч кожна квітка поспіша.

Це полотно, ця заполоч, цей шовк.
Ця курява густа з-під підошов.
А далі, де нема добра і зла,
Ніхто не вибирає: хрест чи гладь...

* * *

«Дурень той, хто ще й досі поет».

Є. Плужник

Замріяного вмить збивають з ніг
 Меткі, осатанілі, навісні.
 І в їхній діловитій суєті
 Одне для нього місце — на хресті!
 Але не варто в відчай упадати, —
 Замріяному всюди благодать.
 Адже він дурень, і йому щастить,
 І хрест його вже листям шелестить.

І Бог йому підморгує: синок,
 Якраз для тебе виріс ясенюк.
 Під ним все твар, весела і жива,
 І смарагдово стелеться трава.
 За мить постане поле тобі й гай.
 Чого ще треба дурневі? —

Співай!

* * *

Я — той метелик впертий, що на вістрі
 І дня, і долі все давно збагнув.
 Вгорі сачок хитається на вітрі,
 Внизу ще цвіт нагадує весну.

Роса духмяна, крапельки туману.
 Хто їх спивав, хіба того зляка
 Цей вітер, що безглуздо горне хмари,
 Ця тінь від недолугого сачка?!

ПОЛЮВАННЯ

Хтось устиг розгледіти
 кров на руках.
 Хитнулись на вітрі
 воздобнії комиші.
 На воді колихнулася тінь
 там, де плавав птах.
 Відтепер навкруг — ні душі.

Відтепер — де не глянь —
в очі зима.
Тільки свічі лілей спалахують
Та птах, що його
між живих нема,
Душу вбивці свого
оплакує.

ТУМАН

Тихо-тихо,
Ані вернутись назад,
Ані ступити вперед.
Ні земної ріллі,
Ні небесної просині.

Це досвітній туман
Напува очерет
Холодним молозивом
Пізньої осені.

Сумно
Зелене бачити білим.
Чиясь череда
Пустопаш пішла,
А молоко збігло
Й з глибокого глека
Пиниться і тече
До небесного пруга
Далеко-далеко...

ЛЕЛЕКА

У птаха тоненько підведені очі.
Погляне — так щемко, мов з глибу, із ночі.

В куточку чорнесенька смужка, мов дужка.
Сумує за чимось чи просто задумавсь?

Підведені очі такі загадкові.
Їх контури — гнута на щастя підкова.

Й мале лелеча. З нього буде лелека.
На крилах півнеба триматиме легко.

Внизу йтимуть люди — вервечка прочан,
Готових ще інші півнеба віддати,

Аби прочитати, аби відгадати
Загадку. Оту, що в лелечих очах.

ДВІ ВІДЬМИ

1. Відьма весняна

Тінь піднімається й не зника.
Це так буває на молодика.

У біле вбирається небозвід,
Розвіщує сукні для юних відьм.

Ось вона, перша, вийшла з води,
У небо її поманив молодик.

Він дивиться й від нетерпіння згоря,
Доки вона вибирає наряд.

Ні почуттів, ні думок нема,
Легіт досвітній, полів розмай,

Трава лугова і м'ята п'янка,
Й куга на ріжках в молодика.

Ось вони танець ведуть на воді,
Такі нерозважливо-молоді.

А долі в них різні: йому рости,
Йй квітами бавитись і цвісти.

Білі лілеї на голові.
П'явка дугою на кожній брові.

Щоки — кармін, а очі — смарагд.
З них місяць води собі набира.

Й така вона гарна — до забуття!
Хто б за таку не віддав життя?!

Не попросився б в ось цей полон —
Млосний, бентежний, весняний сон?

2. Відьма осіння

Сіла в'язать дерезові віники
Замість букетів, замість вінків.
Колись чарувала чоловіків,
Тепер чогось іншого час їй звідати.

Які оці схили стрімкі та круті,
Які дерезові хащі густі!
На вітрі холоднім скипає сльоза,
У пучки колеться дереза.

Так дивно: і очі, й руки старі.
Осінній туман виповза на поріг,
До ніг її лащитьсь, ніби кіт.
Ці пестощі зимні вганяють в піт.

Так дивно: нічого їй не шкода.
Була колись звабна і молода.
Так дивно: ліку не мали дні,
Скипіли у вічності в казані.

Тільки їй лишився з усіх оман
Сивий, холодний, густий туман.
Ось він на неї грудьми наліг
І бородою її обплів.

Згубилися віники в бороді,
Кущі, і дерева, і двір, і дім.
Відьма звелася і як була
З туманом в осінній дим попливла...

* * *

Буває: шлях, хоч битий, та нічий.
Бува: шляхи схрестились, мов мечі,
І по якому з них ти б не пішов,
Скрізь бризкатиме кров з-під піддошов.

А хтось край шляху всядеться, мов пень.
Мовляв, і так розвиднеться на день.

Бо марна праця, де б ти не ходив,
Не виходиш нічого, крім біди.

Ще інший все це колом обведе —
Того, що сів, того, хто далі йде,
І думатиме вперто день і ніч,
Хто з них мети досягне, а хто ні.

Хоч зрештою, чи є якась мета
У світі, де все просто суєта?
Чому ж тоді у того, хто йде,
Кров гарячища і повніший день?!

Що істина банальна, — не біда.
Біда, коли зневіра роз'їда,
А хтось підступний, впертий та лихий
Стежки вам затуманює й шляхи...

* * *

Гудуть джмелі, замріялись тополі,
Весняний вітер у куцах завмер,
Вишневі пелюстки квітчають поле,
І з неба густо ллється дикий мед.

І ми йдемо — веселі, молоді.
Пробігла по землі і по воді
Примхлива стежка й пролягла по небу.
Щасливого впізнаєш по ході.
Яка легка хода сьогодні в тебе!

Цей дикий мед, він згусне на вітрах.
Ця весняна розвиднена пора.
Джмелиний гул, непогамовність жал!
Долання меж і здобуття держав...

Цей спогад — тепла крапля бурштину,
Що увібрала юність і весну.
Ця днина, незворотньо молода,
І дикий мед, й твоя легка хода...

МЕТАМОРФОЗИ. СТЕП

Можливо, десь доречна й суєта,
А степ неквапно аркуші горта
У книзі, де нема недбалих літер.
Де є зима, де знов приходить літо,
Погожі дні щасливої пори.
Та ось подме східняк і хмарку сплющить,
Висіла над тополею, мов бриль,
За мить перемінилась в капелюшок.
Усе юга поглине степова,
І марно підбиратиме трава
З досвітніх рос нанизане намисто.
З-за обрію отара виплива,
Згуртована пастушим владним свистом.
Вона повільно суне по землі
Ї десь непомітно завертає в небо.
Це вже не вівці, а хмарки малі,
І вже нового пастуха їм треба,
Що в нього повна торба блискавиць.
Ї когось вона нітрохи не лякає.
Це битий шлях улігся горілиць
І спалахи небесні споглядає...

МЕТАМОРФОЗИ. ЯЩІРКА

1.

Вона на небо дивиться з трави,
У неї квіти біля голови,
І човник спогаду в очах снує,
Думок нема, а щось давніше є.
За хмарами податися увись,
Ти вже крилатий, ким не назовись.
Жаль, що не можна в спогад утекти.
Ї від спогаду не можна відректись.
Це ящірка, стривожена, мала,
Згадала, що крилатою була.

2.

Чи щось лишилось в ній від тих часів,
Як хвіст збивав із дна морського сіль,
А крила доторкалися до зір
І шепіт з глибини зринав: відмір,
Владико безміру, відміряй путь,

Щоб їй було де крила розгорнуть,
Бо неодмінно за одну часину
Безмежність світу згорнеться в краплину.
Не тільки плазуну, — і чоловіку
Така краплина буде завелика
Для пізнання. І згине без пуття
Тривожна мить короткого життя.

3.

Це ящірка з відкинутим хвостом
На поміч кличе,
Та ніде й ніхто
У випадках таких не помагає
Тому, хто пильнувати не встигає
Свого добра.
Ця ящірка тепер така стара.
Її хвости — мости.
Але давно та мить минула,
Коли вони могли її вести
В майбутнє чи минуле.

* * *

Як Сатана бере у пучку глину
І ліпить майже так, як ліпить Бог:
Ось птах, ось квітка. Жінку й чоловіка
Додасть. Поставить поруч їх обох.
Вже й аплодує хтось йому щодуху.
Нечистий прикидається, що дмуха,
Що дух живий вдихає в Божу твар.
А твар є твар, на ярмарку — товар.
Завізно, все вирує і кипить,
То ж Сатана пильнує і не спить.
І лиш одна гризе його турбота —
То не біда, що хтось згадає Бога,
Усує вимовить святе ім'я.
Біда одна — на світі не зникають
Ті, що творіння Боже упізнають
Серед усіх підробок Сатани.
Біда одна, що не мовчать вони...

* * *

«Марноту говорять один до одного,
їхні уста облесні»

(Книга псалм. Псалом 12)

На когось мода, а на когось — мор.
Розмова з Богом потребує тиші.
Нема кому читать Святе Письмо,
Всі квапляться писати нечестиве.

Громадяться слова і письмена.
Збентежена душа сама не зна,
Відкіль у пісні виростають крила,
І чим різняться в світі правда й кривда.

І смутен час, і в хижій суєті
Подекуди ще вродяться святі,
Розставляють свічечки на перехресті.
Та хтось об свічку спиною потреться

І знічено погодиться: нема
Ні Бога, ні душі, ані Письма
Святого. І таки наївний дурень
Усяк, хто ще до цього не додумавсь.

* * *

Це здавна лжа солодка й перелесна,
А правди не бува і не було,
І фарисеям таврувати зло —
Така відрада і дивитись чесно
У вічі жертвам.
Правди не бува.
Ця істина така легка й дешева.
Чи варто гладить долю проти шерсті,
Як все, що люди кажуть, лиш слова.
Слова, — і набік схилена голівка,
Її потік тече, кудись тече й тече!
Запічна мудрість і діла заплічні!
Усе, що з роду фарисеїв, — вічне!
І янголятко віри не втече!
Бо де не ткнеться, — скрізь його стріва
Голчастий сміх, що правди не бува
І не було, і просто непорядки,
Що ось отак босоніж по снігу.
Ще бігає це дике янголятко!

СНИ МОЄЇ БАБУСИ

Білим по білому сніг на вікні вишива.
Взори полтавські, а нитка біжить степова.
Постать в куточку, як наче була там одвіку –
Втілення сну: весь білий світ під повіками.

Ось я загляну туди, там висока гора крейдяна
Сниться бабусі моїй, її серце хвилює вона.
Біла гора на блакитному чистому тлі
І барвінок в'юнкий, що біжить унизу по землі.

Біла-біла гора, запечатана в віщому сні.
Проти неї ніщо і ці стіни тісні, і цей сніг.
І ці вічні турботи, і ці безкінечні літа.
Є лиш квітка небесна, що на вітрі не обліта.

Терну біла габа і багряний єдваб воронців.
А з далекого Раю якраз прилетіли співці.
І хто свята жадає, той завжди приходить сюди,
Під дзвінкою горою набирає живої води.

Слуха хор на тернині, ловить спалахи воронцю.
Запечатує в серці цей куточок і мить оцю.
Сніг вікно замітає. По білому білим. Зима.
У куточку бабуся задумалась, стихла, дріма...

Елизавета ВЫУЧЕЙСКАЯ БОЛЬШАЯ СТИРКА

После случая с пожаром на некоторое время я оказалась в центре внимания всех соседей и знакомых. Мне тысячный раз предлагалось рассказать эту историю с мишкиной баней. Взрослые забавлялись или осуждали, но все сходились в одном, что меня спасла мамина спешка: в то утро она не закрыла меня на замок.

Вроде бы всё по-прежнему, на целый день я оставалась одна, но дверь в квартире перестали запирают. У меня появилась относительная свобода.

Я была не любительницей зимних прогулок. Одежка моя не отличалась добротностью, поэтому, чтобы не мёрзнуть, я с удовольствием сидела дома, тем более, что раньше, до пожара, я чувствовала себя узником, а тут дверь открыта, удирай, куда хочешь, но дома было тепло, а на улице - морозно или ветрено.

Вместо любимого плюшевого медвежонка у меня появилась кукла с двумя толстыми косичками, в белых туфельках и платье. Мне доставляло особое удовольствие одевать и раздевать её, причёсывать, заплетать и расплетать косички. Их мама научила меня заплетать в тот день, когда появилась кукла. И вскоре в косы были заплетены кисточки у прикроватного коврика и скатерти, лежащей на столе. Когда плетением кос я стала владеть в совершенстве, и это занятие мне наскучило, мне захотелось научиться стирать.

Как это будет здорово, думалось мне, придёт мама с работы, а дома ВСЁ постирано. Понимая, что всё большое начинается с малого, я решила поначалу постирать платье, трусики и носочки, снятые с новой куклы.

Налив ковш воды в таз, намочив бельишко и помусолив его мылом, я старалась всё делать так, как делает мама, даже песенки напевала те же. Постирала и слив в ведро воду, я собралась полоскать, но меня поджидало непредвиденное препятствие: воды в доме не оказалось.

«Ну, что ж, буду ждать с работы папу», - подумала я.

Посидев и полистав книжки, я пошла поиграть с куклой, но она сидела на кровати, такая некрасивая, голая, с торчащим барабанчиком на спине.

«Всё. Я сама пойду за водой. Папа ведь носит, почему же и я не смогу?» решаю я. И опять радостное предчувствие: папа приходит с работы усталый, а вода налита. «И кто это ходил за водой?» - удивится он. Я подойду к нему и гордо

скажу: «Это я наносила!» «Вот так молодец!» — ещё больше удивится и обрадуется отец. А тут ещё бельё постирано. Все начнут меня хвалить...

Быстро одевшись и босыми ногами прыгнув в валенки, я схватила большие оцинкованные вёдра и побежала за водой. Вёдра волочились сзади и оглушительно гремели по заледеневшему снегу.

Идти за водой было недалеко: прямо напротив нашего барака, через дорогу, стоял беленький с узорами, как теремок, дом Давыдовых. В их доме была скважина, и все соседи ходили к ним за водой. Из стены дома торчала железная труба, а рядом был чёрный выключатель, включи, как включаешь свет, и из трубы польётся вода! «Так, что никакой сложности: включил, налил, выключил!» - бегу и радуюсь я.

У домика Давыдовых стояла очередь за водой. Я тоже встала в хвост очереди. Всё ближе и ближе я к заветной трубе, пока чей-то голос, громкий и чуть визгливый, не закричал:

- Товарищи! Смотрите, ребёнок!

Очередь загудела:

- А чья это девочка?

- Смотрите, такую маленькую и посылают за водой! Что за родители! Убивать таких мало!

- А вёдра-то, вёдра - чуть поменьше её!

Оказавшись в эпицентре людского сочувствия и праведного гнева, я сильно смущаюсь, теряю дар речи, и только смотрю на говорящих снизу вверх, испугавшись, что мой поход за водой закончится ничем.

Вдруг кто-то предлагает:

- Налейте ребёнку воды, замёрзнет ведь!

Мне наливают воды, осмотрительно, совсем немного, полтора-два литра в каждое ведро. Я беру вёдра - вроде ничего, нести можно. Но рост мой невелик, и волоком нести оба ведра трудно, да и вода выплёскивается. Тогда я решила одно ведро пока оставить, слив всю воду в другое ведро.

Кряхтя и гремя вёдрами, я стала переливать воду из одного ведра в другое, но часть воды проливается мне под ноги, и мои валенки прочно примерзают к дороге. Я пробую оторвать от земли одну ногу - ничего не получается, дёргаю другую ногу - результат тот же. Лёд цепко держит меня и мои валенки. Я прочно стою на земле! И всё же я не оставляю надежды вырваться из ледового плена. Мне приходит идея оторваться от земли одним прыжком, но и из этого ничего не выходит. Валенки превратились в мои капканы, в ледяные сапоги, которые вымораживают к тому же из моих ног

остатки тепла. Меня пронизывают холод, безнадёжность и тоска. Люди равнодушно проходят мимо, не обращая на меня ни малейшего внимания. Совсем рядом дом, где тепло и уютно, надо всего-то пройти два десятка мет-

ров, но я не могу сделать и шага. Морозный ветер обжигает мои щёки, лижет ледяным и шершавым, как наждак, языком руки. Но сильнее и горше мороза и боли обиды, что я абсолютно беспомощна.

Я плачу, сначала тихо, усиливая постепенно звук, и вот уже истошно и тоскливо вою! Меня услышал сосед, дядя Алик. Он бежит ко мне на помощь, застёгивая на ходу фуфайку.

- Чего ревьешь? - торопливо спрашивает он, но вдруг увидел в моих руках ведро с водой, и интонация его голоса становится удивлённо-возмущённой:

- Ты что?! За водой что ли ходила?!

Я хочу ответить, но губы мои от рёва опухли, а мороз и ветер сделали их и вовсе непослушными. В ответ я только неразборчиво бубню, не узнаю своего голоса и продолжаю монотонно и тихо скулить.

- И куда родители смотрят?.. - деловито, ни к кому не обращаясь, вопрошает мой спаситель, — Отец тебя, наверное, послал, — вслух продолжает рассуждать он. Потом берёт меня сильными руками за подмышки и резко, как морковку, дёргает вверх! Мои руки продолжают цепко держать ведро, и оно радостно гремит. Наконец, я, не без помощи моего благодетеля, обретаю свободу, только на том месте, к которому я ещё недавно была прикована морозом, остались чернеть заплатки от моих валенок.

Дядя Алик ставит меня на землю. Я все ещё всхлипываю, но на душе уже спокойнее. Сосед достаёт из кармана свой носовой платок, прикладывает его своей большой и тёплой рукой к моим распухшим от слёз и ветра щекам и носу и командует:

- Сморгнись!

Я от души сморкаюсь, а дядя Алик грубовато вытирает моё лицо. От этого, чисто домашнего, его жеста мне вдруг становится легко и свободно. Я облегченно вздыхаю, но благодетеля продолжают сыпаться к моим ногам. Дядя Алик выхватывает из моих рук ведро, быстрыми шагами подходит к домику Давыдовых, набирает полное ведро воды, берёт меня за руку, и мы идём к дому. Вернее, идёт мой благодетель, а я, держась за его руку, бегу за ним.

Наконец-то я в тепле. Следом, переставляя через порог ведро, заходит сосед.

- Ну, всё, — говорит он, — передай отцу, чтобы за водой ходил сам!

- Дядя Алик, — робко говорю я, — там у меня ещё одно ведро у дороги стоит.

- Так ты ходила с двумя вёдрами? - поражается он, а потом говорит:

- Подожди, сейчас принесу.

Через несколько минут второе, наполненное ведро уже стоит на лавочке, там, где ему и положено стоять. Дядя Алик уходит, рассуждая вслух о жестокосердии моих родителей, заставивших такую кроху в мороз носить воду большими вёдрами, которые чуть меньше её роста.

Меня уже мало волнуют его слова, как и то, на чьей стороне правда. Важен результат: ноги согрелись, вода nanoшена, бельишко постирано.

Первым приходит с работы отец. Бросает беглый взгляд на полные вёдра и спрашивает:

- А откуда вода?

- Я принесла, — не моргнув глазом, гордо говорю я.

- Опять ты врешь, — как-то вяло, но раздражённо говорит отец.

Но тут вошла мама. Она мягко, и ласково выведала у меня всю правду.

Мама побежала извиняться за мои проделки к соседям, а я пошла переодевать свою куклу.

Олег ЧЕЧИН

ПОЧЕМУ ФИЛИН ДНЁМ ПРЯЧЕТСЯ?

Был у меня приятель – пёстрый Дятел по имени Семён. Был он стар и умён и почти задаром работал в лесу санитаром. Боялся Дятла Жук-короед, от которого в других местах большой вред. А на его участке, что случалось нечасто, от жуков осталось одно лишь дупло. Там было тихо, пока светло. Но ночью кто-то в дупле глазами ворочал.

Я это видел воочию, поскольку поблизости жил и с Семёном дружил. Однажды, когда я заскучал, Дятел вдруг по дереву застучал. Я прислушался и не поверил своим ушам: мой приятель рассказывал сказку малышам! Он лихо отбивал тире и точки, и я перевёл их в рифмованные строчки.

* * *

Давным-давно, когда не было ни телевизора, ни кино, у всех, говорят, был один наряд – без окраски. Филин летал тогда днем без опаски. Звали его просто: Филя, а Ворон дразнил его: «Простофиля!» Филин, и вправду, смешно сказать, ни в чём никому не мог отказать. И слушал соседа доверчиво с утра до вечера. У Ворона было много гонора. Звали его Макар, с утра он все «кар!» да «кар!» – у всех находил в достатке одни недостатки.

И вот как-то раз Радуга в небе зажглась. Заиграли краски-огоньки, так что к небу потянулись даже пеньки. Встал на пенёк Медведь и давай реветь: «Так хоть чуточку буду ближе к этому чуду!» Ворон это услышал, из себя сразу вышел: «Зря себя не будоражь! Радуга – мимолетный мираж! Поиграет и рассыплется в прах!» Любил Макар нагонять страх. Медведь был незлобив душой. И хоть был он большой, с пенька слез и бочком в лес.

А краски горят огневые, дышат, словно живые! Филя почесал за ухом и ухнул, собравшись с духом: «Эх, мне бы достать Радугу с неба!» Тут Ворон Макар снова сказал свое «кар!»: «Нет у тебя, Филин, в мозгу извилин! Думать о красках порочно! Только бесцветное прочно! Хочешь, у всех на виду Радугу я изведу?»

Не стерпел Макар красок разгар, полетел стрелой туда, где Радуга сходилась с землей, клюнул изо всех сил – Радугу и погасил! Но один радужный лоскуток с неба упал, как осенний листок, прямо Филину на коготок. Подлетел Филя к луже, окунул свою добычу поглубже – и получились

краски! Эту новость он вскоре предал огласке, повесив под душлом объявление:

«Открыто новое явление!

Покрашу каждого в любой цвет,

Какого ни у кого нет!»

На следующий день, едва рассвело, любопытство многих привело к Филину под душло. Каждому посмотреть охота, как будут красить кого-то. И каждый боится невольно краситься добровольно: а вдруг будет больно? Волнуются птицы и звери: «Давайте на ком-нибудь проверим!» Ведь все тогда с рождения ходили прозрачные, как привидения.

Первым рискнул Голубок: «Покрась меня, Филя, под дымок из печной трубы!» Принялся Филин за труды: вокруг храбреца засеменял, слегка его подсинил, потом подфиолетил ему хвост и грудку – и через минутку и стал Голубок сизый по своему капризу! Взлетел он и растаял, как дымок! Никто его в небе разглядеть вскоре не смог.

Забрался на пенек Заяц, с Гусем толкаясь: «Покрась меня, Филя-дружок, под первый выпавший снежок!» Но Гусь уступить не хочет. «Покрась меня так же!» – гогочет. И оба готовы уж драться. Филин взмолился: «Да что вы, братцы! Я рад для обоих постараться! Но только уж вы не деритесь! Сейчас же на пне помиритесь!» Носами драчуны потёрлись – и все обиды стёрлись!

Филя пригласил в помощницы Белку, вдвоем они сделали драчунам побелку. Всем понравился их снежный окрас, а Гусь захотел краситься еще раз. Филин покрасил ему лапки под цвет рябины – и загорелись они, как рубины! Стал Гусь после этого важным и, выпятив грудь, отважно сам себе мазнул красной краской ещё и нос. Спрос на покраску сразу возрос!

Видит Лиса: творятся чудеса! Подошла к Филе поближе: «Я хочу быть огненно-рыжей!» Шепнула ему на ухо: «Ведь я ещё не старуха!» Раздел Филин Лису в золото и багрянец, на щеки навел румянец. До того красивой она стала, что на цыпочки встала и ушла совсем молодой, хвост подняв трубой над собой.

Белка, подражая Лисе, тоже предстала вскоре во всей красе. Шубка у нее получилась медовая. Но Белка была бедовая. Принялась по веткам носиться, чтобы проверить, как обнова будет носиться. Филину пришлось с ней проститься. Помощница от него сбежала, а работы ещё немало!

Волк не умел просить, но новую шкуру тоже захотел носить. Он лапой пенёк поскрёб, потом себя в охапку сгрёб,

от волнения всхлипнул и хрипнул: «Моим желанием заветным издавна было стать незаметным! Цвет сумерек самый для меня подходящий, в сумерках я самый работающий!» Покрасил Филя Волку в серый цвет холку. Тот в благодарность повыл втихомолку и уполз обсыхать под ёлку.

Расступился лесной народ, как увидел, что Медведь идёт. Сел он перед Филей на пенёк: «Хороший сегодня денек! Уважь и меня, куманёк! Ты так меня покрась, чтоб не приставала ко мне никакая грязь! Мыла я не терплю, в баню ходить не люблю!»

Только изложил свою просьбу Мишка, в лоб ему полетела шишка. «Кар!» – крикнул с ёлки Макар. – Ты, Медведь, глуп, хоть и стар! Краска после дождя может полинять! На кого тогда будешь пенять? Как же ты без серьезной проверки позволяешь делать примерки?»

Растерялся Медведь, от обиды начал реветь. Филя повернул голову задом наперед: «А что скажет народ?» А народ переминался с лапы на лапу. Гусь улизнуть норовил тихой сапой. Один только плебей Воробей не оробел: «Давайте-ка подождем! Кого-нибудь проверим под дождем!»

Но погода стояла сухая, и к Ворону пришла мысль вот какая: «Каждому за покраску надо устраивать хорошую встряску, пока дождичек не пройдет! Краска с них, может, и раньше сойдет!»

Когда Макар изложил свою программу, ясно стало и Гишпопотаму, что поколотят и его: раз один за всех, а все на одного. Дошло это и до Мишки. Взял он в лапы сразу две шишки: «Ты нам голову, Ворон, не морочь! Убирайся отсюда прочь!» – и швырнул обе шишки в нахала. Одна из них попала. Макар вспорхнул и, злобу затая, полетел в другие края.

Удался Медведю переворот! Повалил, как прежде, к Филину народ (а ведь все могло быть и наоборот!). Топтыгину предложили генеральские лампы, но он сказал: «Пусть носят их папуасы! А мне для поднятия авторитета достаточно будет бурого цвета!»

Почти всю коричневую краску Филя извел, и Медведь наконец улыбкой расцвел. Как стал он бурым, перестал быть хмурым! Мишка и в баню начал ходить – краска с него и не собиралась сходить! Долго парили его для проверки после первой примерки – не подвела обнова! А Филин принялся за работу снова.

Прокатилась слава по всему свету, что лучше его художника нету. Даже заморский гость Павлин пожаловал

к нему, да не один, а с целой свитой, за хвостом увитой. Павлин что-то долго лопотал, то за грудь, то за хвост себя хватал. Филя не понял его, но на всякий случай решил, что покрасить гостя лучше сразу во все цвета. А это и была, оказывается, заветная павлинья мечта!

Так каждому, кто ни приходил, Филин подходящий наряд находил. Один только Ворон остался не покрашен. Долго гнев его был страшен, но, в конце концов, и ему надоело быть бесцветным одному. Испугался Макар, что от моды отстал, и гневаться перестал.

Явился он под дупло. Филя встретил его тепло, как старого друга, признался, что с краской стало туго. Он уже красил в полоску – от нужды, не для лоску! Даже Тигр и тот полосатый, но доволен нарядом усатый! Он под ручку с Зеброй гуляет и хвостом перед нею виляет. Филин сказал: «Какая жалость! Краски осталось самая малость! Но я бы мог покрасить тебя под цвет Курочки Рябы. Видишь, я тоже рябой, и ты, Макар, будешь доволен собой». Сдержал Ворон обиду, не подал виду: «Покрась меня лучше в такой цвет, какого в Радуге нет!»

Задумался Филя, усевшись на ветке. Клиент же устроился на табуретке. Он заявил, что не уйдет, пока Простофиля для него не найдет такой наряд, о котором все заговорят. Так просидели они допоздна, и тут к Филину пришла мысль одна. Выручил его случай: небо нахлобучило тучей, молния из неё польхнула, в печную трубу нырнула. Вспомнился ему дымок, под который покрашен был Голубок!

Ухватился Филя за эту подсказку: «Макар! Я нашел для тебя окраску! Но придется тебе всю ночь провести в печной трубе!» Ворон ответил: «Согласен, если будет наряд мой прекрасен!» Но вопрос этот ещё не был ясен.

Филин не спал у трубы всю ночь – отгонял любопытных прочь! А Макар ворочался в печной трубе, не ведая о перемене в своей судьбе. От холода он продрог, но высидел весь положенный срок. Упорен был Ворон, упорен – и стал к утру чёрен-пречёрен! Сажа покрыла на нем все места от кончика носа до кончика хвоста!

Глянул он в зеркало и заголосил: «Кар! Разве такой наряд я просил? Ну, погоди, лупоглазый! Выключю оба глаза сразу! Клюв кривоносый расправлю! Пёрышка на тебе не оставлю!»

Филя видит: дело плохо! Поухал, поухал – и в дупло! С тех пор, пока светло, сидит там, не показывается – мести Ворона боится, оказывается! Жаль, что Филин не всемогущ, но справедлива кара для Макара! Ведь, вправду, нет ничего хуже, чем чёрное нутро, заметное снаружи!

Николай АЛЕКСАНДРОВ

МАМА И МЕДВЕДЬ

А случилась эта история очень давно. Для участия в новогоднем маскараде мама сшила мне костюмчик зайчика. Костюмчик замечательный, из белой простыни, а на голове белая шапочка и два длинных уха. Дольше всего возились с ушами, даже папа что-то мороковал, но в итоге ушки научились крепко стоять на голове. Потом я тренировался прыгать, по заячьи, скрючив перед собой руки, и рассказывать стишок про зайчика – попрыгайчика.

На празднике в детском саду я всё сделал как меня учили дома и прыгал и стишок рассказывал, всем очень понравилось, дети громко аплодировали, а Дедушка Мороз подарил мне конфетку.

Каждый год я одевал костюмчик зайчика и рассказывал стишок. Но прошло два года и мой костюмчик стал мне мал. Я так подрос, что штанишки подтянулись до самых колен, уши надломались и висели перед глазами, а хвостик вообще куда-то пропал. Я и не жалел костюмчик, потому что очень хотел быть медведем. И ещё с осени приставал к маме, чтобы она сшила мне костюм медведя. Мама молчала, а потому я был уверен, что на Новый год буду медведем, и научился по-медвежьи рычать и ходить вразвалочку. Получалось очень правдоподобно даже без костюма медведя.

Наступили предпраздничные дни, мама достала костюмчик зайчика и приказала примерить.

– Мама! – возмутился я, – я хочу быть медведем!

– Потом, в следующем году, – ответила мама и подала мне заячий костюм.

Я его одел так лихо, что он затрещал по всем швам и мама огрела меня подзатыльником:

– Не рви! Одевай аккуратно!

– Ма-ма, – загнусавил я, – я медведем хочу быть...

Мама молча сняла новую мерку и начала подшивать штанишки из старой простыни. А я не унимался и выл пока не получил ещё одного тумака. К вечеру костюм зайчика был готов, и мама приказала примерить. Я примерил. Костюмчик был ужасным: подшитые на ногах штанины выделялись белизной, одно ухо отремонтировали, но второе

вставать не хотело и падало мне на лоб, пуговицы стягивали грудь, выворачивались наружу, и было видно, что они все разного цвета.

На утренник я шёл без всякого праздничного настроения. В детском саду мама быстро переодела меня в костюмчик зайчика и куда-то спешно ушла. Я спрятался в углу, а дети водили хоровод и рассказывали стишки. Дедом Морозом была наша воспитательница, она увидела меня и, громко постукивая посохом, спросила:

- Что за зайчик спрятался в углу? Дети! Давайте позвём играть с нами зайчика!

- Я не зайчик, - сказал я и заплакал.

- А кто же ты? И почему плачешь? - спросил Дедушка Мороз.

- Я медведь, - сказал я.

- Дети! - обратился к детям Дед Мороз, - кто к нам пришёл, зайчик или медвежонок?

- Зайчик! - закричали дети.

- Нет, - настырно сказал я, - я медведь!

- Ну, хорошо, - согласился Дед Мороз, - к нам пришел медведь в костюмчике зайчика! Правильно? - спросила она меня.

Я кивнул головой.

- Ты расскажешь нам стишок или споёшь?

- Я буду рычать.

- Хорошо, внимание дети, слушаем медвежью песню!

Я скослапил ноги и пошёл вокруг ёлки громко и неистово рыча. Дети закричали и пошли за мной тоже рыча и косолапя ноги. Получилось очень весело и воспитательница - Дед Мороз - подарила мне конфету.

Мы долго веселились, а потом пришла мама и спросила:

- Как тут мой зайчик?

- Он не зайчик! - закричали дети. - Он медведь!

Мама посмотрела на меня, и я понял, что дома меня ждёт угол, где я ревел совсем не по-медвежьи. Но мама мне ничего не сказала и в угол не поставила, только папе пожаловалась, сказала, что я весь в него - настырный и упрямый.

Светлана Вьюгина
ДОРОГА

Без сандалий лучше идти по середине дороги, низенькая трава спорыш щекочет маленькими листочками пятки, немножко пылит...

— Папа, — говорю я, — а зачем нужна дорога?

Папа идёт за мной; он тоже босиком и в светлых шортах; только на нём рубашка с синими завитушками, а я — в белой майке.

— Зачем, пап?..

— Ну, вот эта дорога — полевая. Она ведёт нас через поле. Видишь, какое оно? Было зелёное, а теперь желтеет. Созревает урожай. Это — овёс, он кисточками такими, из зёрнышек. Сила в нём — богатырская. Не веришь?

— Не верю.

— А ты знаешь, что лошадь может везти тяжеленные грузы, может землю пахать плугом, с человеком, конечно... Целый день она работает — и сил хватает. А ведь ни конфет, ни мёда, ни пирожных не ест: трава, сено, овёс... Ты понял, почему я овсяную кашу по утрам ем?..

— Богатырская сила?..

— Вот именно!

— Так вот. Есть у полевой дороги украшение — васильки. Видишь, голубые вот эти цветы? А сколько их!.. Красота, Ванечка. Согласен? А ведёт полевая дорога или от деревеньки к деревеньке, или на покос, или на пасеку, где пчёлы летом живут и мёд с цветов собирают, или к летней ферме... В одном месте овцы пасутся, в другом — коровы...

— А другие дороги?..

— Есть и другие. Вот мы из города в наш летний дом по шоссе ехали, по асфальтовой дороге. Асфальтовые дороги, ясное дело, не то что полевые — гладкие, ровные, без кочек и ухабов. Можно без задержек и помех и день ехать, и два, а то и неделю, скажем, к Тихому океану. По таким дорогам люди в своих машинах или автобусах в гости друг к другу ездят, по ним грузовики еду и одежду возят из одного места в другое.

— А ещё бывают железные дороги — по ним мчатся поезда. Поезда перевозят людей и нужные им грузы.

— А ещё есть морские пути-дороги — для теплоходов...

— А ещё?..

— А ещё, Ванечка, воздушные — в небе... Для самолётов. Дороги соединяют людей, понял?

– А ещё, пап?..

– А ещё – космические... Они ведут людей к звёздам. Далеко-далеко!

Папа берёт меня за руку, и мы смотрим назад. Там, накрыв голову белыми шляпами, идут мама и её подруга тётя Мила.

– А тебе какая дорога больше нравится? – спрашиваю я папу.

– Мне?.. – Он снимает чёрные очки и показывает рукой.

– Эта!

– Полевая, с цветами?

– С цветами-васильками!

СОЛНЕЧНЫЕ КРАСКИ

Рано-рано проснулось Солнышко. Проснулось и сказало:

– А ну-ка, лучик, прыгай на землю. А на земле – трава.

А на траве – роса.

Отразился лучик в капельке росы, и засияла маленькая радуга.

Какими цветами? А вот какими: КРАСНЫМ, ОРАНЖЕВЫМ, ЖЁЛТЫМ, ЗЕЛЁНЫМ, ГОЛУБЫМ, СИНИМ, ФИОЛЕТОВЫМ.

Солнышко по небу катится, лучик по земле скачет – навстречу новым солнечным краскам.

Петушок Гриша взлетел на забор и закукарекал:

«Кукареку! Кукареку! Здравствуй, Солнышко!» И заалел от солнечного света его КРАСНЫЙ гребешок.

Бабушка Авдотья пошла на огород, выдернула из земли две морковки. Одна морковка было ОРАНЖЕВАЯ, другая – ЖЁЛТАЯ. И обе помахивали своими одинаковыми ЗЕЛЁНЫМИ косичками. И приветливо улыбались: «С добрым утром! Здравствуй, Солнышко!»

Перепрыгнул солнечный лучик через грядки и выбежал на лужок. А там цветочки уже проснулись: ГОЛУБАЯ вероника, синий Василёк и ФИОЛЕТОВАЯ фиалка. К солнышку тянутся и говорят: «Привет тебе, Солнышко! Спасибо тебе, что ты нас разбудило!»

Солнечный лучик дальше поскакал, а бабушка Авдотья стала внучек будить:

– Вставайте, нешевелёны! Солнышко уже высоко!

Проснулись Маша и Катя: и петушка Гришу, и морковки, и луговые цветы.

И ты нарисуй летние картинки. У тебя же есть солнечные краски.

Егор РОЧЕВ АВКО

Отец подарил Митруку оленёнка. Тёмный комочек, съёжившись на нартах как собачка, весь дрожал от холода. Глаза были подёрнуты инеем. Митрук погладил оленёнка, но пока не знал, что с ним делать дальше.

— Голодный он, — заметил отец, — мать его во время пурги, видно, потеряла, в сугробе нашли.

Митрук быстренько сбегал в чум, вынес оттуда тарелку с супом. Но оленёнок даже носом не повёл, как ни пытался Митрук повернуть его мордочку к еде.

— Вкусно же, мы все в чуме суп едим, поэтому и не боеем. И ты окрепнешь.

Митруку жаль оленёнка. Мальчик уже не раз наблюдал, как резвятся олени в стаде. Так бы и ему, Митруку, порезвиться с оленёнком.

— Не хочет есть! — кинулся Митрук к отцу.

— Да ведь он пока и не умеет. Научим! — улыбнулся в ответ отец.

Обушком ножа он осторожно приоткрыл оленёнку рот, и Митрук понемножку начал вливать ему суп, и оленёнок с удовольствием почмокал мокрыми губами. Дня через два научился и сам есть из тарелки.

А через неделю он уже всю бегал за нартами.

Вот и снег растаял, зелёная травка появилась, стало достаточно корма для оленёнка, он стал быстро прибавлять. Дали ему имя — Авко. Такое прозвище дают в тундре оленятам, которые растут без матери, среди людей.

Митрук любит Авко. Выйдет рано утром из чума, кличет: — Аво-ав!

Оленёнок во весь дух кидается к хозяину. Знает, Митрук не просто так подзывает его. Каждое утро угощает своего друга хлебушком. Больше всего на свете нравится мальчику, когда его Авко резвится с ним, легонько бодаясь маленькими мохнатыми рожками, как бы щекоча.

Но к осени рожки затвердели. Теперь Митрук придумал другую игру: заберётся на нарты и подзывает к себе оленёнка:

— Иди, не бойся, ничего я тебе не сделаю. Иди!

Авко осторожно подходит к нартам, Митрук ловко прыгает ему на спину, но оленёнок приседает, и Митрук соскальзывает в кусты багульника. Хорошо хоть под ногами земля мягкая, как перина...

У Митрука есть мечта приручить Авко к ходьбе верхом.

Он уже решил: вот приручит Авко, и они обгонят всех, может, даже и отца, во время праздника оленеводов. А что, очень уж гордятся да хвалятся они своими оленями, даже не замечают при этом Митрука, только и покрикивают: «Не лезь под ноги!»

Каждый день Митрук обучал Авко, досыта повозился с ним, а толку пока никакого. И вот однажды устал и разлёгся на нартах. Авко стоял рядом и лукаво смотрел прямо в глаза Митруку, как будто дразня мальчика: «А вот я совсем не устал!»

— Погоди, я тебе устрою, — сказал Митрук. Он поискал верёвку, один конец обвязал вокруг шеи оленёнка, а другой намотал на правую руку, как обычно делает отец.

— Чо-чо-о! — погнал он Авко. Оленёнок сперва нехотя, боком, а потом всё быстрее перебирая ногами, двинулся вперёд.

Митрук не знает как радоваться, улыбается во весь рот. Так они обошли несколько раз вокруг чума, побежали дальше, двигаясь по краю ближнего холма. Хорошо! Только ноги успевай поднимать, чтобы не отстать от оленёнка. Митрук словно крылья обрёл: в ушах ветер свистит, по коленкам ивняк так и хлещет, а ему и под ноги-то некогда посмотреть.

Вот уже несколько холмов перевалили, осталась позади небольшая рощица. Но в одном месте мальчика словно за ноги схватили, зацепился за что-то, не удержался, нырнул в кусты, лицо и руки расцарапал. Больно! Обиделся на Авко, но держится, ведь оленеводы крепкий народ! Митрук вскочил на ноги, отряхнулся, хотел было уже дальше бежать, но оглянулся и... ёкнуло его маленькое сердечко:

— А где же наши чумы? Куда ты меня завёл? — одёрнул он Авко, в сердцах бросил конец верёвки: толку-то теперь от неё? Митрук быстро вскарабкался на вершину холма: и отсюда ничего не видать, как будто и не было вовсе чумов!

Заплакал от бессилия. Авко подошёл и лизнул тёплым шершавым языком ему щёку, отошёл чуток, обернулся и смотрит как-то странно на хозяина, словно говорит: «Иди за мной». Сделает несколько шагов, и снова оборачивается, поджидает. Так они скоро поднялись на самый высокий холм.

— Вот же они, чумы! — радостно вскрикнул Митрук и побежал за Авко, прыгая с кочки на кочку.

Скоро на их пути оказалась длинная лужа. Митрук даже и не подумал обходить её, прибавил ходу и прыгнул. Но другой берег оказался таким илистым, что мальчик остался стоять по колено в грязи, а трясина затягивала и

затягивала. Как выйти? Кто услышит, даже если будет кричать? До чумов ещё далеко. А Авко? Но разве он поймёт?

Всё же Митрук тихонько окликнул оленёнка. Авко подошёл, обнюхал хозяина, потоптался на месте, как бы ища опоры, и подставил свои рога — держись!

Митрук быстро ухватился за них и легко выбрался на суходол.

Митрук в благодарность крепко обнял оленёнка за шею, и два друга зашагали домой, в сторону островерхих чумов.

Олександр БОБОШКО

«ПЕРЕМОГА МАЄ ПРИСМАК ПОРАЗКИ...»

* * *

Впади,
мужиче,
сніголиць:
волай, моли,
щоб чаша – мимо,
щоб жоден фарисей чи митар
з рукостисканнями не ліз;

щоб цій нав'язливій зимі
лишилось жити
зовсім мало,
щоб „Розіпни!“ не пролунало
ні за добу, ані за мить...

Впади грудьми на верхній шар
пополотнілої планети.
Зростає злість по експоненті –
і світ
на страту
має шанс.

Впади, мужиче, сніголиць –
за порятунок помолись.

* * *

Несподівану Вараввину радість
помережано і смутком, і болем.
Перемога має присмак поразки.
Від ненависті – не крок до любові.

Не питай, кого розіпнуто вчора:
дзвін
сльозитиме
і завтра, і після.
Ой ти, задросте людська...
Надто чорна.

А спокута
 майже завше
 запізня.

Знов когось до прокуратора кличуть,
він уже від попередніх
 оговтався.

Обезлюднення
 все ближче
 і ближче.

Все залюдненіші
 наші
 Голготи...

* * *

Моє маленьке дерево, рости!
Міцній,
 мужній,
 тягнись гіллям до Бога!
Хоч нам сьогодні зимно – менше з тим,
вона ж не вічна,
 лютого облога.

Зайцям не згризти ніжної кори –
їх налякав я згадками про вовка.
Моє маленьке дерево, поринь
у вир надій
 на цім повітрі вогкім.

Чи хтось підкаже, скільки нам іще
(хоч індіанці, хоч метеорити) ?
То ж поки є ми,
 поки світ не щез –
спішу
 з тобою
 вщерть наговоритись.

Поправивши на шії амулет,
намацавши іконку у кишеньі,
прошу я вищі сили *дати ще нам...*
Тримайся. Спи.
 Рости, моє мале.

* * *

Ще буде: й зорі крізь терни,
і спільний спів навколо ватри.
І прийде червень-чарівник,
щоб нам тепло подарувати.

І буде солодко земним,
що холоди повідступали...

Зірви
тридцять листопада –
печаль на радість
заміни.

* * *

Бравісимо! Всім присутнім – низький уклін
за ваші співучість,
співучість,
місткі поради.

Стають одиницями
повні мої нулі,
і ваша молитва
всілякі лікує
рани.

Дарма нас лякали шквалом.
Насправді – штиль.
Нагода хоч раз на синоптиків не озлитись.
Лопати
вгрузають
у землю
на повний штих
навколо вцілілих узимку
дерев безлистих.

Подяка, толоко! І хай нас простить Бог:
таких трудогольних неділь –
лиш одна на десять.

Конають у полум'ї
рештки моїх тривог,
і сад оживає – й поволі
стає
едемським...

* * *

Хочу жити на Місяці. Там не цвістиме амброзія.
 Там не змусить ніхто
 кам'яним поклоняйтесь чи бронзовим.
 А Земля при погляді звідти – сама довершеність.
 Скільки дати (й кому),
 щоб місяцевим
 зробитись
 мешканцем?

Пане консуле дружньої позаземної республіки,
 пропишіть
 на такому ментально близькому
 супутнику.
 Та шепоче жона дипломата, медик за фахом:
 „Він і справді сновида. Попереджав товариш Саахов...”

Ой, ганьба консуловії. Чи можна отак от невічливо!
 Хочу жити на Місяці. Тут я себе наче й вичерпав.
 Насолоджуватись ходінням по краю кратера,
 перед тим поховавши в нім подумки всіх прокураторів.

Там ніхто не примусить
 мармуровим та мідним кланяйтесь.
 Там існує життя.
 Там життя набуватиме плавності.
 От і марю щосну, як, підбадьорений натовпом,
 вирушаю у путь
 з американськими
 астронавтами.

СОЧИ – ХАРЬК ПАСС

Магноліє,
 прошелести „Прощання вірменки”,
 бо хто гарантує,
 що я опинюсь тут ще раз!
 Попереду півжиття –
 і можливі римейки.
 А поки що
 (вибачте і не сумуйте)
 щезну.

* * *

Тим, що моляться тут, від виходу близько,
не побачити

вівтарного блиску.

І не те щоб шкода – а радше цікаво,
що хтось – королями,

а хтось – сірками.

Крім цієї, звичайно ж, інші церкви є
(не хворіє світ на малоцерків'я).

Та і в них не медово пізноприбульцям,
що далеко від Бога стоять буцім.

Втім, по хресній ході

розговіння гарне

врівнощасливить

ар'єргард

з авангардом...

* * *

Негода. В кімнаті двоє: ти і Бетховен.

Заварено чай. Ти слухаєш нерухомо.

Забувся.

Забув топ-новини з нутра мережі

про те, що засипав град

північ

Лівобережжя...

Взаємини з N

сягнули, нарешті, піку.

Чи варто казати це

її чоловіку?

Пів тижня до осені.

Все сприймається з сумом:

„нуль – нуль” на табло, в гаманці,

плітки, пересуди.

Віват же тому,

що може підняти тонус:

купюрам із Савичем,

винам,

жінкам топлес,

наївним байкам про заможне та світле завтра
і яблукам,
червоним і жовтим,
повним базарам!..

Кінчається літо.
Спогади, сувеніри.
Ти не діставсь
до жаданого Синевиру.
Жовтіє. Щемить.
Холоди переходять в наступ
під останні акорди
Місячної сонати.

* * *

І ось нарешті я – в оточенні дерев,
відпочиваючи від преса урбаністики,
від провокацій агресивних буревісників
і хвалькуватих фаворитів лотерей.

Тут холодніше, ніж у місті. Не біда.
На те і сніг, щоб дати змогу нам померзнути.
На те й зима, щоб почуватися кремезнішим,
її сприймаю не як кару, а як дар.

Я скоро буду.
Я невдовзі повернусь
у вир інтриг,
у недолюбства коло замкнене...
Ще мить помрію
між повітряними замками
та помолюсь
на юних сосон
сивину.

О С І Н Ї

Як давно вже я
цього не робив:
не футболів опалого листя
носками взуття.
Це найкращий з методів боротьби

з депресивним станом,
за відродження духу звитяг.

І нехай довколишнім допече,
і вони вказівними несхвально покрутять на рівні скронь –
підчеплю багрянець іще й іще,
запаливши у цім холоднім повітрі уявний вогонь!..

Не чіпай, дільничний, усе о'кей.
Просто маю натхнення і час. І листя півпарку.
І таки шкодую, що я не кельт:
зачарований осінню,
став би, напевно,
бардом.

Любовь СИДОРОВА

ВОЛШЕБНЫЙ ЯНТАРЬ

Сказка

Разные бывают вещи. Бывают такие, которые люди не задумываясь выбрасывают. Например, фантик от съеденной конфеты или исписанную ручку. А бывают такие, которые бережно хранят всю жизнь и боятся потерять. Одна девочка, Вера, хранила янтарь. Он был ей дорог не потому, что дорого стоит, — она и не знала, сколько он стоит, — а потому, что это подарок от бабушки. Давным-давно, когда бабушке было двенадцать лет, столько, сколько сейчас Вере, ей подарили янтарь, и он стал ее талисманом. Теперь, решила бабушка, он должен служить талисманом Вере. Бабушка сказала внучке: «В твоём возрасте я верила, что этот янтарь волшебный и что он должен помочь добру победить зло. Я и сейчас верю. Послушай, какие волшебные слова прилагаются к нашему янтарю. «Нам сила — талисман!». — «Они правда волшебные?» — спросила тогда Вера. «А прочитай-ка их наоборот, слева направо». Вера прочитала: «Нам сила — талисман!» — «Ну, теперь убедилась?»

С тех самых пор Вера тоже верила. Она хранила янтарь в шкатулке, на трюмо, — это такое большое зеркало, прикрепленное к тумбочке. И еще Вера верила, что янтарь когда-нибудь перенесет ее в сказку, которая находится за зеркалом.

Однажды Вера держала в руках шкатулку, сидя у зеркала. В зеркальном стекле отражалось ее худенькое лицо, большие карие глаза, платье в желтый горошек. Нет, нет, она не вертелась перед зеркалом, а думала: «Почему-то мне кажется, что, если я именно сейчас достану янтарь, то он перенесет меня за зеркало в сказку и поможет добру победить зло». Вера открыла шкатулку и не на шутку испугалась: янтаря в ней не было! Девочка в панике принялась искать его: смотрела и под трюмо и за зеркало заглядывала — нигде нет! Как вдруг послышался таинственный голос:

— Не ищи, он в другом мире, в сказочном.

— Кто это говорит? — испуганно спросила Вера.

— Говорю я, твоё зеркало. Сейчас все узнаешь. Я расскажу тебе про мальчика Витю, юного витязя, который на облаке-коне путешествовал по разным мирам, приехал в Волшебную

страну и... хотя зачем рассказывать? Лучше покажу, как было дело.

Сначала удивленная Вера видела в зеркале только свое отражение, но потом по зеркальной поверхности поплыли облака. Одно из них напоминало коня, на котором сидел не то рыцарь, не то витязь. И вдруг облака превратились в цветы, деревья. Облако, похожее на коня, стало настоящим белым конем, а на нем — мальчик в остроконечном шлеме и доспехах. Лицо у мальчика было необычным, сказочным. Вере показалось, что она его уже где-то видела. Потом в зеркале появилась женщина, похожая на сказочную фею. На голове у нее сверкала золотая корона, усыпанная драгоценными камнями.

— Приветствую тебя, Витя, юный витязь, — сказала женщина, обращаясь к мальчику.

Юный витязь спешил и поклонился.

— Я Царица фей, — продолжала женщина, — ты находишься сейчас в Волшебной стране.

— О, это моя мечта — попасть в Волшебную страну! — воскликнул мальчик. — Вообще-то я витязь, мой долг — помогать людям, выручать их в трудную минуту. Но я наделен некоторой волшебной силой. Честно говоря, мое заветное желание — стать настоящим волшебником. Вы не могли бы научить меня волшебству?

— Стать волшебником не так-то просто, — проговорила Царица фей. — Что ж, попробую тебя научить. Для начала дам несложное задание: доверю сундук с волшебными вещами. О многих ты наверняка слышал: сапоги-скороходы, скатерть-самобранка, живая и мертвая вода. Но есть и кое-что особенное: волшебный янтарь, который может отнимать и возвращать волшебную силу. Кроме того, волшебный янтарь обладает свойством находиться одновременно в двух мирах. Вообще-то он принадлежит девочке Вере из земного мира. Она держит янтарь в шкатулке, шкатулка отражается в зеркале, а за зеркалом — сказка, поэтому янтарь принадлежит и мне тоже. Твоя задача, Витя, состоит в следующем. Ты должен помогать людям при помощи волшебных вещей. Но предупреждаю: надо быть осторожным. Нельзя допустить, чтобы янтарь попал в плохие руки, а то быть беде — если он пропадет у меня, то пропадет и у Веры. Запомни: когда кто-то обратится к тебе с просьбой, ты должен при помощи янтара проверить, что это за человек. Готов ли ты к выполнению моего задания?

— Готов, — решительно ответил Витя.

Фея взмахнула рукой, и появился расписной сундук,

украшенный точно такими же узорами, как Верина шкатулка. Фея исчезла. Рядом с сундуком лежали Витины доспехи, а сам он был теперь одет в просторную вышитую рубашку, подпоясанную кушаком. Но его лицо, отметила Вера, оставалось благородным лицом сказочного витязя.

Мальчик стал ждать, когда кто-нибудь обратится к нему за помощью. Время шло. Было видно, что он заскучал. От скуки Витя открыл сундук, достал сапоги-скороходы и примерил.

И тут появилась девочка, очень красивая. В руке она держала горшочек с увядшей розой.

— Ты тот самый мальчик Витя, который заведует волшебными вещами? — спросила девочка.

— Да, я тот самый Витя. Чем могу быть полезен?

Было заметно, что при виде такой красивой девочки он смутился.

— Понимаешь, я сама сотворила эту розу. Но она заболела и умерла. У тебя есть живая и мертвая вода?

— Конечно, — смущенно ответил Витя.

— Мне нужна мертвая вода, чтобы вылечить розу, и живая, чтобы ее оживить.

Мальчик достал из сундука два больших кувшина — золотой и серебряный — и два маленьких кувшинчика. Он наполнил маленькие кувшинчики, протянул их девочке и объяснил:

— В золотом — живая вода, в серебряном — мертвая.

— Спасибо, Витя! — поблагодарила девочка. — Разреши представиться. Меня зовут Роза.

— Тебе подходит это имя, — потупившись, проговорил Витя.

— Мы еще встретимся, — кокетливо бросила девочка и исчезла.

У Вити изменилось выражение лица, стало мечтательным. «Неужели влюбился? — подумала Вера, внимательно наблюдающая за происходящим. — Он даже не протестировал Розу при помощи янтаря, как велела Царица фей». Тем временем Витя улыбнулся сказочной улыбкой и исчез. На его месте показалась Роза. Вера увидела, как она поливает свой цветок мертвой и живой водой. Цветок сразу ожил, расцвел, стал ярко-красным. Роза хлопнула в ладоши, и появилась толстая книга, старая и истрепанная. Она открыла книгу и принялась читать вслух: «Чтобы приготовить сонное зелье, надо смешать живую и мертвую воду»...

Роза опять хлопнула в ладоши, появился еще один

кувшин. Она налила в него живой и мертвой воды, взболтала, снова хлопнула в ладоши. Кувшин с сонным зельем стал прозрачным.

Затем послышался голос Зеркала:

— Вера, хочу тебе кое-что объяснить. На самом деле кувшин с сонным зельем стал невидимым. Его контур намечен для того, чтоб тебе был понятен дальнейший ход событий.

Вот Роза вернулась к мальчику Вите. Было заметно, что он очень обрадовался.

— Ну, и как теперь выглядит мой цветок? — сказала девочка.

— Роза прекрасна! — восхищенно проговорил Витя.

— Которая из нас? — спросила девочка.

Витя залился румянцем, опустил глаза и смущенно ответил:

— Обе.

— Ты, наверно, знаешь, что красная роза — символ любви, — продолжала девочка. — У меня для тебя сюрприз.

Она хлопнула в ладоши. Появилась бутылка с красным напитком и два бокала.

— Этот напиток называется «Роза любви», — сказала девочка. — Я сама его приготовила и хочу, чтобы ты попробовал.

Она стала наполнять один из бокалов — правой рукой наливала напиток, а левой — добавляла сонное зелье из прозрачного кувшина. Мальчик Витя, конечно, этого не заметил.

Роза протянула бокал Вите и принялась наполнять другой бокал, для себя. Туда она, конечно, сонного зелья не подлила. Роза подняла свой бокал и провозгласила:

— За нашу любовь!

Витя сделал глоток и восхитился, а допив до конца, сразу уснул. Роза кинулась к сундуку, начала в нем рыться.

— Ну, где же он? — нетерпеливо приговаривала девочка и, наконец, достала из сундука Верин янтарь. Она подняла его и сказала:

— Волшебный янтарь, отними волшебную силу у мальчика Вити. Трувель-трувель-труф-труф-труф!

Потом положила янтарь обратно в сундук, хлопнула в ладоши, и сундук исчез. Роза опять хлопнула в ладоши и из красивой девочки превратилась в отвратительную старуху, похожую на злую колдунью.

— Ха-ха! — торжествующе засмеялась она. — Теперь волшебный янтарь в моих руках. С этим простачком я уже

разделалась. Тоже мне витязь, доспехи носит! Сколько металлолома!

Она с презрением посмотрела на Витино воинское снаряжение, сложенное на земле.

— Я вот отберу волшебную силу у всех фей и волшебников, и тогда мне не указ Царица фей. Самолично буду править Волшебной страной.

Она поднялась в воздух и улетела.

— Что же теперь делать? — запаниковала Вера

— Ты должна перенестись в сказку к мальчику Вите, — ответило Зеркало. — Вам надо спасти фей и волшебников. Колдунья летит быстрее ветра. Пока ты смотрела сказку, она успела отнять волшебную силу почти у всех. Остались несколько волшебников да сама Царица фей.

Вера хотела спросить у Зеркала, как это сделать, но не успела. Ее комната исчезла, девочка оказалась сначала среди облаков, потом облака превратились в цветы и деревья небывалой красоты. Среди цветов под деревом спал мальчик Витя.

— Витя, проснись! — крикнула Вера.

Витя открыл глаза, сел и пробормотал:

— Ой! Как это я мог уснуть? Извини. Ты ко мне?

— К тебе, к тебе. Меня зовут Вера. Я из земного мира.

Мальчик внимательно присмотрелся.

— Кажется, я тебя где-то видел. Ты та самая Вера, у которой около Зеркала янтарь?

— Да, та самая, а за моим Зеркалом — сказка. Знаешь, мне кажется, я там уже была и мы с тобой виделись. Или это приснилось...

— Вряд ли приснилось, — серьезно заметил Витя. — Зеркало — волшебная штука, при помощи Зеркала могут пересекаться разные миры. Вот, например, янтарь принадлежит одновременно и тебе и Царице фей. Он лежит у тебя в шкатулке и в волшебном сундуке.

Витя оглянулся и не на шутку испугался.

— Где сундук? — закричал он.

Вера не мешкая рассказала, как Роза подлила Вите сонного зелья, как при помощи янтаря отняла у него волшебную силу, как утащила сундук с волшебными вещами, как превратилась в старую колдунью.

— Роза?.. — изумился Витя. — Этого не может быть! Она такая... Какой же я дурак! Ведь говорила Царица фей: нельзя всем доверять. Надо было проверить при помощи янтаря.

— Нужно спасти волшебников, — сказала Вера. — Сначала предупредить Царицу фей.

— Не успеем, — махнул рукой Витя. — Ты сама сказала: колдунья летит быстрее ветра. Тут быгодились сапоги-скороходы, да где их взять? Она украла все волшебные вещи.

— Посмотри на свои ноги, — посоветовала Вера.

Витя посмотрел.

— Сапоги-скороходы! Как так?

Потом стукнул себя по лбу.

— Вспомнил! Мне было скучно, я примерил сапоги-скороходы и забыл снять.

— Иногда рассеянность бывает полезной, — засмеялась Вера, а потом вздохнула: — Жаль, что у нас только одна пара сапог. Мне бы так хотелось попасть к Царице фей!

— Это можно устроить, — сказал Витя. — Возьмемся покрепче за руки и побежим вместе.

Вера взяла Витю за руку, и ребята помчались. Вскоре они очутились у прекрасного дворца. Дворец был из розового мрамора, солнце весело играло в разноцветных стеклах больших окон, его окружал великолепный сад.

Ребята вошли во дворец. Стены были увешаны зеркалами, прекрасными картинами, убраны цветами. С потолка спускались люстры из сверкающего хрусталя. На троне сидела Царица фей в золотой короне, усыпанной драгоценными камнями.

Ребята почтительно поздоровались.

— Здравствуй, Вера, здравствуй, Витя, рада вас видеть, — улыбнулась фея. — Ты выполнил мое задание, Витя?

Вера с Витей все рассказали Царице фей. Она укоризненно взглянула на мальчика:

— Витя, Витя! Я ведь говорила, нельзя всем доверять. Но я на тебя не сержусь. Не ты один был обманут. Может быть, ей удалось бы обмануть и меня. Она вот-вот появится. Я знаю, что надо делать.

Не успела Царица фей это произнести, как в зал вошла Роза. Она поклонилась и сказала:

— Здравствуйте, меня зовут Роза. Уважаемая Царица фей, мне бы хотелось...

Роза недоговорила, бросила удивленный взгляд на Витю.

— Витя?.. Как ты здесь оказался? Я же... то есть ты же спал. Но потом опомнилась и взяла себя в руки.

— А, значит, уже проснулся. Извините, Царица фей. О чем я говорила?.. Ах, да, мне бы очень хотелось поступить в волшебную школу. Я уже многое умею.

Она хлопнула в ладоши, появился тот самый напиток и с ним четыре бокала.

— Этот напиток я приготовила сама. Попробуйте! Он

очень вкусный.

Роза стала наполнять бокалы, вода при этом рукой по воздуху. Исключение составил лишь бокал самой Розы. Вера на этот раз не увидела кувшинчика с сонным зельем, но все поняла: Роза подливала сонное зелье.

Царица фей сказала:

— Должна тебя уведомить, Роза: прежде чем поступить в волшебную школу, надо сдать экзамен. Но не бойся. Экзамен нетрудный, уверена, ты справишься.

С этими словами она протянула Розе шапку.

— Шапку надо превратить в корону, такую, как у меня.

— Только и всего? — хмыкнула Роза. — Пара пустяков.

Она хлопнула в ладоши, и шапка превратилась в золотую корону с драгоценными камнями.

— Великолепно! — воскликнула Царица фей. — А теперь можешь ее надеть.

Роза надела корону, а Царица фей сказала, лукаво взглянув на юного витязя:

— В этой короне Роза просто красавица. Правда, Витя?

Витя ничего не ответил, только опустил глаза. Царица фей снова обратилась к Розе:

— Можешь взглянуть на себя в зеркало.

Роза подошла к одному из зеркал, украшавших тронный зал, и, пока она любовалась собой, Царица фей поменяла местами свой бокал и бокал Розы.

— А теперь попробуем твой напиток.

Все подняли бокалы. Конечно, Вера и Витя не прикоснулись к напитку, выпили Царица фей и Роза. Как только Роза опустошила бокал, она сразу уснула. Тем временем Царица фей взмахнула рукой. Появился сундук и Витины доспехи. Она достала из сундука волшебный янтарь, подняла и проговорила:

— Волшебный янтарь, отними волшебную силу у Розы. Трувель-трувель-труф-труф-труф!

Потом разбудила Розу.

Придя в себя после сна, колдунья в отчаянии крикнула:

— Волшебный янтарь! Как он у вас оказался?

— Тебе он пока не нужен, Роза, — сказала Царица фей.

— Сейчас увидишь, кто я, — угрожающе проговорила Роза, хлопнув в ладоши. Но осталась девочкой.

— Ты отняла у меня волшебную силу! — завопила она.

— Да, — кивнула Царица фей. — Я могла бы превратить тебя в отвратительную старуху, какая ты есть на самом деле, но пожалела и решила оставить красивой девочкой Розой.

— Верни мне волшебную силу! — закричала Роза. — Я

уйду из Волшебной страны и никогда не возвращусь.

— Я не верну тебе волшебную силу, — молвила Царица фей. — Если даже ты уйдешь из Волшебной страны, то поселишься в другом месте и причинишь много зла.

— Ну, тогда прими меня в волшебную школу, и я начну все сначала, — не отставала Роза.

— Нет, — покачала головой Царица фей. — Я принимаю в свою школу только добрых детей.

Роза посмотрела на Витю:

— Уговори Царицу фей принять меня в волшебную школу. Сделай это ради нашей любви!

— Ты меня обманула, я в тебе разочаровался, — сказал Витя и отвернулся.

Роза в слезах удалилась.

— Мы победили колдунью, — проговорила Царица фей. — А теперь надо вернуть волшебную силу Вите, всем феям и волшебникам, тоже при помощи янтаря. Вернуть гораздо проще, чем отнять. Чтобы отнять волшебную силу, нужно подойти к каждому в отдельности, а вернуть можно всем сразу и на расстоянии. Тут требуется другое заклинание, то, которому научила Веру бабушка. Пусть Вера его и произнесет.

Вера подняла янтарь и с волнением сказала:

— Волшебный янтарь, верни волшебную силу мальчику Вите, всем феям и волшебникам, кроме Розы. Нам сила — талисман!

— Ну, вот, волшебная сила вернулась ко всем волшебникам, — молвила Царица фей. — Похоже, они даже и не знают, что произошло. Они крепко спали и только сейчас проснулись. Но я им обязательно расскажу. А теперь нам надо отпраздновать нашу победу. Отведайте напиток, приготовленный Розой. Он действительно очень вкусный.

Витя уже поднес к губам свой бокал, но Царица фей его остановила:

— погоди, Витя! Какой ты все-таки рассеянный! Там ведь сонное зелье. Дети, вылейте содержимое ваших бокалов за окно.

Ребята подбежали к окну, выплеснули напиток, а как раз в это время там проходила Роза. Ей облили платье.

Роза хлопнула в ладоши, но платье не стало чистым.

— Какое неудобство не иметь волшебной силы! — в раздражении закричала она. — Что же, я должна теперь стирать свою одежду?!

Все рассмеялись, а потом наполнили бокалы и выпили. Вере показалось, что этот напиток лучше любой газировки.

— Вера, может быть, ты останешься в Волшебной стране?
— предложил Витя. — Будем вместе ходить в волшебную школу.

— Я бы с удовольствием, — вздохнула Вера, — но мне пора возвращаться.

— Да, Вера, тебе пора, пора... — послышался голос Зеркала.

Витя и Царица фей исчезли, дворцовая мебель превратилась в привычную мебель Вериной комнаты, а сундук уменьшился, стал шкатулкой. Вера с замиранием сердца открыла ее. Там, словно маленькое солнышко, сиял янтарь. Послышался лязг ключа в двери. Это бабушка вернулась из магазина. Вера бросилась ее встречать со словами:

— Бабушка, а твой янтарь и правда волшебный! Нам сила — талисман!

ДВЕРЦА ЗА ЗЕРКАЛОМ

Сказка

Накануне своего дня рождения Вера стояла перед большим зеркалом. Завтра ей исполнится двенадцать лет. Вера стояла перед зеркалом и верила... во что же она верила? В то, что завтра станет взрослее? Нет, Вера не мечтала стать взрослой. А верила она в волшебство, верила, что именно сейчас, накануне ее двенадцатилетия, оно должно прийти. Ей даже казалось, будто волшебство где-то прячется. Может быть, за зеркалом?..

Мысли Веры прервал лязг ключа в двери. Это бабушка пришла из магазина. Вера побежала ее встречать.

— Я купила много вкусного, — сказала бабушка. — Надеюсь, ты помнишь, что завтра у тебя день рождения?

— Еще бы! — воскликнула Вера. — Мне кажется, должно произойти что-то необыкновенное.

— Конечно, — засмеялась бабушка. — Ведь завтра знаменательный день. Тебе нужно к нему подготовиться. Вымой-ка пол в своей комнате.

Вера вздохнула.

— Нельзя быть такой ленивой, — строго сказала бабушка. — Надо приучаться к хозяйству. Иди, мой пол, да поскорее.

Деваться некуда. Вера наполнила ведро водой, взяла швабру и принялась мыть пол. Решила помыть и за зеркалом. Это было трюмо, то есть зеркало, прикрепленное к тумбочке. Вера отодвинула его и ахнула от удивления: за ним оказалась дверца! Вере сразу захотелось узнать, что там. Вдруг какой-нибудь тайник. Девочка открыла дверцу, заглянула. Она увидела комнатку, и там сидела... Верина бабушка. Девочка вошла, прикрыла за собой дверцу.

— Бабушка, ты как здесь оказалась? — удивленно спросила она.

Но когда Вера подошла ближе, то увидела, что это не ее бабушка. Девочка пробормотала:

— Простите, я приняла вас за мою бабушку, вы так на нее похожи...

Старушка улыbnулась.

— Здравствуй, Вера. Очень рада тебя видеть. Я волшебница.

— Волшебница! — восхитилась Вера. — Я знала, что сегодня должно произойти волшебство!

— Его нельзя торопить, — сказала Волшебница. — Волшебство только начинается. Взгляни!

Волшебница указала на ковер, висящий на стене. Там был

изображен цветочный сад, который Вера представляла, когда была маленькой.

— Узнаешь? — спросила Волшебница. — Это сад твоей мечты. В сказках мечты сбываются.

— А еще я мечтала о том, чтобы цветы умели разговаривать, — вспомнила Вера.

— В сказке все умеют разговаривать, — промолвила Волшебница, — и цветы, и деревья, и ветер, и солнце. Ведь природа волшебная. У нее, как и у людей, есть свои особенности, даже свои причуды. Вот, например, речка любит собирать разноцветные камешки. Побываешь в сказке — увидишь много чудес, каких на земле не встретишь. Там есть волшебный серебряный источник, который лечит от всех болезней не только людей, но и зверей, и птиц, и даже деревья. Этот источник легко узнать по примете: возле него стоит серебряная чаша. Есть сказочная птица, зеленая, как горошек, которым она любит лакомиться. Если хочешь побывать в сказке, отогни ковер.

Вера отогнула ковер и увидела еще одну дверцу.

— За этой дверцей сказка. Удачи тебе, — напутствовала Волшебница.

Вера оказалась в чудесном саду, полном цветов. Вдруг послышались таинственные голоса:

— Здравствуй, Вера! Рады тебя приветствовать. Это говорим мы, Цветы.

Затем на Веру подул легкий теплый ветерок и послышался голос:

— Здравствуй, Вера! Это говорю я, Южный ветер.

— Здравствуйте, Цветочки, здравствуй, Ветер, — ответила Вера. — Как мне нравится в сказке! Все умеют разговаривать. А еще в сказках бывают приключения.

Не успела Вера так сказать, как подул ветер, до того холодный, что все Цветы поникли.

— Ну, вот тебе и приключение, — сказал Южный ветер.

— В сад прилетел Северный ветер.

А потом он громко крикнул:

— Зачем ты сюда прилетел? Твое место на Севере, где вьюги и метели.

И Вера услышала другой голос, хриплый, будто простуженный:

— А мне здесь больше нравится.

— Посмотри! — с укором сказал Южный ветер. — Цветам холодно, они опустили головки.

— Какое мне дело до твоих цветов? — рассердился Северный ветер. — Я хочу остаться здесь и останусь. Если

тебе не нравится моя компания, сам улетай.

Начиналась буря.

— Это сражаются два Ветра, — объяснили поникшие Цветы.

— Что я наделала! — воскликнула Вера. — Это я во всем виновата. Зачем заговорила о приключениях? Хоть бы кто-нибудь помог!

Не успела девочка договорить, как на небе показалось облако в виде коня, а на облаке-коне сидел мальчик, похожий не то на рыцаря, не то на витязя: шлем, доспехи. Потом всадник отделился от коня и прямо по воздуху спустился в сад. Лицо мальчика было сказочно добрым.

— Здравствуй, Вера! — приветствовал он. — Я витязь Витя, всегда прихожу на помощь.

— Как ты вовремя, Витя! — обрадовалась Вера. — Именно сейчас нужна твоя помощь.

— Можешь не продолжать, — сказал Витя. — Я знаю, что сейчас сражаются два Ветра — Южный и Северный. Помочь Южному ветру может только Солнце. Правда, оно скрылось, вернее, уснуло. Значит, нам с тобой надо пойти и разбудить его. У меня есть волшебный компас.

Витязь достал необычного вида компас. Стрелка на нем была золотая. Вера и Витя двинулись вперед, куда она указывала. Через некоторое время стрелка повернулась направо, но Витя почему-то остановился.

— Видишь пещеру? — спросил он. — Я придерживаюсь такого правила: в пути надо быть внимательным. Увижу что-нибудь особенное — никогда не пройду мимо. Ничто на пути не встречается просто так. Мне кажется, в этой пещере мы наверняка найдем что-нибудь полезное.

Вера пожалала плечами. Ребята вошли в пещеру и обнаружили в ней груды самоцветов. Они так и ахнули от восхищения. Камни сверкали и переливались всеми цветами радуги.

— Вот видишь! — сказал Витя. — Думаю, самоцветы нам пригодятся.

— Камешки очень красивые, — улыбнулась Вера. — Пожалуй, немножко наберу.

С этими словами девочка наполнила свой карман разноцветными камешками. Ребята вышли из пещеры. Витя опять остановился, указал на серебристый родник, протекающий около пещеры. На берегу стояла серебряная чаша.

— Это волшебный родник, — объяснил Витя. — Он не просто так попался нам на пути.

Витя наполнил серебряную чашу водой из родника. Вера хотела идти дальше, однако Витя стоял на месте. Вера внимательно огляделась вокруг, но ничего не увидела, кроме кустика гороха.

— И что теперь ты углядел? — засмеялась Вера. — Неужели горох? Я понимаю: самоцветы, серебряный родник. А какая польза от простого гороха?

— Но и вреда не будет, если мы соберем горошины, — сказал Витя.

Он нарвал стручков, достал из них горошины. Вера пожалала плечами и положила горошины в другой карман. Витя огляделся по сторонам, ничего заслуживающего внимания не увидел, и ребята повернули направо, куда указывала стрелка компаса. Шли они, шли и увидели большую реку. Вера надеялась, что стрелка теперь укажет направо или налево, но она указывала прямо.

— Что же делать? — растерялась девочка. — Как перебраться на тот берег?

— Видишь лодочку на середине реки? — спросил Витя.

— Вижу, да что в ней толку? Она слишком далеко.

Вера немного помолчала и вдруг воскликнула:

— Вспомнила! Моя знакомая волшебница говорила, будто река собирает разноцветные камешки. Отдам-ка ей самоцветы!

Вера высыпала самоцветы в реку.

— Какие красивые! — довольно зажурчала Река. — У меня много разных камешков, но таких нет. Большое спасибо, порадовала! Как тебя отблагодарить, девочка?

— Речка, — сказала Вера, — ты можешь переправить нас на другой берег?

— Конечно, могу, — ответила Река. — Это нетрудно.

К ребятам подплыла лодка. Они сели в лодку, и Река перенесла ее на другой берег. Вера и Витя поблагодарили Реку и пошли дальше. Шли они, шли и вдруг увидели огромную пропасть. Стрелка компаса указывала прямо. На краю пропасти стоял старый засохший дуб.

— Вспомнила! — воскликнула Вера. — Волшебница рассказывала про серебряный родник: он лечит не только людей, но и животных, и птиц, и даже деревья. Полей этот дуб, Витя.

Юный витязь полил дерево водой из серебряной чаши, и оно зазеленело.

— Как прекрасна жизнь! — воскликнул Дуб. — До чего приятно вновь почувствовать себя сильным! Чем вас отблагодарить, друзья?

— Нам надо перейти через эту пропасть, — сказала Вера.
— Ты можешь помочь?

— Конечно, — ответил Дуб. — Теперь мне это нетрудно.

И он перекинулся до другого края пропасти. Вера с Витей прошли по Дубу, как по мосту. Когда они оказались на другой стороне пропасти, Дуб выпрямился. Ребята поблагодарили его и пошли дальше. Вскоре они приблизились к высокой-превысокой горе.

— Кажется, почти дошли, — сказал Витя. — С вершины этой горы можно попасть к Солнцу.

— А как мы на нее заберемся? — в недоумении спросила Вера.

— Видишь птицу у подножия горы? — Витя указал на большую птицу, напоминающую журавля. Только перья у нее были зеленые, как горошек. Птица судорожно махала крыльями.

— Почему она так машет крыльями? — удивилась Вера.

— Наверно, бедняжка голодна. Вспомнила! Волшебница говорила, что есть птица, зеленая, как горошек, и питается горошинами.

С этими словами Вера подошла к птице и высыпала перед ней горох. Птица в один миг с большим аппетитом его склевала.

— Никогда не ела ничего вкуснее! — воскликнула Птица.

— Чем тебя отблагодарить, девочка?

— Можешь поднять нас на гору? — спросила Вера.

— Теперь, когда я так славно подкрепилась, это будет нетрудно, — ответила Птица.

Ребята сели на спину Птицы, и она подняла их на вершину горы.

— А к Солнцу можешь отвезти? — спросила Вера.

— Нет, — покачала головой Птица. — Это может сделать только облако.

— Все в порядке, — сказал Витя. — У меня есть знакомое облако, которое принимает форму коня и даже превращается в коня. Теперь это мой конь. Правда, он скачет только по небу, поэтому не смог спуститься в сад и отвезти нас к Солнцу. Но на вершину горы легко спустится.

Не успел юный витязь договорить, как к ребятам подплыло облако, похожее на коня, и превратилось в настоящего белого скакуна. Вера с Витей сели на Коня, и он понес их ввысь. Вот и Солнце. Оно в точности такое, как рисуют на картинках в детских книжках. У него есть рот, нос, глаза. Только глаза были закрыты.

— Солнышко, проснись! — в один голос закричали Вера

и Витя.

Солнце открыло глаза.

— Спасибо, что разбудили, — сказала Солнце, зевая. — Я знаю, надо помочь Южному ветру.

Оно низко опустило свои лучи, и до ребят донесся крик Северного ветра:

— Солнце, отпусти!

— Каждый должен знать свое место, — строго молвило Солнце. — Южному ветру место в саду, а тебе — на Севере, где вьюги и метели.

— Ладно, ладно, улечу, — сказал Северный ветер, — только отпусти меня.

Солнце подняло свои лучи, и Вера почувствовала, как пахнуло холодом.

— Северный ветер улетает. Можете возвращаться, — известило ребят Солнце.

Вера с Витей поблагодарили Солнце, и Конь опустил ребят на вершину горы, где их ждала Птица. Ребята сели на нее, и она принесла их к подножью горы. Вера и Витя отправились в обратный путь. Дошли они до той самой пропасти и не успели слова сказать, как Дуб перекинулся через нее. Ребята перешли по Дубу через пропасть. Когда подошли к Реке, она пригнала лодку к берегу. Вера и Витя переправились на другой берег, пошли дальше. Дошли до серебряного родника, Витя поставил чашу на место, и вот, наконец, путники вернулись в сад. Цветы уже подняли свои головки, а на ребят как ни в чем не бывало ласково дул Южный ветер.

— Спасибо! — сказал Южный ветер.

— Спасибо! — сказали Цветы.

— Мы проделали нелегкий путь, — улыбнулся в ответ Витя, — и убедились: ничто на пути не встречается просто так. Что бы мы делали без самоцветов, серебряного родника и даже без обыкновенного горошка? А ты, Вера, не растерялась, вовремя вспомнила слова мудрой Волшебницы.

— Ты с ней знаком, Витя?

— Конечно. Я даже знаю о ней то, чего ты не знаешь. Тебе кажется, что она старенькая, но это не совсем так. При желании она может стать молодой. Увидишь ее — передай от меня привет.

Вера хотела спросить, как вернуться к Волшебнице, но не успела. Перед ней откуда ни возьмись появилась дверца. Вера со всеми попрощалась, зашла за дверцу и оказалась в темноте. Только пламя свечи, которую держала Верина знакомая Волшебница, освещало комнату.

– Не бойся, Вера, – улыбнулась Волшебница. – Ничего не случилось. Просто наступил вечер. Сейчас ты скажешь, что, наверно, твои родители уже пришли с работы, ищут тебя. Но не надо беспокоиться. В сказочном мире и в земном разный отсчет времени. На земле прошла только секунда, даже бабушка ничего не заметила. Я знаю о твоих приключениях. Ты молодец, прислушалась к моим советам и к советам Вити.

– Кстати, – вспомнила Вера, – витязь Витя передает вам привет. И еще он сказал, что вы по желанию можете стать молодой.

Волшебница передала Вере свечку и, к изумлению Веры, перед ней была уже не старушка, а девочка, точно такая, как она сама. А потом Вера обнаружила, что стоит перед зеркалом, помолодевшая Волшебница оказалась ее отражением и в руке Вера держит не свечку, а... швабру! Неужели все это ей почудилось?.. Нет, за зеркалом действительно пряталось волшебство и оно посетило девочку накануне дня ее рождения. Вера в это верила!

ОРЕХ С ЗОЛОТЫМ ЯДРОМ

Сказка

Черная собака гналась за белой кошкой. Бедная кошка совсем выбилась из сил, спасаясь от преследовательницы, которая никак не хотела оставлять свою жертву. Наконец, собака загнала кошку к темному пруду, поросшему ряской. У кошки уже не было сил бороться, и она упала в пруд. Довольная собака убежала.

Однако жертве повезло. Дело было летом в лесной загородной местности, в дачном поселке. Там отдыхала на каникулах Таня, девочка лет двенадцати. Ее дача стояла около пруда, и именно в тот момент Таня вышла погулять. Она видела конец погони, когда собака загнала кошку в пруд. Таня любила и жалела животных. Она выгатила бедняжку из пруда и принесла к себе в дом. Побывав в пруду, кошка, конечно, утратила свою белизну. Когда Таня ее помыла — причем кошка не сопротивлялась, — то восхитилась ее красотой. Она накормила свою подопечную и уложила спать на коврик. Проснувшись, кошка испугала Таню — заговорила человеческим голосом:

— Спасибо тебе, Таня, за твою доброту.

— Так ты говорящая кошка? — с трудом произнесла девочка.

— Я не кошка, я Лесная фея. А черная собака, которая меня преследовала, — злая Колдунья. Я могу принимать любой облик. Мне сегодня захотелось стать белой кошкой. А Колдунья вдруг превратилась в черную собаку да как налетит на меня! От страха я потеряла волшебную силу. Но ты меня спасла: выгатила из пруда, помыла, накормила, спать уложила. Я отдохнула, и волшебная сила ко мне вернулась. Теперь я могу принять свой настоящий облик.

И на глазах у Тани белая кошка превратилась в красивую девушку с золотыми волосами, в белом платье. Таня не могла прийти в себя от изумления и восхищения.

— Чем тебя отблагодарить? — спросила Фея.

— Мне ничего не надо, — ответила Таня. — Я и так счастлива, что познакомилась с феей.

— Тогда я прощаюсь с тобой. Но как только тебе понадобится моя помощь, сразу появлюсь.

Фея исчезла. Таня снова вышла погулять, и тут не на шутку испугалась. К ней бросилась та самая черная собака, которая преследовала кошку, вернее, Лесную фею. Собака яростно залаяла на Таню, а потом превратилась в

темноволосую женщину в черном платье со злым лицом.

— Гадкая девчонка! — закричала она. — Как ты посмела сорвать мой план? Я так обрадовалась, что, наконец, победила эту глупую, рассеянную Лесную фею, которой почему-то все восхищаются больше, чем мной, а ты вернула ей волшебную силу. Я тебя проучу. Сейчас ты последуешь за мной в мой черный дворец. Отгадаешь три загадки — отпущу, не отгадаешь — пеняй на себя.

Таня хотела убежать, однако ноги сами понесли ее за Колдуньей. Бедная девочка надеялась, что к ней на помощь придет Лесная фея, но вместо Феи подбежала маленькая черненькая собачка и стала обнюхивать платье Колдуньи.

— Пошла вон! — крикнула Колдунья.

— Неужели это вы? — вкрадчиво заговорила Собачка. — Я слышала, вы самая могущественная Колдунья, и так давно мечтала познакомиться с вами! Пожалуйста, возьмите меня к себе в услужение! Вы не думайте, я не простая собака, а волшебная. Смотрите!

Собачка превратилась в черную бабочку и стала летать вокруг Колдуньи.

— Вы не только самая могущественная, но и самая красивая, — лепетала Бабочка. — Вот говорят, Лесная фея красивая. Да ничего особенного в ней нет. Разве можно сравнить ее с вами?

Колдунья расплылась в улыбке.

— Ну, ладно, возьму тебя в прислуги, — сказала она. — Следуй за нами.

Бабочка подлетела к Тане и... превратилась в Лесную фею. Девочка чуть не вскрикнула.

— Тише, — предостерегла Фея. — Я сделала так, чтоб Колдунья меня не слышала и не видела в образе феи. Сейчас все тебе объясню. У волшебников, даже самых могущественных, есть свои слабости. Колдунья поддается на лесть. Вот и теперь так растаяла, что даже не поняла, кто я. Знаешь, какие три загадки она тебе загадает? Это, скорее, испытания. Поскольку я ее помощница, мы будем вместе давать тебе задания. Первое испытание: мы обе превратимся в одинаковые черные жемчужины. Ты должна будешь нас отличить. Когда возьмешь меня в руку, я стану белой. Это увидишь только ты, Колдунья не увидит. Второе испытание: мы обе превратимся в черные розы. Когда ты поднесешь меня к лицу, я стану белой. И, наконец, третье испытание: мы обернемся белками. Что же мне сделать, чтобы ты меня отличила? Пожалуй, буду махать хвостом.

А вот и черный дворец. Фея превратилась в Собачку.

— Не будем терять времени, сразу к делу, — сказала Колдунья, когда они вошли в зал, обставленный черной мебелью. — Загадка первая: мы с помощницей сейчас превратимся в черные жемчужины. Твоя задача — угадать, кто есть кто. Не угадаешь — сама станешь жемчужиной.

Колдунья и Собачка исчезли. На столе лежали две одинаковые черные жемчужины. Таня взяла одну жемчужину в левую руку, другую — в правую. Жемчужина в левой руке осталась черной, а жемчужина в правой руке побелела.

— В левой руке у меня Колдунья, а в правой — помощница, — решительно заявила Таня.

Жемчужины исчезли, и перед Таней вновь стояли Колдунья и Собачка.

— Угадала, — с досадой проговорила Колдунья. — Но не радуйся. Простое везение. Это не значит, что будет везти и дальше. Загадка вторая: теперь мы превратимся в черные розы. Не угадаешь — сама станешь розой.

Колдунья с Собачкой исчезли, а на столе появилась ваза с двумя одинаковыми черными розами. Понюхала Таня розу слева, она осталась черной, понюхала розу справа — она стала белой.

— Слева — Колдунья, справа — помощница, — смело объявила Таня.

И вот перед ней вновь Колдунья с Собачкой.

— Опять угадала! — недовольно пробурчала Колдунья. — Ну, еще не вечер, все зависит от третьего испытания. Сейчас мы станем белками. Не угадаешь — быть тебе белкой.

Появились две белки, но... они обе махали хвостами. Девочка растерялась. Что же делать? Колдунья всегда была слева, Фея — справа, — рассудила она.

— Слева — Колдунья, справа — помощница, — проговорила Таня, на этот раз неуверенно.

Перед ней опять Колдунья с Собачкой, да только Колдунья справа, а слева — Собачка.

— Ха-ха! — торжествующе захохотала Колдунья. — Постоянного везения не бывает. Ты проиграла, Татьяна. Теперь станешь белкой. Убирайся из моего дворца, живи в лесу!

Не успела она договорить, как и дворец, и Колдунья, и Собачка исчезли. Таня, то есть Белочка, оказалась в лесу. Невозможно себе представить страдания белки, которая только что была человеком. Мимо проходили люди, кто-то даже кормил ее с руки. Но это расстраивало Белочку еще больше, потому что люди разговаривали на непонятном ей

языке. «Хоть бы появилась какая-нибудь белка», — подумала она, и ее желание тут же исполнилось: по деревьям скакала белочка. Вот она прыгнула на березу, на ветке которой сидела Таня.

— Давай знакомиться, — сказала Таня на беличьем языке.

— А мы уже знакомы, — ответила Белочка. — Это я, Лесная фея. Я знаю все языки, в том числе и беличий. Прости меня, Таня. Я тебя подвела. Я ведь говорила: у всех волшебников есть слабости. Моя главная слабость в том, что я рассеянная. Сначала по рассеянности не сразу заметила, как Колдунья превратилась в собаку, и из-за этого лишилась волшебной силы. А сейчас не подумала, что Колдунья в образе белки тоже может махать хвостом. Она очень разозлилась, когда ты разгадала две загадки, и от раздражения замахала хвостом. Однако белка — не худшее. Хорошо, что ты стала белкой, а не жемчужиной и не розой. Жемчужина неживая, а роза хотя и живая, но не может двигаться, тем более скакать по деревьям.

— Дорогая Фея, ты не могла бы меня расколдовать? — попросила Таня.

— Нет, заклятие слишком сильное, — грустно сказала Фея.

— Но не отчаивайся. Спасение есть. На свете существует орех с золотым ядром. Если его разгрызешь, то чары спадут и ты вновь станешь девочкой Таней. А Колдунья утратит волшебную силу.

— Где же этот орех? — с нетерпением спросила белочка Таня.

— К сожалению, найти его очень трудно. Он покрыт точно такой же скорлупой, как все лесные орехи, поэтому на вид его не отличить. Придется грызть орех за орехом, пока не найдешь. Я тебе помогу, тоже буду искать. Но я не могу долго с тобой оставаться. Меня ждет хозяйка. Я сказала, что поищу цветок, чтобы украсить ее платье. Как ты думаешь, какой цветок подойдет гордой Колдунье, падкой на лесть?

Белочка Таня посмотрела вниз. Под березой росли лютики.

— Может быть, лютик? — предположила Таня.

— Пожалуй. Ладно, начинаем грызть орехи, искать золотое ядро. А Колдунье скажу, что долго подбирала цветок, достойный ее.

Белки прыгали по кустарнику, грызли орехи, но все они были простые, с обычными ядрами. Лесная фея спохватилась, что Колдунья рассердится за ее долгое отсутствие, сорвала лютик и поспешила в черный дворец. Белочка Таня тем временем продолжала тщетно искать орех

с золотым ядром. Вскоре прибежала другая белка. На этот раз Таня узнала Лесную фею.

— Немудрено, что ты не можешь найти орех с золотым ядром, — горячо заговорила Фея. — Его в лесу нет. Он в кармане у Колдуньи! Когда я прикрепляла лютик к ее платью, то увидела у нее в кармане орех. Я сразу поняла, что это он! Зачем ей носить в кармане простой орех, верно? Я кое-что придумала. Сказала Колдунье, будто она прекрасно танцует и я хочу стать певчей птицей, чтобы она танцевала под мое пение. Отпросилась полетать по лесу и выбрать, кем мне стать. Какой бы птицей мне обернуться?..

Не успела Фея договорить, как прилетел черный дрозд и запел.

— Может быть, дроздом? — предложила белочка Таня.

— Точно, дроздом, — согласилась Фея. — Во-первых, он красиво поет, во-вторых, черный, Колдунья любит этот цвет. Побегали к Колдунье. Ты сядешь на дерево около дворца и станешь ждать. Сейчас лето, жара, окна открыты. Я буду петь, Колдунья — танцевать. Когда орех выпадет из кармана, не теряйся: прыгни во дворец через окно и разгрызи орех.

Фея превратилась в дрозда, и они с Белочкой понеслись к черному дворцу. Птица влетела в окно, а Белочка села на ель и заглянула в зал. Лютик на черном платье Колдуньи выглядел нелепо.

— Не могу налюбоваться вашим платьем, — сказала Фея.

— А как я вам в облике дрозда?

— Ничего, — ответила Колдунья. — Приятный цвет оперения. Послушаем твой голос.

И Фея запела, так же красиво, как тот дрозд, даже еще красивее.

— Как вам мое пение? — спросила Птица.

— Недурно, — ответила Колдунья. — Правда, некоторые ноты, пожалуй, неверные.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы станцевали под мое пение!

Колдунья неуклюже закружилась.

— Восхитительно! — сказала Птица. — Но если добавить темпа, будет просто потрясающе.

— Я танцую медленно, потому что ты неправильно поешь, — заявила Колдунья.

Птица принялась выводить быстрые трели. Колдунья закружилась скорее.

— Какая прелесть! Не видела ничего подобного! — вставляла между трелями Фея.

От похвал Колдунья завертелась, как самая быстрая

карусель, и у нее из кармана выпал-таки орех. Белочка Таня мгновенно прыгнула в открытое окно, подобрала орех, разгрызла его и увидела, что ядро золотого цвета. Белочка съела его, и что же? Ей показалось, будто вся мебель во дворце уменьшилась. Это произошло потому, что она стала человеком, а люди ведь больше белок. Для верности Таня посмотрелась в зеркало, висящее на стене.

– Противная девчонка! – закричала Колдунья. – Ты украла у меня орех с золотым ядром и отняла волшебную силу! Помощница, сделай что-нибудь! Прочти негодницу!

– Не могу, – возразила Птица. – Таня меня спасла, а я не отвечаю злом на добро.

С этими словами Дрозд превратился в Лесную фею.

– Так это ты? – поразилась Колдунья. – Глупая, рассеянная Лесная фея? Как я могла не распознать? Я ведь была такой могущественной!

– Не спорю, ты была могущественной, – сказала Фея. – Но даже у самых могущественных волшебников есть слабости. Твоя слабость в том, что ты слишком любишь лезть. Прощай!

Не успела Фея договорить, как черный дворец исчез вместе с Колдуньей. Таня и Фея стояли у того самого пруда, куда упала белая кошка. Только пруд теперь был чистым и прозрачным.

– Каким красивым стал пруд! – восхитилась Таня. – Ты его таким сделала?

– Да, – улыбнулась Фея. – Это мое последнее волшебство на сегодняшний день. Мне пора прощаться с тобой, Таня. Но знай, что в трудную минуту я к тебе обязательно приду.

Фея исчезла. Правда ли все это было или Тане почудилось? Девочка бросила взгляд на пруд. Он оставался чистым и прозрачным. Значит, правда?..

ПЕТЯ В ГОРОДЕ ЛЕНТЯЕВ

Сказка-притча

Петя был добрым, но ленивым мальчиком. Он очень любил сказки, готов был целыми днями читать про благородных героев и мечтать... Петя мечтал совершить какой-нибудь подвиг, спасти кого-нибудь, например, вытащить дрессировщика из пасти льва или хотя бы стрекозу из варенья. Он вовсе не хотел прославиться. Просто он был добрым. Но так как Петя был еще и ленивым, то больше всего на свете он не любил ходить в школу и делать домашние задания.

И вот в один ничем не примечательный день Петя сидел дома и делал уроки, вернее, пытался, но никак не мог сосредоточиться, потому что на столе рядом с учебниками лежал новенький сборник сказок. Петя отложил учебник и взял книгу сказок. Открыв первую страницу, он забыл об уроках и погрузился в волшебный мир. «Вот бы оказаться в сказке!» — подумал мальчик.

И только он так подумал, как на страницу книжки села голубая бабочка. Петя никогда не видел такой красивой бабочки. Вот она взлетела и начала кружиться в воздухе, и вдруг... бедняжка угодила в паутину. Петя вскочил со стула и принялся распутывать паутину. Непростое это было дело, но, в конце концов, ему удалось освободить бабочку. Она взлетела, и тут на глазах у Пети произошло чудо: прямо в воздухе бабочка превратилась в красивую девочку с золотыми волосами и в голубом платье. Петя зажмурил глаза и протер их, а когда открыл, девочка стояла рядом с ним.

— Большое тебе спасибо, Петя! — сказала она. — Ты спас мне жизнь. Открою тайну: я маленькая фея из Волшебной страны. Правда, я начинающая фея, но уже кое-чему научилась. И вот решила принять образ бабочки, слетать в земной мир и посмотреть, как там живут дети. Если бы не ты, я бы погибла. От страха все волшебные заклинания вылетели у меня из головы. Однако феи не могут оставаться перед кем-то в долгу. Я обязана тебя отблагодарить. Загадывай любое желание.

— У меня только одно желание, — без раздумий ответил Петя, — не ходить в школу.

— Нет, я не могу выполнить такое желание! — испуганно воскликнула фея. — Загадай что-нибудь другое.

— Другого нет, — заявил Петя. — Что это за фея, которая не может выполнять желания?

— Я ведь учусь на добрую фею. А если выполню такое

желание, то сделаю зло. Очень жаль, что не смогла тебя отблагодарить, — вздохнула фея, превратилась в бабочку и улетела.

Петя загрустил. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он снова открыл книгу сказок. И вдруг на книгу опять села бабочка, только черная. Потом она взлетела, стала кружиться и залетела в угол, где лежала горка Петиных учебников. Петя отодвинул учебники. Бабочка вспорхнула, превратилась в девочку с черными волосами и в черном платье, немного покружилась в воздухе и опустилась рядом с Петей.

На этот раз он почти не удивился.

— Спасибо, Петя, — сказала девочка. — Ты меня спас, и я должна тебя отблагодарить. Я маленькая колдунья из Волшебной страны и могу выполнить любое желание. Загадывай!

Петя недоверчиво покосился на маленькую колдунью.

— У меня только одно желание: не ходить в школу.

— Отличное желание! — воскликнула колдунья. — Мы с тобой прямо сейчас отправимся в город Лентяев, где живут мальчики и девочки, которые тоже не хотят ходить в школу.

— А как туда отправиться?

— Очень просто. Закрой глаза, скажи: «Здравствуй, город Лентяев!» Потом открой.

Петя сделал так, как велела колдунья, и, открыв глаза, обнаружил, что находится не в своей квартире, а на улице у незнакомого дома. Около дома в круг стояли дети и играли в мяч. Мяч был непонятного цвета. Наверно, в него столько играли, что он совсем загрязнился. Одежда на играющих была тоже непонятного цвета. Похоже, ее никогда не стирали.

— Дорогие ребята! — торжественно сказала колдунья.

Те неохотно оторвались от игры и оглянулись.

— Я привела к вам новичка, — объявила колдунья. — Он тоже не хочет ходить в школу. Ну, вот, — обратилась она к Пете, — твои новые друзья. А мне пора возвращаться домой.

Колдунья исчезла.

— Давайте знакомиться. Меня зовут... — начал Петя.

— Послушай, новичок, — перебил его самый высокий мальчик с оттопыренными ушами, — нас это не интересует. Зачем еще тратить силы на запоминание имен? Продолжим играть.

«Тогда будешь Баскетболист», — вздохнул Петя.

Дети принялись кидать друг другу мяч. Сначала Петя обиделся, но потом ему стало так весело, что он забыл обиду.

Через некоторое время один толстый мальчик сказал:

— Что-то я проголодался. Пойдемте домой, поедим.

«Толстяк», — назвал его про себя Петя.

Дети гуськом потянулись в дом. Петя последовал за ними и оказался в комнате, где стояли только большой стол и стулья. Все сели за стол, Петя тоже занял свободный стул.

— А что мы будем есть? — спросил Петя.

— Каждый раз, как являются новички, приходится объяснять, — проворчал Баскетболист. — До чего надоело! Понимаешь, это Волшебная страна. Стукни кулаком по столу, будет тебе еда.

Ребята стукнули кулаками по столу. Петя тоже стукнул. На столе тут же появились тарелки с аппетитной едой. Особенно много было сладостей: всевозможных конфет, тортов, пирожных.

— А чем есть? — спросил Петя. — Ведь нет ни ложек, ни вилок, ни ножей.

— Руками, чем же еще! — засмеялся Толстяк.

Все начали хватать грязными руками кушанья и жадно запихивать в рот. Пете тоже пришлось есть руками. Сначала это показалось ему непривычным, но вскоре он приспособился и даже подумал, что так даже удобнее. Когда все насытились, тарелки исчезли.

— Теперь, наверно, надо помыть руки? — снова задал вопрос Петя.

Вокруг раздался смех.

— Это еще зачем? — вдоволь насмеявшись, сказал Толстяк.

— Все равно испачкаемся.

Дети вышли на улицу, встали в круг, Баскетболист взял мяч.

— Опять в мяч? — недовольно протянул Петя. — Давайте во что-нибудь другое. Или можно поставить сказку. Будем изображать смелых героев, спасти друг друга.

— А ты знаешь сказки? — спросила девочка с растрепанными волосами.

— Я знаю много сказок, — начал было Петя и вдруг, к своему изумлению, обнаружил, что не может вспомнить ни одной.

— Понимаете, со мной что-то случилось, — растерянно проговорил он. — Я забыл все сказки. У вас есть книжки со сказками?

— Книжки?! — возмутилась рыжая девочка. — Да ты что?

— У меня прямо мороз по коже, как вспомню, что мы когда-то читали, — дрогнувшим голосом сказала Растрепка.

— Не хватало, чтобы всякие новички наводили здесь свои порядки! — прогремел Баскетболист. — Будем играть в мяч,

и всё.

Петя нехотя встал в круг вместе со всеми. Ему было скучно, кроме того, не давала покоя тревожная мысль: «Почему я забыл сказки?» Он погрузился в раздумья, пытаясь вспомнить какую-нибудь сказку, и вдруг услышал, как ребята что-то кричат, глядя на него.

— Слеп, что ли? — злобно спросил Баскетболист. — Я кинул тебе мяч, а ты... Он укатился.

— Сейчас найду, — сказал Петя.

Он вскоре обнаружил мяч в кустах, как вдруг услышал крик о помощи. Петя бросился на крик и оказался на берегу моря. Там лежали сложенная одежда и тетрадка. Из воды показалась светловолосая мальчишеская голова и снова погрузилась в волны.

Не раздумывая, Петя бросился в воду, подплыл к тонущему и вытащил его на берег. Мальчик быстро пришел в себя.

— Большое тебе спасибо, Петя, — сказал он.

— Ты меня знаешь?..

— Я ведь живу в Волшебной стране. Ты спас мне жизнь: бросился в воду прямо в одежде.

— Пока я раздевался бы, ты мог утонуть. Да одежда высохнет.

— Долго ждать. Я могу ее высушить за одну секунду.

Мальчик взмахнул рукой, и Петина одежда сразу стала сухой.

— Ты волшебник? — восхищенно спросил Петя.

— Вообще-то меня называют маленький сказочник. Я сочиняю сказки. Лучше всего мне сочиняется на берегу моря, поэтому я часто прихожу сюда. Вот и сейчас пишу сказку.

Сказочник взял тетрадь, которую заметил Петя, и принялся листать ее.

— Видишь, сколько исписал? — с гордостью сказал он.

— Я очень люблю сказки, — нерешительно начал Петя, — но почему-то все позабыл.

— Еще бы. Поживешь в городе Лентяев, позабудешь всё на свете.

— Вообще мне нравится в городе Лентяев, — задумчиво проговорил Петя. — Не надо ходить в школу, учиться. А с другой стороны, там скучновато. Играют только в мяч. Я хотел уговорить ребят поставить сказку, но они не знают ни одной, да и сам я все забыл. Хотелось бы почитать какую-

нибудь сказку. Ты не мог бы дать мне свою?

— Конечно, — ответил Сказочник и протянул тетрадь Пете. — Правда, она не закончена.

Петя открыл тетрадь, но, как ни старался, не разобрал ни слова.

— Кажется, я не понимаю твой почерк, — неуверенно сказал он.

— Как это не понимаешь? — обиделся Сказочник. — Все говорят, что у меня каллиграфический почерк. Ну, ладно, помогу тебе.

Сказочник взмахнул рукой, тетрадка превратилась в книжку, но Петя все равно не смог прочитать ни слова.

— Опять не понимаю! — испугался он. — Неужели разучился читать?!

— Именно. Поживешь в городе Лентяев, ничего не будешь уметь. Тебе надо немедленно вернуться домой. Дома все вспомнишь. Потом сделаешь уроки. И как только закончишь, я прилечу к тебе в виде желтого мотылька, стану таким, как сейчас, и дам свою сказку.

— Делать уроки? — усмехнулся Петя. — Ну уж нет! Лучше останусь в городе Лентяев.

— В таком случае никогда не узнаешь, о чем моя сказка.

— Ну и не надо, — фыркнул Петя.

— Ой! — вдруг вскрикнул Сказочник и повалился на песок.

— Что с тобой? — в тревоге спросил Петя.

— Кажется, я заболел, — едва слышно пролепетал мальчик. — Перекупался, воды наглотался. Даже встать не могу. Тебе опять придется меня выручать. Видишь дом с вывеской «Аптека»? Там продается волшебное лекарство от всех болезней. Сходи, пожалуйста, купи.

Сказочник протянул Пете кошелек, где лежали деньги, каких Петя никогда не видел. Но его поразил не столько вид денег, сколько то, что он не мог понять напечатанные на них цифры.

— Кажется, я забыл все цифры и разучился считать, — испуганно пробормотал Петя.

— Станешь жить в городе Лентяев, ничего не будешь уметь. Ты должен вернуться домой. Сделаешь уроки, потом окажешься в аптеке...

— Нет и нет! — закричал Петя. — Не буду делать уроки! Не хочу!

— Тогда я не поправлюсь, — едва слышно проговорил Сказочник.

— Пусть тебе поможет кто-нибудь другой, — пробормотал Петя.

Сказочник тяжело вздохнул и закрыл глаза. И вдруг появилась маленькая фея.

— Как ты вовремя! — обрадовался Петя. — Сказочнику плохо.

— Знаю, — печально сказала фея. — Я принесла лекарство.

Тогда Петя увидел в ее руке таблетку. Сказочник проглотил таблетку и тут же встал.

— Спасибо тебе, фея, — поблагодарил он. — Я совсем здоров.

— А я рад, что все хорошо закончилось, — облегченно вздохнув, сказал Петя.

— Но могло бы закончиться и плохо, — возразила фея. — Если бы меня не было поблизости, что стало бы со Сказочником? Ах, Петя! Ведь ты был таким добрым, всех жалел, всех спасал, но лень убила в тебе твое лучшее качество — доброту. Мне очень жаль.

— Мне тоже, — вздохнул Сказочник.

— А мне некогда выяснять с вами отношения, — превозмогая стыд, сказал Петя. — Меня ждут в городе Лентяев. Кста-ти, где мяч?

Фея взмахнула руками, и у нее в руках появился мяч, правда, другой. Тот, в который играл Петя, был непонятного серо-буро-малинового цвета, а этот — красивый, голубой.

— Ты сделал свой выбор, Петя, — проговорила фея. — Но не хочешь ли узнать, что ожидает тебя в будущем?

— Конечно, хочу! — воскликнул Петя. — Кто же не хочет!

— Поиграй с нами в мяч, и все узнаешь, — предложила фея.

Петя начал играть в мяч со Сказочником и феей, а когда отвлекся от игры, то обнаружил, что они исчезли и на их месте появились какие-то взрослые люди: мужчины и женщины, кидающие мяч друг другу, словно дети. Этот мяч был прозрачный и блестящий, и Петя увидел в нем свое отражение. Он был уже не мальчиком, а взрослым человеком. И вдруг, как из-под земли, возникла черноволосая женщина. Ее лицо показалось Пете знакомым.

— Не узнаёшь меня, Петя? — спросила женщина. — Это же я, твоя подруга, колдунья. Просто я выросла, так же, как и ты. А теперь, дорогуши, — обратилась она к остальным играющим, — вам пора покинуть город Лентяев. Это город

для детей. Убирайтесь! На ваше место придут другие ребята. Желающих у нас хватает. А вы... поскольку ничего не умеете делать, будете дикарями. У дикарей нет домов, значит, станете жить в лесу.

Колдунья взмахнула рукой, и все оказались в диком лесу. Не будем подробно описывать жизнь несчастных лентяев-дикарей. Скажем только, что их постоянно мучили голод и холод. Наконец, их стали преследовать хищные звери. Бедный Петя в страхе бежал от них, но нигде не мог найти укрытия. И вдруг он вспомнил своих друзей: маленькую фею и маленького сказочника. И тогда Петя в отчаянии закричал:

— Не хочу так жить!

В тот же миг исчез лес, исчезли хищные звери, а рядом с Петей стояли его друзья: маленький сказочник и маленькая фея. Петя сжимал дрожащими руками голубой прозрачный мяч, а его сердце испуганно билось. Он недоуменно взглянул на мяч и увидел в нем свое отражение. Он снова был прежним мальчиком.

— Я не хочу оставаться в городе Лентяев, — поспешно сказал Петя. — Хочу вернуться домой. Буду ходить в школу, буду делать уроки, только помогите мне выбраться отсюда!

— Конечно, мы тебе с радостью поможем, — сказала фея. — Закрой глаза, скажи: «Прощай, город Лентяев!» — и снова открой.

Петя так и сделал. Открыв глаза, он оказался дома, за своим письменным столом, и в руках у него был не мяч, а сборник сказок.

Пете очень захотелось почитать сказку, но, вспомнив свое обещание, он отложил книжку и принялся за уроки. Быстро справившись с заданием, Петя уже хотел было взять сборник сказок, но вдруг его кольнула мысль: «Мне-то хорошо, я спасся. Но как же другие ребята? Ведь они не знают, что их ждет. Вот бы снова увидеть фею и Сказочника!»

Не успел он это подумать, как в окно влетела голубая бабочка, покружилась в воздухе и превратилась в маленькую фею.

— А ведь я до сих пор у тебя в долгу, — сказала она. — Загадывай желание!

— У меня есть желание, — твердо сказал Петя. — Я хочу, чтобы ты спасла всех лентяев так же, как спасла меня.

— Такое желание я с радостью выполняю! — воскликнула фея, взмахнув рукой.

И тут Петя заметил, что по комнате летает желтый мотылек. Покружившись в воздухе, он превратился в маленького сказочника.

— Помнишь, я обещал прилететь в виде желтого мотылька? — спросил он. — Вот и прилетел. Я ведь тоже у тебя в долгу. Ты же меня спас.

— Да ладно, — махнул рукой Петя. — Мне стыдно: я отказался помочь, когда ты заболел.

— Я не обижаюсь, — успокоил его Сказочник. — Ты был тогда в плену у своей лени, теперь опять стал добрым мальчиком. А я закончил сказку. Могу дать почитать.

Он протянул Пете книжку. Это была сказка про доброго, но ленивого мальчика Петю, которую вы сейчас прочитали.

РАДУЙСЯ, РАДА!

Сказка

Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. А наоборот? Фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный. Вот так без запинки могла назвать все цвета радуги одна девочка по имени Раиса. Правда, никто ее так не называл, а все звали Рада. Будем и мы звать Радой. Конечно, каждый ребенок знает цвета радуги, но вряд ли кто-то может перечислить их в обратном порядке, ни разу не сбившись. А Рада могла. Дело в том, что она очень любила радугу. Ее цвета казались Раде волшебными. Она представляла, что где-то там далеко в вышине есть Радужный город.

Рада всегда радовалась, когда в небе появлялась радуга. А остальное время девочка грустила. Земной мир казался ей серым, неинтересным. И, к своему стыду, Рада не любила учиться. Все предметы давались ей с трудом, потому что она была очень рассеянная. Когда делала уроки, постоянно отвлекалась на всякие мысли, и на радостные и на грустные. То мечтала о Радужном городе, то вспоминала, что этого города не существует, а существует только неинтересный земной мир.

И вот однажды, когда Рада в очередной раз учила таблицу умножения, которую все время забывала, свершилось чудо. Рада повторяет: «Семью семь. Сколько будет семью семь?.. Ну, как я могла забыть? Ведь семь — мое любимое число. Семь цветов радуги, подскажите мне!» И тут, как по заказу, в небе появилась радуга.

— Семью семь — сорок девять! — воскликнула Рада. — Спасибо, дорогая радуга! Это ты мне помогла. Я ведь могу назвать твои цвета и в обратном порядке: фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный.

И тогда свершилось настоящее чудо: облака, плывущие около радуги, сложились в фигуру витязя на коне. Да, да, вот голова, руки, ноги, шлем, доспехи. А потом Рада уж не на шутку удивилась. Она сама оказалась в небе возле радуги — на том же белом коне, на котором сидел мальчик в серебряных доспехах. У мальчика было сказочное, неземное выражение лица. У ее одноклассников лица были совсем не такие. Некоторое время они ехали молча мимо облаков. Наконец, мальчик заговорил

— Здравствуй, Рада! Разреши представиться. Я витязь Витя из Радужного города.

— Так Радужный город действительно существует? — не переставала удивляться Рада.

— Конечно.

— А я считала, что сама его придумала.

— Все, придуманное нами, существует, — серьезно сказал Витя. — Только очень далеко и очень высоко. Поздравляю тебя, Рада! Ты сдала главный экзамен.

— Какой экзамен? — удивилась девочка.

— Экзамен по уроку радуги.

— А что это за урок радуги?

— Чтобы его сдать, — объяснил Витя, — надо без запинки перечислить цвета радуги не только в обычном порядке, но и в обратном. Такое мало кто может. Наверно, ты попадешь в Радужный город. Думаю, Радуга тебя примет. Она довольно строгая, принимает не всех. Сейчас мы подъедем к Радужному городу. Ворота будут закрыты. Но если Радуга захочет тебя принять, то они откроются.

Конь остановился у золотых решетчатых ворот, а за воротами — сказочная красота: чудесный сад. Над невиданными цветами летают бабочки: и красные, и желтые, и голубые, — звонко поют птички с радужным оперением, а в саду весело играют дети. Однако ворота заперты.

— Сейчас наверняка откроются, — тихо сказал юный витязь.

И вдруг послышался мелодичный голос:

— Спасибо, Витя, что привез дорогую гостью, но, к сожалению, я пока не могу принять ее в мой город.

— Так и знала! — вздохнула Рада. — Мне всегда не везет.

— Дело в том, — вновь зазвучал голос, — что Рада неважно знает свои земные уроки, не любит учиться.

— Да, правда, — опять вздохнула Рада. — Вези меня домой, Витя!

— Не спеши, Рада, — сказал мальчик, — я помогу тебе. Я витязь, мой долг — защищать людей и помогать им. Сейчас я отвезу тебя в воздушный терем, в учебную комнату. Сделай все уроки. Сделаешь, позови меня. Ответишь мне уроки, и мы опять поедем в Радужный город.

Конь вновь повез ребят мимо облаков. И вдруг облака сложились в высокий терем. Не успела Рада и слова произнести, как Витя с конем исчезли и она оказалась в прекрасной уютной комнате, обставленной по-старинному. В центре стояла парта, вроде школьной, только расписная, узорчатая, а на парте лежали учебники и тетрадки Рады. Девочка не мешкая села за уроки, в первый раз в жизни сделала их сосредоточенно и позвала Витю.

Юный витязь тут же появился перед ней.

— Молодец, Рада! — похвалил Витя, когда девочка отчеканила ему выученное. — Не сомневаюсь, что ворота теперь широко распахнутся.

— Как сказать, — недоверчиво проговорила Рада. — Но даже если я попаду в Радужный город, потом-то мне опять возвращаться в земной мир.

— Нельзя в таком настроении ехать к Радуге, — покачал головой Витя. — Думай о хорошем. Радуйся, Рада, радуйся!

Рада слегка улыбнулась. Ребята вышли из терема, и конь подвез их к золотым воротам.

— Радуга, мы здесь! — громко сказал Витя.

— Что ж, Рада ответила на «отлично», — послышался мелодичный голос. — Вот бы она так же отвечала в школе! Но, к сожалению, я пока не смогу принять ее в мой город.

— Ну вот, — вздохнула Рада, — так я и думала.

— Не огорчайся, — подбодрил ее Витя. — Сейчас разберемся. Дорогая Радуга, почему же ты не можешь принять Раду?

— Рада прекрасно ответила, но не все уроки, один остался, — прозвучал голос Радуги. — Она не сдала главный урок — урок радости. В моем городе нет места унынию. Я пускаю сюда только радостных детей. Подумай, Рада, какое у тебя имя. Во-первых, оно напоминает обо мне: Рада, Радуга. Во-вторых, родственно слову «радость». А ты все время грустишь.

— Да, — согласилась Рада. — Мне всегда грустно. Я живу в таком сером, скучном, неинтересном мире. Вот если бы я жила в сказочном мире, например, в Радужном городе...

— Ты не права, Рада, — вновь заговорила Радуга. — Ты сама представляешь серым мир, в котором живешь, вот он и предстает перед тобой в серых тонах. На самом деле на земле очень много красок: солнышко светит на голубом небе, вокруг тебя зеленеют деревья, травы, пестреют цветы.

— Но часто идут дожди, — возразила Рада.

— Так что же? Дождь необходим природе. Ты ведь умываешься, Рада. Природе тоже надо умываться. Кроме того, после дождя появляюсь я.

— Да, верно, — подхватила Рада. — Я очень радуюсь, когда ты появляешься, представляю Радужный город. Потом вспоминаю: сама же его и придумала.

— Но это не значит, что он не существует, — возразила Радуга.

— Существует, — грустно сказала Рада. — Только я туда попасть не могу.

— Все зависит от тебя. Если выполнишь главный урок, урок радости, то попадешь, — завершила Радуга.

— А как его выполнить?

— Очень просто. Надо всегда радоваться, Рада, радоваться, даже если порой бывает невесело, трудно.

— Да, мне бывает трудно, когда я делаю уроки.

— Но теперь ты научилась их делать, — напомнила Радуга.

— Пожалуй, научилась, — кивнула Рада.

Ее лицо озарилось радостной улыбкой.

— Молодец, ты делаешь успехи, — одобрила Радуга. — Только надо быть радостной всегда. Если же тебе станет грустно, вспомни: у тебя есть свой мир фантазии, есть Радужный город, куда ты попадешь, если будешь радоваться. Витя, мой юный витязь, ты ведь говорил, что твоя главная задача — помогать людям. Ты уже помогал Раде, помоги еще раз. Вспомни, какие слова ты ей говорил перед тем, как вы покинули терем, и скажи снова.

— Что же я говорю?.. — задумался витязь. — Вспомнил! Радуйся, Рада, радуйся!

— А я радуюсь! — воскликнула Рада. — Я рада, что научилась хорошо делать уроки и отвечать, рада, что Радужный город правда существует. Там очень красивая природа, но и на земле она тоже красивая. После дождя появляется Радуга, а вместе с ней и Радужный город.

Рада засияла сказочной улыбкой.

Золотые ворота открылись, и вновь послышался голос Радуги:

— Добро пожаловать в мой город, Рада! Ты справилась с уроком радости. Отныне золотые ворота открыты для тебя всегда. Как только захочешь, твой друг Витя приедет за тобой на белом коне и отвезет тебя в мой город. При одном условии: если ты всегда будешь такой же радостной, как сейчас.

Конь привез Витю и Раду в сказочный город. Рада познакомилась и подружилась с детьми, и не только с ними. В Радужном городе все умели говорить: и птицы, и бабочки, и даже цветы.

Дорогие ребята, с какими бы трудностями вам ни пришлось сталкиваться в жизни, не унывайте, не грустите, будьте всегда радостными! И тогда в один прекрасный день на небе появится Радуга, из облаков возникнет юный витязь на белом коне и отвезет вас в волшебный Радужный город.

Антонина ТИМЧЕНКО

«Чай закипає, країно, доброе утро!»

Ковельські яблучка,
ковельська ковила.
Скоринка тріскається,
біжить сік.
Дорога дорогого,
навіщо мене вела, —
щоб залишила те, що люблю, —
чи не навік?

Ось воно — дерево,
ось, яко щем, багряне,
ось воно, серце,
і ось він, розхитаний тин.
Ось вони, люди —
старі та малі хуторяни,
ось вони, рани Христові,
і ось, недовірлива, ти.

Їдеш, і ковельська бабця
каже тобі про ябка
напівпопольську.
Коні, пасіки,
поли одежі
напівпопольську
і поле.

Яблуко-ябко,
ти прорости в мені
соком своїм помежовим,
почужинним,
покордонним, поневдомним,
щоби знала,
як воно там,
де не Україна,
де старе не плаче,

а мале не пиячить.
І щоб таки повернулася
і була тут,
бачила злигодні
і дороги невігідні
і жили рвала,
і жила тільки тут,
і умирала.

* * *

А про тебе написати не можу —
холод якийсь у пальцях.
Хоч на Морозенка не схожий,
ти із небувалих бувальців.

Стежу за чужими життями,
різних набираю історій.
Все я відчуваю, все тямлю,
всі мені кімнати просторі,
все воно у нормі й нічого,
вже й не переймаюся дуже.
В серці обживається, капцями човгає
байдужість.

* * *

Скотилася торба
до діда із горбом,
а в тій торбі
не хліб-паляниця,
а доля-п'яниця,
і горя горнятко,
і жменя нестатку,
самотності слоїк
і смерть із косою.

А торба продовжує далі котитись.
Мовчу і дивуюся, як його жити.

ІЗ ЦИКЛУ «МОРЕ»

1

Як же мореві буде без мене,
сукні кольору п'яного,
шкіри солоної (куди йому солі іще?),
пісні безглуздої, вечора тихого при мені?

Як же я без дитини буду —
руденької, півторарічної,
що сміється-танцює невміло
при самій воді,
чужої?

Шлях далекий,
південна вода омивається берегом,
берегом обтирається,
тре свої губи прориблені,
груди показує здіблені,
землю хитає.
Є чи немає мене?
Немає.

2

Хай би море драглистим було, як желе, —
дні мої тоді б не тонули у нім навічно,
а на поверхні спливались на тихе віче —
хоч би чисельне віче було, хоч мале.
Надто рідка вода —
доля іде на дно,
товща води не дає розпізнати правди.
І віддаляюсь, дрібний непримітний равлик,
ніби мені і дійсно усе одно.

6

Точно: під каву йдуть та ідуть рядки;
знаю: вживали наркотики, щоб записати потік свідомості.
Завтра зранку сусід-поляк зробить собі канапки,
сяде й читатиме, певно, якісь «Варшавські відомості».

От і цвіркун причалапкав: цвір-цвір, цвір-цвір;
цікаво, цвіркун стрибнув би мені на долоню?..
Раптом цвіркун підходить, циліндр піднімає свій
і каже: «Ви перегрілися.
Час-таки спати, Тоню».

Люди в метро
із цебрами з помідорами,
з дітками хворими
їдуть, ідуть,
гомонять, мовчать.
А час, як поїзд,
швидкості набере —
і скине,
набере —
і скине,
потім зупиниться,
хтось вийде-зайде,
і далі, далі...
Думка прокотиться, як горошинка:
коли ж то моя зупинка?

Уривки слів про тіні у степу,
про сутінки, що наставати сміють,
про саламандру, наче Соломію,
гнучку. Про силу споришевих пут.

Застуджений цвіркун. Камінний сон.
Кармічний шлях. Кармінний подих тиші.
Оторопіння на землі і вище.
Швидкої смерті степове ласо.

Із пагорба вдивляється бабак
у виярок, туманом перекреслений,
і думає, чи справдиться мольба,
чи буде так, що всі колись воскреснуть.

Грізно і певно, зсунувши брови, як вождь
соціалізму, скаже товариш мудрий,
що все не так і що «все мы здесь не для того»...
Чай закипає, країно, *доброе утро!*
Кидаю в чашку заварку і рафінад
і наливаю окріп із якоюсь злістю —
начебто мщуся зараз, що кожен з нас
щиро хотів добра і тепер втомився.

Бо на усяке діло є свій кордон,
бо на усяке тіло — усякі сили.
Господи Боже, дай зупинитись до
того, як чорним зробиться біле.

Незадоволення росте,
росте незгода драгівлива,
слова сіріють, наче лівер,
на скибах зачерствілих тем.

Еквілібристико сварок,
давай примножувати відчай,
встановлюємо вічний звичай —
ночей важкий безсонний рок.

І з галасу моїх образ
і з чорноти твоєї рани
постане раптом тихий ранок,
який помолиться за нас.

Ти, як і учора,
забув, після себе залишив
закладинку чорну, півзірки із неба,
записку про інше.

Записку дитина розгладила, розмалювала.
Півзірки начистила я до коштовного блиску,
хоча з половини і марно чекати зиску.
І тільки закладинка чорна лежить, як лежала.

Найголовніше моє, найцінніше
хтось витягає з глибокої ніші.
Мацає, жмакає, слинить сторінку,
щось нісенітне собі просторікує.

Ну ж бо, віддай, бо покличу міліцію!
Швидше вертаю своє на полицю,
тільки воно уже не сокровенне...
Більше нічого немає у мене.

Шерех почувся легкий за дверима:
йде повтішати всевидяча рима.

У неї в хаті, як у церкві —
біленькі стіни у квітках.
Ітиме повз, поставить цебра
і привітається Лука.

Увечері з млина брестиме
Марко — й поділиться своїм,
і білий хліб вона з-за тину
йому простягне, щоб поїв.

Іванові пришиє гудзик,
Матвію кошика сплете...
домашні справи — се і те,
пшоно, квасоля, кукурудза.

Волосся сиве, як ляне.
В її руках проста хустина,
хустина, як покрова, дивна —
візьміть під неї і мене!

Думаю, що буде їсти моя сім'я,
думаю про *стрекозу* і про *муравья*,
думаю про сусідчиного кота,
думаю, що стаю якась запроста.

Думаю про беззаконня, нахабність, бруд,
думаю, десь, може, краще люди живуть,
та думаю, втім, що де б душа не жила,
насправді одного їй треба — Господня тепла.

Я думаю ще — півліниво, і тупо, і дико, —
чи вже нічия, чи кохаю іще чоловіка:
немає тонкої коштовності слова і дотику,
немає святої жертвовності, разом-роботи.
Я думаю часом: лише тарілки та образи,
і ті забуваю байдуже практично одразу.

А прагнеться пристрасті, громоподібної й — тихої,
«люблю» щоби вистрілило, щоб не подачка, а — дихання,
аби незворотно, протяго, щоб сонце у серце.
Дай бачити, Боже: а може, я маю усе це.

Я думаю, син мій подумує: матінка дивна —
намислить — поплаче, намислить іще — звеселиться.
Я дивна, синочку: безхитрісна темна людина,
а маю молитву — летить над тобою, як птиця.

ПІСЕНЬКА ПРО БАНАЛЬНУ РИМУ

Як завжди, ляжу о другій —
немає у мене друга,
аби почитати вірші
о цій порі опівнічній.

І правда, як нелогічно:
розбурхати чоловіка,
аби, як банальна рима,
сонно кліпав очима.

Дитина — вона мала ще,
хоча і дуже уважна,
і зовсім навіть можливо,
вона б мене зрозуміла.

Та ні, відкладаю вірші,
йду спати, вже пізно, друга.
А мо, почитає тиша,
якщо вона має друга.

Писати знічев'я — ниточку загублю,
писати із радості — наче бракує нерву.
А ось печаль — геть її, не люблю —
пише й живе зі мною, ніби колега.
Вправний співавтор дає і думок і слів,
димний філософ, Сартр чи Шопенгауер.
...Зовсім не знаю, як білизну золить,
і козака любити, й гуляти гаєм.

Все історизми, софізми, аргю, кліше,
екзистенційність, натурфілософія, ретро...
От і печаль тому,
що розум лише —
це набувне,
а життя не знаю зсередини.
Ось воно й радість — минуща, проста, не вся,
її, недолугу, й на слова не обернеш.
Справжня радість — у мого дідуся,
коли праонукові простягає цукерку.

* * *

Раз у раз перевіряє двері
(все життя), ключа залізного торкаючись.
До дитини не пускає жодних Мері
Поппінс, відсилаючи подалі.
Тато і дочка, як слон і мишка,
туляться, чекаючи неясно:
він — що страх допустить передишку,
а вона — що раптом буде казка.
І надходить спокій, щоки гладить,
як мала, проводить по щетині.
Й чоловік римує — так доладно,
як слова не йшли іще донині.
Для малої молоко, собі півкави
і говорить, приколисує гаркаво.
І нема нічого довшого й певнішого,
аніж вечір: чоловік, дочка і вірші.

Юрий ТАЛАНОВ

ДЕРЕВЕНСКИЕ СКАЗАНИЯ

АД ДЛЯ БАБУШКИ

В конце декабря 1943 года я завершил полугодие своего начавшегося обучения в школе. Во время зимних каникул, в январе 1944 года, мама отправила меня в деревню Гари Залесного района, к своим родителям, Степану Поликарповичу и Анне Ефимовне Тороповым.

Это сейчас я понимаю, что маме было очень трудно во время войны содержать четверых детей. Когда началась война, моему старшему брату Жене исполнилось 7 лет, а младшей сестрёнке Нине 8 месяцев, мне 4 года, сестре Светлане 2. Вот такая бригада «работников» осталась в нашей семье, когда папа ушёл на фронт. Не какой-то липово-патриотический, типа путинского, а настоящий фронт Великой Отечественной, где воюют и могут ранить, и даже убить. Отца дома нет, а наша семейная команда очень даже неплохо работала за обеденным столом.

Хотя у нас имелась корова, овцы, гуси и куры, мяса и яиц нам перепадало мало. Хорошо, что молока и картошки было достаточно. Правда молоко нам на стол попадало «снятое», значит с него собрана (снята) сметана, и мы по существу довольствовались обратом. Хлеб, который мы ели, назвать хлебом можно условно. Мука при замесе теста отсутствовала. Её заменяли отруби, коих было процентов 25-30, а остальное заменяли разные «витаминные» добавки — лебеда, головки клевера, дубовые жёлуди, колоколец, песты, соцветия щавеля, и другие не менее аппетитные заменители муки, как липовые опилки.

Конечно голодными мы не ходили, но даже этот «витаминный» рацион маме было тяжело обеспечивать. Поэтому-то я и был отвезён в Гари.

Дед Степан и бабушка Анна жили вдвоём. У них перед войной была крепкая крестьянская семья. В семье одна дочка, наша мама, и три сына — дядя Ваня, дядя Саша и дядя Серёжа. Дядя Ваня и дядя Саша до войны женились, и жили своими семьями в городе Шахунье, а дядя Серёжа закончил службу в РККА, и был определён в запас. Но началась война. Все трое ушли воевать. В 1943 году дядя Ваня

и дядя Серёжа погибли, а дядя Саша, после тяжёлого раненья пришёл домой.

Война крепко зацепила Тороповых. Бабушка Анна плакала — вот внучок, у тебя, слава Богу, папа хоть и воюет, но живой, а у дяди Вани детки сиротинки, а Серёженька никого после себя не оставил. Как хорошо, что тебя мама привезла, всё нам поваднее.

Дед и бабушка держали корову, пару овец и около десятка кур. Дед Степан работал лесником, получал зарплату, поэтому большой нужды продавать продукты не было. И конечно, меня кормили очень даже не плохо. Молоко, сметану, яички я ел постоянно. Дед с бабушкой тоже питались нормально. В хлеб лебеды и мякины не добавляли, добавкой могла быть лишь очищенная тёртая картошка. Хлеб с картошкой, особенно тёплый, очень мне нравился, а если с парным молоком — объеденье.

Но вскоре начался Великий пост. Дед и бабушка ели только картошку с солёными огурцами, и квашеной капустой, да хлебали постные щи или грибную похлёбку. А меня бабушка продолжала угощать молоком, сметаной и яичницей.

Я спросил бабушку, почему они с дедом едят картошку с огурцами, а мне дают сметану и молоко? Бабушка ответила — теперь пост, а в пост люди должны думать не о земном, а о божьем. И Бог запретил взрослым в пост употреблять скоромную пищу. Это большой грех. Кто нарушает пост, того на том свете отправят в ад, где бесы жарят грешников на большой сковородке, а в рот заливают кипящую смолу. А как же я? Я ведь всё ем. Ты ещё маленький, растёшь. Маленьким Боженька разрешает всё кушать, чтобы выросли здоровыми и сильными. А дед Степан? Он часто пьёт молоко. Ему разве не грех? Дед много работает, и дома, и в лесу. Каждый день обход проводить очень тяжело, особенно зимой. Кто много работает, тому Господь послабление даёт, можно немного скоромненького поесть. А тебе нельзя совсем? Ни капельки. Я по дому не устаю, тихонько семеню.

Вот так мы соблюдали пост, в соответствии с заповедями Господа. Я ходил в школу, дед Степан часто пропадал в лесу, обходил доверенные ему лесные угодья, охранял их от незаконных порубок, а бабушка Анна вела домашнее хозяйство.

В школе мы не только учились, но и играли, веселились. Однажды на большой перемене я сцепился с Васькой Гришановым, моим одноклассником. Васька часто приставал ко мне, хвастал, что он сильнее и запросто уложит меня на

лопатки. Я, конечно, отвечал, — попробуй, увидим, кто на лопатках окажется. И вот Васька, на переменке подходит сзади, хватает меня за руку и сильно дёргает на себя. Я не устоял и шлёпнулся на пол. Все засмеялись. И конечно, громче всех хохотал Васька. Ну что, говорил я тебе, завалю, вот и сиди тут. Я вскочил, бросился на обидчика, он отпрыгнул, а я обеими руками толкнул его в бок. Васька пошатнулся, я поддал ему локтем, он полетел и плечом ударился об оконную раму. Стекло в одной створке разлетелось на мелкие кусочки.

Заведующая школой Мария Петровна Кошелева, отругала нас с Васькой, сказала, чтобы застеклили створку, иначе она сдерёт шкуры с наших носов и натянет на раму.

Я пришёл из школы, всё рассказал деду и бабушке. Дед Степан сказал — ладно, не куксись, придумаем, что-нибудь. А бабушка Анна прикрикнула на меня — у непоседа и хлестанула два раза утималкой. Я обиделся на бабушку, так как виноват Васька, он первый начал, а я уж только в ответ. Да и стекло разбилось от его плеча, а не от моего.

У деда стекла не было, купить его в военное время практически не представлялось возможным. Дед Степан пошёл к тётке Ульяне Гришановой, Васькиной матери, её муж, Васькин отец, как и большинство мужиков, был на войне. У соседей Гришановых нашёлся небольшой обрезок оконного стекла. Дед Степан из этого остатка вырезал вставку по ширине фрамуги, примерно на две трети по длине. На большее стекла не хватило. Дед отыскал где-то кусок фанеры и забрал им низ фрамуги, а выше вставил стекло. Мария Петровна приняла работу, сказав, ну что же, сойдёт пока, а там видно будет. Шкура на наших с Васькой носах осталась в целости.

Я думал, как наказать бабушку за то, что она меня незаслуженно кухонной тряпкой отхлестала. И придумал. Бабушка Анна во время поста готовила для себя и деда постные щи или похлёбку в отдельном горшке, а мне отдельно, на молоке, а иногда и мясной суп. И чтобы наказать бабушку, в горшок с ихним супом я плеснул целую ложку молока. Пусть жарится на том свете на горячей сковороде, будет знать, как меня хлестать не за что, не про что утималкой.

После выполнения задуманного я убежал гулять, а сам постоянно думал — бабушка скоро согрешит и на том свете попадёт в ад. Вот попляшет на горячей сковороде. Чем я больше думал, тем сильнее жалел бабушку. Ну, хлестанула тряпкой. Мне же совсем не было больно. А ей всё время

крутиться на горячей сковороде, да ещё кипящую смолу пить. Нет, так нельзя. Я быстро побежал домой.

Дед пришёл из лесного обхода, и бабушка собирала стол для обеда. Я, после бега учащённо дыша, подхожу к бабушке и шепчу: «Бабушка Анна, тебе сейчас нельзя щи есть».

— Почему это? — спрашивает она.

— А я обиделся на тебя и разбавил щи молоком. Полную ложку вылил в ваш горшок, а тебе ни капельки нельзя.

— Ой, внучок молодец, хорошо, что сказал. Да и я окаянная, неладно обошлась с тобой, схватила утималку у печи-то. Но Боженька всё видит, всё знает и понимает. Ты же не хотел, чтобы я в ад попала, вот Господь и не допустил этого. А что приготовлено на ужин есть надо. Другой еды у нас сёдня нет. Но Бог милосердный простит нас грешных, за невольное прегрешенье. Не думай больше об этом. На вот тебе грудинку сахарку, хорошо с тёплым молочком, — и дала малюсенький кусочек.

Сахар во время войны был редкостью, и мы такое лакомство видели в исключительных случаях. Я выпил молоко с картофельной лепёшкой и пошёл спать. Кусочек сахара зажал в кулаке. Хотел завтра в школе похвастать, но лакомство начало таять в ладошке. Пришлось ладонь облизать, после чего я крепко заснул. Во сне я видел бабушку Анну. Она не жарилась на горячей сковороде, а перебирала ягоды, которые мы с дедом Степаном принесли из леса.

КИРПИЧИКИ

Закончился учебный год. Я продолжал жить в Гарях и, откровенно говоря, мне не очень-то хотелось возвращаться в Субботино. Бабушка меня кормила вкуснее, чем мама. Всегда были сметана, яички, кусочек жареного мяса или рыбки и очень вкусный ржаной хлеб с отрубями и чищенной картошкой, без добавки мякины. Кроме того, я почти не занимался домашней работой. Бабушка с дедом всё делали сами. Мои обязанности ограничивались, приглядом, за скотиной. Вечером, когда стадо с пастбища возвращалось в деревню, я должен корову и овец запустить во двор и распределить по стойлам. Вот и вся моя работа. И я весь день был свободен.

Со своими гаревскими друзьями мы проводили большую часть времени или на речке, или в лесу. В речке Каменец, которая огибала деревню, под корягами водились раки и налимы. Раков было много под камнями, а налимы предпочитали норы под корягами или в прибрежных зарослях ивняка и краснотала.

Раков собирали руками в корзину, потом варили в котелке на костре. Очень вкусны клешни и хвосты рачьи. Большие раки своими клешнями иногда продавливали наши пальцы до крови. Но мы храбрились и не показывали, что больно. Подумаешь царапина, ерунда.

Рыбу ловили разными способами — удочкой, ботали (загоняли ботом в сак), гатили корягу и применяли разные другие способы. Еслиловишь на удочку, первую рыбу нужно бросить в реку с напутствием — уплывай, но ворочайся, веди батьку, веди матку, веди тётку, веди дядьку, веди брата и сестру, веди братову жену. Коли так не сделаешь, не начинай удить, всё равно ни одного хвоста тебе не видать. Это знают все.

Чтобы вытащить налима из норы нужно порядочно попотеть. Коряга, под которой обосновались налимы, всегда находится возле самого берега. В толще берега, среди корней и отростков бывшего дерева, оказавшихся в воде, налимы находят пустоты, где устраивают гнёзда и вытурить рыбину из своего дома очень и даже очень трудно. Для того чтобы заставить налима покинуть жилище, приходилось воздвигать плотину вокруг облюбованной рыбами коряги. Таскали дернину, камни, песок, глину и окружали объект гатью. Когда гать возвысится над поверхностью воды, из образовавшейся чаши отчерпывали воду и налимы норки оказывались без воды. Рыба покидает гнёзда и мы её собираем руками. Иногда набирали ведро, полтора налимов, а другой раз штуку, две. Раз на раз не приходится.

Были у нас и другие занятия. С большим желаньем отлавливали зайчат. Зайцы жили вокруг деревни в кустах, перелесках, на лесных полянах и опушках. В конце мая, начале июня зайчата подрастали до размеров 2-х месячного котёнка. Конечно, они были шустрее, но быстро уставали, запутывались в густой траве и мы ловили их голыми руками. Пойманного зайчика тянули за ухо или хвост, а он бедняга отчаянно верещал. На жалобный визг зайчонка прибегала зайчиха, причём не обязательно мать словленного детёныша, а любая взрослая самка, оказавшаяся рядом. Оказывается, у зайцев существует общественная забота о подрастающем поколении. Каждая зайчиха ставшая матерью обязательно будет кормить голодного зайчонка, чьим бы дитём он не был, оказывать ему помощь, какую только сможет. Конечно, мы ещё сами дети, пользовались этим природным инстинктом заячьего рода, не понимая его смысла и значения. И когда на жалобу зайчонка, попавшего в беду, прибегала зайчиха, она, не смотря на реальную опасность, далеко не удалялась,

а крутилась возле нашей ватаги метрах в четырёх-пяти. Иногда нам удавалось подстрелить сердобольную мамашу из лука или зашибить палкой. Тогда мы потрошили добычу, тушку в шкурке закапывали и на этом месте разводили костёр. Через час лакомились зайчатиной.

Маленьких зайчиков всегда отпускали. Мяса в них очень мало, поэтому при освобождении хором тараторили: «Ты, зайчонок убегай, беги маленький гуляй, прибегай в другое лето, веди к нам сестру и брата, батьку, мать и бабку с дедом, веди дедушкина свата».

Если напуганные рыбки знают все, а кто сочинил, никто не знает, то зайчонок сочиняли мы сами, все вместе.

Да, мы не скучали, и иногда за подвиги получали соответствующее вознаграждение.

Летом по деревням ездили сборщики — представители Райпотребсоюза собирающие «натуру», т.е. натуральные налоги, что обязаны, были сдавать государству все сельские жители — яйца, масло, шерсть. Одновременно сборщики принимали тряпки и цветной металлолом. За это они расплачивались дефицитными в то время товарами — тканевые краски, металлическая фурнитура (навески, дверные крючки, щеколды и т.п. изделия), детские игрушки, дешёвые карамельки типа «петушок на палочке».

Взрослые несли в обмен на краску или сладости действительно не нужную рухлядь — тряпье, не подлежащее ремонту, обломки латунных или бронзовых изделий, разные отслужившие свой срок поделки. Дети же за петушка могли притащить добротную ценную вещь. Так Лёнька Мужанов за дудочку приволок сборщице литое бронзовое распятие Спасителя, отделанное серебром и яшмой, которое стащил с иконостаса своей бабушки. Хорошо, что распятие увидела соседка Мужановых тётка Дарья Гуменникова и помешала сделке, хотя сборщица уже спрятала дорогую вещь в ящик и вручила Лёньке свистульку. Сборщица вытащила крест из ящика и отдала его тётке Дарье, даже дудку не забрала у Лёньки.

Сборщик, если его уличали в мошенничестве, потупив глаза, бубнил, — не хотел я обмануть, просто не обратил вниманья, что мне пацан подсунул. Хотя сборщики не должны с детьми вести обмен или торговлю. И сельские старались за этим следить. Но мы всё равно крутились возле сборщиков натуральных налогов, надеясь заполнить карамельку или свистульку.

Местом сбора налогов, да и постоянным местом схода колхозников летом, в Гарях была просторная площадка

около пожарки. Пожаркой назывался просторный тесовый сарай с односкатной крышей, крытой дранкой. На крышу вела лестница. По ней поднимались на смотровую площадку размером два квадратных метра. Над площадкой возвышалась не большая, метра полтора высотой колонна с подвешенным колоколом — полуметровым обрезком рельса. На площадке лежал шкворень, которым при необходимости колотили по рельсу.

В пожарке стояла большая телега. На телеге две бочки с водой, ящик с песком, два багра, две лопаты и топор. Ещё в сарае имелась пожарная машина с ручным насосом и свёрнутым пожарным шлангом. Ворота в пожарку закрывались не на замок, а на щеколду.

При сборе натуры, на просторной площадке возле ворот располагались сборщики и жители деревни, каждый со своими делами и заботами.

У сборщиков была большая, плетёная из прутьев корзина, ёмкостью ведра четыре. Туда они складывали яйца. Довольно вместительный короб для шерсти и два молочных 40-литровых бидона под топлёное масло.

Мы забрались на площадку и наблюдали за всем происходящим. Нас там находилось четверо — я, мои одноклассники Васька Гришанов да Кирюха Супонин и Серёжка Кошелев, который перешёл в 3-й класс. Серёжка был большой шкодник и всегда подталкивал нас на пакостные делишки. Вот и сейчас дёргает меня за руку и шепчет: «Там за углом обломки кирпичей валяются, притащите парочку». «Зачем?» «Тащите, увидите. Обалденно будет».

Мы с Кирюхой принесли по обломку и положили на площадку. Сами заняли прежние места. Серёжка взял обломки кирпичей, посмотрел на них, потом на нас, прошептал — о, что будет, бросил кирпичи в корзину с яйцами и убежал. Когда до нас дошло — нам отвечать, мы кинулись к лестнице, но внизу нас поджидал ездовой сборщиков дед Зосим Власыч с кнутом в руке. Серёжку не поймали, а нас троих — Ваську, Кирюху и меня Зосим Власыч стеганул по спинам кнутом и отвёл на площадку к сборщикам. Сборщицы объявили, — разбито 28 яиц. Мы плакали и рассказывали, как это всё произошло на самом деле. Верили нам или нет, но виноваты мы. Нас взяли на месте преступленья, а Серёжку нет, нам и отвечать.

Дед Степан, мать Кирюхи тётя Матрёна и Васькина мать тётя Ульяна поговорили между собой и решили — дед Степан отдаст сборщикам 10 яиц, а тётя Матрёна и тётя

Ульяна по 9 штук.

Кирпичики в обмен на натуру я запомнил на всю жизнь. А через неделю приехала мама и увезла меня из Гарей в Субботино, где меня ожидали другие дела и заботы.

БЫЧЬЯ ПОКАЗУХА

В Субботине домашних работ, предназначенных мне, было значительно больше чем в Гарях. Сёстры ещё небольшие — Светлане 6 лет, а Нине и 4-х нет. Поэтому домашние дела, в основном огородная работа — полоть, окучивать картошку, поливать капусту, огурцы, помидоры — была поручена мне. Я как можно быстрее, не обращая внимания на качество, выполнял порученье, а потом со своими друзьями — Санькой Корюкиным (Крюк), Витькой Разумовым (Умник), Серёжкой Гречухиным (Каёга) и другими субботинскими сподвижниками спешил к своим, более интересным делам.

Мой старший брат Женя работал подпаском субботинского стада. Так как Субботино деревня небольшая, то в одном стаде паслась вся деревенская живность — коровы, козы, овцы. Большинство умудрённых опытом колхозников и поросят отправляли в стадо.

Все участки, отведённые под огороды, были окружены крепкими заборами. Вроде бы и курица не пролезет, а вот поросята находили лазейку в любой загородке. Чуть-чуть подроет землю, подвинет тычину и вот он уже в огороде.

Когда мама наказывала меня за поросячьи проделки, дед Филипп защищал — он не виноват, как угодно было Господу, так и сделалось. Но хозяйева огородов, хотя свинячья работа и происходила по-божьему провиденью, были недовольны её результатами. И мне частенько доставалось за недогляд. А дед успокаивал. Ну, хлестанула тебя мать лапотной верёвкой. Не переживай, до свадьбы всё заживёт. Поросята тварюги ещё те. Подвержены они ухищреньям, кои сами вымышляют.

Философские высказывания деда Филиппа подтверждались повседневным поведением свинячьего племени. Пока за боровком присматриваешь, ходит, копается, в каком ни будь заулке, где скопился разный мусор. Но стоит немного отвлечься, как он уже оказывается в ближайшем огороде и с завидным рвением разрывает огуречные грядки или картофельные гребешки. А виноват я.

К моей большой радости мама решила отправить нашего Хрюна в общее стадо. Но чтобы Хрюн не покидал компаньонов по совместному гулянию — коров, овец да коз

раньше положенного времени — нужно было дня три контролировать его присутствие и пресекать желанье покинуть пастбище.

Конечно, надзирателем за поведением Хрюна пришлось быть мне. А это много лучше чем дёргать сорняки и поливать капусту. Тем более, что пастухи иногда устраивали бычьью показуху — стравливание быков разных стад для определения сильнейшего.

Я уже упоминал, что мой старший брат Женя работал подпаском субботинского стада, а пастухом Вавила Зозин, мужик годов 30 из деревни Коровиха. Вавила был высоким, широкоплечим и очень сильным мужчиной. Все называли его Вилко Зоза, а чаще Зоза Сила или просто Зоза. Сильнее Зозы во всей округе не находилось мужика. Но при своей силе Зоза не отличался большой сообразительностью. Даже не всегда мог объяснить, что он хочет, что нужно сделать. Говорит, — сделаем вот это, а сам крутит руками сжимая кулаки или расщеперив пальцы. Но Женя и пастухи окрестных деревень, каким-то образом понимали его жесты и находили с ним общий язык.

Когда случайно, а может быть и нет, оказывались рядом стада соседних деревень, пастухи строго следили, чтобы скотина не встречалась, иначе неизбежны стычки между коровами разных стад, что может привести к травматизму бурёнок. А нужно это пастухам? Конечно, нет.

Но иногда пастухи договаривались устроить показуху. Естественно это не афишировалось, наоборот, не подлежало огласке и тщательно скрывалось, потому, как руководство строго наказывало пастухов за проведение таких мероприятий. Поэтому зрителей при этих корридах, кроме пастухов, не было.

А вот мне повезло. Когда я наблюдал за поведением Хрюна на выпасе, наше стадо и бажинское оказались рядом. Случилось это в районе Пестовской пригороды, где граничат Бажинское и Субботинское пастбища.

Бажинское стадо больше нашего. У ихнего пастуха, Митьки Кузина, которого нарекли Тилимоня, за длинную нескладную фигуру, в подчинении имелись два подпаса — Витька Хлебов и Костя Зимин, примерно такого же возраста, как и мой брат Женя.

Зоза и Тилимоня встретились отдельно, и о чём-то беседовали минут десять размахивая руками, потом позвали подпасков. Вместе с подпасками подбежал и я. Ни Зоза, ни Тилимоня на меня не обратили вниманья, и я оказался вместе со всеми.

Тилимоня оглядевшись по сторонам, тихо произнёс: «Мы с Зозой договорились о показухе. Чей бык опустится на колени, то стадо выставляет две бутылки самогонки, пьём вместе. Решено?» Подпаски обеих сторон одобрили сделку. Даже я вместе с подпасками одобрительно гукал — угу, угу!

Зоза и Тилимоня подвели каждый своего быка к месту поединка. Быков удерживали на поводках-верёвках обвязанных вокруг рогов. В носу у каждого быка продето металлическое кольцо, которое тонкой бечёвкой соединено с верёвкой. Субботинский бык тёмно-коричневого окраса, переходящего к хребту в чёрный. Шёл на толстых ногах, низко опустив голову. Шея здоровая, глаза маленькие, рога не большие, но толстые, крепко посажены на крутом лбу. Предводитель бажинского стада внешне смотрелся не так внушительно как наш. Ноги потоньше, туловище чуть длиннее, рога тоже немного длиннее, массивная широколобая голова гордо посажена на упругой мускулистой шее.

Пастухи свели быков морда к морде, но поводка держали в руках. Подпаски находились по бокам с кнутами. Быки стояли, наклонив шеи к земле. Подпаски подталкивали их кнутовищами. Быки сошлись, упёрлись лбами, каждый старался сдвинуть, удалить своего противника. Субботинский бык передней правой ногой скоблил под собой землю, бажинский твёрдо стоял на всех четырёх. Так они в напряжённом сопротивлении находились около 5 минут. Потом наш бык сдвинул назад правую переднюю ногу, согнул её в разрыхлённом им же самим верхнем слое дернины и тяжело опустился на согнутые передние ноги, уткнувшись рогами в траву. Противник пытался дотянуться до лежачего, но Тилимоня и подпаски не допустили расправы над поверженным.

Но Зоза решил применить свой метод. Он подскочил, схватил бажинского быка левой рукой за рог, а правым кулаком, что было мочи, хряпнул по лбу и, ухватив за оба рога, дёрнул вперёд. Бык, постояв пару секунд, тоже оказался на коленях.

Тилимоня заорал на Зозу: «Что делаешь? Свалил нечестно, всё равно вы продули!»

Зоза бубнит: «Оба быка на коленях, и с вас пара бутылков...».

Так они препирались, доказывая каждый свою правоту.

Вдруг бажинский здоровенный баран с разбега ударил Зозу, который стоял спиной к соседскому стаду, ниже спины. Зоза упал, при этом ободрал кожу на руке с внешней стороны

от плеча до локтя. Полежав минуты две Зоза ругаясь, встал, проклиная барана, обзывая его полудохлым баранчиком.

А Тилимоня тихонько говорит: «Не делай зло, делай добро, кто делает добро тому Бог поможет, а творящий зло корыстолюбия своего ради противен Господу». Зоза постоял, тряхнул головой и тихо пробормотал: «Субботинская сторона поставит две бутылки, коли промазали...».

Как они пировали, я не знаю.

А бажинские бык и баран в трудной ситуации всегда выручают один другого. Они даже во время отдыха лежат вместе. Об этом говорили подпаски Тилимони, Витька и Костя. Народная молва вскоре перекрестила Зозу Силу в Зозу Баранчика.

ГОРОХОВЫЕ СТРУЧКИ

Во времена моего детства основной зерновой культурой, которую сеяли в нашем колхозе, была озимая рожь. Культура неприхотливая и на наших бедных суглинках и супесях давала приличные — до 15 центнеров с гектара — урожаи. Из яровых возделывали овёс, пшеницу, гречиху, горох, лён и кое-что другое, обусловленное потребностями хозяйства.

Нас ребятишек, в первую очередь интересовал горох. После цветения на нём появляются лопатки, зародыши боба. Боб или стручок, обыденное название коробочки содержащей горошины, в незрелом состоянии (лопатка) мы съедали полностью. Они имеют сладкий привкус, что нам особенно нравилось и привлекало на гороховый участок. И мы, деревенская ребятня сплочённой оравой ежедневно совершали набеги на гороховую делянку. Но когда стручки становились для нас лакомством, участок охранял сторож. Сторожем, как правило, назначали молодого, физически сильного и быстрого парня.

Под горох обычно отводили поле на открытом просматриваемом месте. Мы от околицы, стараясь быть незамеченными, приглядывались и определяли, как нам лучше подобраться к гороховому изобилию, нарвать побольше стручков и не угодить в руки сторожа. Если сторож поймает любителя гороховой вкуснятины возле охраняемого участка, а у того нет ни в руках, ни в карманах доказательств самовольного сбора гороха в виде стручков, или хотя бы ботвы, то никаких претензий не будет. Но если будет обнаружено хотя бы 4-5 стручков, всё — ты расхититель колхозного добра. Сторож отведёт вору в правление, где составят акт о нанесённом ущербе. Ежели ты ещё не работаешь, то на основе данных акта, твоих родителей могут

оштрафовать, а когда ты уже сам имеешь заработанные трудовые, то штраф взыщут с тебя. Количество штрафных трудовых зависит от нанесённого ущерба. Обычно горсть стручков облагали одним трудовым штрафом. На трудовые в нашем колхозе в конце года давали 100-120 граммов ржи, немного другой продукции, в том числе несколько горошин, которых не всегда хватало на один суп. Поэтому, учитывая ситуацию, мы поочередно попадались сторожу с тремя-четырьмя стручками и под его конвоем отправлялись в контору, для получения заслуженного возмездия. И пока сторож занят с одним воришканом, а охраняемый объект остаётся без надзора, друзья-товарищи преступника спокойно набивают карманы самолучшими стручками. У кого нет трудовых, тот не имеет права попадать в руки сторожа, но набивать карманы обязан наравне со всеми, а если может то и больше. После завершения вылазки наша дружная ватага архаровцев, как нас частенько именовали взрослые, уединялась и наслаждалась результатами своей удачи. Лакомились лопатками, зелёным горохом, угощали малышей и даже девочек.

Но в один невезучий для нас день сторож отловил Серёжку Гречухина как всегда с горсточкой стручков. Сторожом был Вениамин Комин, молодой парень недавно отслуживший срочную в армии, среднего роста, рыжеватый с постоянной улыбкой на круглом веснушчатом лице. До армии его любимым занятием была рыбалка. Из всех рыболовных снастей, которых он имел предостаточно, Вениамин предпочитал вентерь — длинная конусная плетёнка из тонких прутьев с узким воронкообразным входом. Уловом рыбак радушно делился с соседями, друзьями, всем предлагал, — берите рыбу, вентери есть, я опять поставлю. В деревне частенько говорили: вентерь дал рыбки, вентерь ухой нас обеспечил. Так Вениамина и стали называть — Вентерь. Некоторые, особенно малолетки, не всегда вспоминали его подлинное имя, если кто-то спрашивал Вениамина Комина. Несмотря на своё добродушие, Вентерь к любому порученному делу относился серьёзно. Став сторожем гороховых богатств, он неукоснительно исполнял свои обязанности.

Когда Серёжка, вернее Каёга, так прозывали его с самого раннего детства, был задержан с поличным Вентерь поволок его в контору. Как только они скрылись, ватага мгновенно захватила гороховый участок, и мы начали заполнять карманы. Перебегая с хорошего места на лучшее выбирали самые «пузатые» стручки, набивали не только карманы, а и

за пазуху пихали, подпоясав рубашки лапотными верёвочками.

Но в тот день Вентерь был не один. К нему пришёл его сослуживец Аркадий Белов, который проживал в Ветошкине. Во всей округе вентерьева дружка прозывали Арканом. Аркан по нашему разуменью был не подходящим приятелем Вентерю. Длинный, худущий, голова на тонкой шее болталась, как у болвана, а большим крючковатым носом Аркан, при желании, вполне мог клюнуть любого, неугодного ему. Всегда какой-то хмурый, чем-то недовольный он старался показать себя, как у нас говорят — на рубль дороже. И прозвище своё заработал пустой похвальбой.

Нужно было перегнать десятка три бычков из одного скотного двора в другой. Аркадия и ещё троих ребят назначили погонщиками. Бычков выпустили на волю. Погонщики взяли кнуты и принялись за порученное дело. Хотели сбить скот в стадо, но бычки оказались непослушными, разбежались в разные стороны. Аркадий, сердито нахмурившись, упрекает компаньонов по работе, — не можете собрать телят в стадо пентюхи неповоротливые, мне бы аркан, я бы их по одному перетаскал! Один из команды погонщиков со смехом прокричал, — зачем тебе лишняя обуза, ты сам скрученный аркан, шевелись проворнее, а не строй из себя начальника. Так это званьё, Аркан, и прилипло к Аркадию, хотя это ему не нравилось, но по другому его мало кто величал. Мы также знали о несуразностях Аркана и с пренебрежением относились к его повадкам.

Оставшись в одиночестве, Аркан подошёл к нам, посмотрел на бойкую работу, громко свистнул и заорал: «Э-э-э расхитители общего добра, а ну все ко мне!» Мы бросили ударную уборку урожая и ринулись в разные стороны. Аркан кинулся за Умником, так мы звали Витьку Разумова, который оказался ближе всех к нему. Умник зацепился ногой за гороховину и упал. Аркан подбежал и пнул его армейским сапогом в бок. Витька охнул и пытался подняться, но Аркан пнул его снова и Умник растянулся на гороховой ботве. Аркан забрал всю витькину добычу себе и насвистывая, пошёл навстречу Вентерю, который спешил на объект охраны после препровожденья Каёги в контору.

Мы же сбившись в кучку не далеко от места расправы, с одним из лучших архаровцев нашей ватаги, грозили Аркану кулаками и кричали — эй ты, кошкин болтун, свинячье рыло, похабная харя и другие «ласковые» слова и угрозы —

вот мы тебе покажем кузькину мать!... вот мы тебя заарканим!...

Аркан встретились с Вентером, и они пошли вместе, не обращая внимания на нас и наши угрозы.

Подбежал Умник. Мы окружили его. Что сильно он тебе поддал? Да есть маленько. Вот бок больно. Умник задрал рубашку. На правом боку был синяк, а на коленке ссадина. Но коленку Витька ободрал, когда упал, а синяк посадил Аркан своим яловым сапогом. Вентерь, если кто-то из нас попадался ему, никого не бил, отбирал халяву, как он называл наше гороховое лакомство или отводил в правление. На Вентеря мы не обижались, он работал и должен был охранять вверенный ему участок. Аркан же был просто так, не на работе, да ещё из другой деревни, а пинал до синяков. Надо ему отплатить, забыть это никак нельзя. Думали, думали, прикидывали разное и надумали. Из Субботина в Ветошкино дорога пролегла мимо Кошачьего Болотца. Справа объезжали на телегах и машинах, ежели какая ненароком заскочит в наши деревнюшки, а слева пешеходная тропинка. Она была узкая, так как с одного края вплотную росли кусты ивняка, а с другого подступала болотистая топь. Пешеходы всегда ходили по тропке — и ближе, и пыли меньше. Мы решили устроить на этой тропинке ловушку для Аркана. В самом узком месте выкопали яму по ширине тропки, длиной около 70-ти сантиметров и глубиной полметра. На дно натаскали жидкого дерьма, добавили грязи из Болотца, сверху уложили тоненькие палочки, прикрыли листьями лопуха и насыпали землю, которую осторожно уплотнили руками по всей поверхности ловушки. Если смотреть со стороны, то незаметно. Замаскировали добротнo. Притащили два обрезка половой доски и положили вдоль тропки для перехода через ловушку. Кое-кто из проходящих интересовались, — почему копаемся? Мы отвечали, — вода из Болотца начала подступать к дорожке, поэтому подсыпаем землю, утрамбуем и прикроем досками. Большинство пешеходов хвалили нас — молодцы ребята, деловые.

А деловые молодцы натаскали кучу мелких камней, комков земли, небольших палок и расположились с этим добром возле тропки, метрах в пяти от ловушки. Ждали появления Аркана. Вентерь и Аркан часто ходили друг к другу, а то и вместе куда-то уходили. Куда? Это не наша забота. Но мы знали, что Аркан сейчас должен идти и ждали его. Наконец-то он появился. Быстро убрали доски. Когда Аркан подошёл к ловушке, начали кидать в него

заготовленные комки-палки. Аркан заорал: «Я вас! ...», побежал, наступил на маскировку, провалился, лицом хряснулся о край копани, и завизжал тоненьким бабьим голоском «ё-ё-ё-й!», а мы захохотали. Аркан прекратил визг и медленно выбрался из ямы. Лицо было в крови, военная одёжка в вонючей грязи. Он стоял, глядел на нас, а мы, готовые дать стрекача, прыгали, смеялись и кричали — это тебе за пинки и стручки. Но он молчал, потом наклонился, взял палку и, прихрамывая, пошёл в Ветошкино. Мы прекратили смех и долго смотрели ему в спину.

На другой день узнали, что Аркан расквасил нос, выбил передний зуб и вывихнул ногу.

ЛЕКТОР ИЗ ОБКОМА

«Юрка запрягай Ермака в чистюльку, поедешь в Баки за лектором из обкома», — распорядился бригадир. «Политпросвет опосля собрания, собрание на три намечено, а теперя ищчо и восьми нет. Так что не очень егози, но будь на стрёме. Езжай в райком партии, заберёшь областного шиша и отвезёшь к Басихе. Оно дело-то сурьёзное, на тарантасе бы, да на ём председатель гоняет. Он сёдня на Ветлужскую в ЗАГОТЛЁН, а в два хотел в правление быть, к собранию подсуетиться. Так что чистюльку бери какую хошь».

Я взял ермакову сбрую и положил на новую чистюльку, которая легче старой, а задник обрамлён резной заставкой. На территории конного двора размещены разные приспособленья и сельхозорудия: зимние сани, волокуши, конные плуги и бороны, косилки, жатки и другая техника. Стояло десятка полтора тяжёлых телег, на которых возили сено, солому, зерно, картошку, навоз, дрова и прочую всячину. Имелись две лёгкие телеги для поездок в больницу, на рынок, в гости, встретить-проводить кого-то и других подобных разъездов Эти телеги назывались «чистюльки», так как ничего пачкающегося — навоза, глины, земли и другого на них перевозить запрещалось. Отдельно стоял тарантас — «выездная карета» председателя.

Закреплённый за мной Ермак, старый очень медлительный, но ласковый мерин был рослее всех лошадей на нашем Субботинском конном дворе. Я, в то время 13-летний пацан, хомут на Ермака мог надеть только с телеги или другого какого либо возвышенья. Это удлиняло время запрягания, но, главное, ущемляло моё самолюбие. Все надевали хомут на лошадь запросто, без всяких возвышений и подставок. Что же делать? Я обычно утром угощал Ермака

чемнибудь вкусным. Приносил из дома две-три варёные картофелины или пару морковок, свеклу, брюкву, что Ермак с удовольствием съедал, особенно когда хорошо посолишь, и в благодарность тыкался своей мордой в моё плечо. Я пользовался этим и когда мой высокорослый подопечный наклонялся за угощением, отдавал ему гостинец и быстро надевал хомут. Так я приучил Ермака кланяться хомуту. Даже когда у меня не было угощения, он опускал голову к моему плечу. Вот и сейчас Ермак трётся губами мне о плечо, а хомут плотно облегает его шею.

Заложив Ермака в чистюльку, я бросил в неё охапку соломы, накрыл дерюжкой, забрался в повозку и вперёд. Ермак, как всегда, шёл не спеша. Да я и не торопил лошадь – времени было достаточно. Не было ещё и 10 часов, а я уже добрался до райкома партии. Районные учреждения в Красных Баках начинали работу в 9 утра. Я пошёл в здание райкома. Тогда милицейского надзора на проходных органов управления района не существовало, не то, что теперь – каждый офис забит полицией да охраной. На входе дежурил один вахтёр.

Когда я вошёл в вестибюль, вахтёр, узнав суть дела, направил меня к секретарю райкома Ковалёву Ю.В. Докладываю секретарю:

– Прибыл из колхоза «Красное Знамя» за лектором из обкома.

– А-а, так ты и есть спецпосыльный от Разыграева для сопровождения обкомовского пропагандиста? Ммда, ты конечно представительный и располагающий к себе товарищ, – с усмешкой глядя на меня, произнёс Юрий Васильевич. – Как звать? На чём приехал?

– Юрка. На чистюльке приехал.

– На какой такой чистюльке?

– На чистой телеге, на какой навоз не возят, а только человек.

– Человек, человек. На тарантасе бы надо. Человек-то у нас важный. АГИТПРОП обкома, а не контора «лыкомочало».

– На тарантасе Иван Андреич в ЗАГОТЛЁН уехал, а к вам вот я, на чистюльке.

– Ну, хорошо. На чистюльке, так на чистюльке. А почему ты босиком?

Вопрос привёл меня в замешательство и, недоумевая, я ответил:

– Кто же летом обувается? Ноги и так не мёрзнут. Ищчо лучше, когда купаться – штаны сдёрнул и сразу в воду.

– Купаться хорошо, – улыбнулся Юрий Васильевич, – купаться-то да. А обувка для солидности. Ведь ты сегодня не просто на лошадке едешь. Тебе доверено сопровождать

важного обкомовского товарища, направленного к нам в район для разъяснения международной политики партии и правительства. Ну, ничего предосудительного, всё нормально. Ты парень представительный, — повторил Юрий Васильевич, глядя на мои заштопанные штаны, не совсем понятное для меня слово.

Секретарь поднял трубку телефона и кому-то важно сказал: «Борис Моисеевич, сейчас подъедет специально назначенный представитель колхоза «Красное Знамя» встретить и сопровождать вас. Извините, транспорт не очень изящный, но сопровождающий, хотя и мальчишка, ответственный, серьёзный и надёжный паренёк. Часа через два он доставит вас на центральную усадьбу колхоза. Быт и обратную дорогу обеспечит председатель колхоза Разыграев Иван Андреевич. Всего доброго вам».

— Так тёзка, обратился ко мне Юрий Васильевич, в Доме Колхозника ждёт тебя обкомовский пропагандист. Зовут его Борис Моисеевич.

Дом Колхозника или ночлежка, как его называли местные жители, находился неподалеку от райкома. Я подъехал на чистюлке. На крыльчке ночлежки стоял невысокий, чуть-чуть повыше меня, мужичок, с длинным лицом, выдающимся вперёд подбородком, косоватым ртом, обозначенным тонкими сероватыми губами. На первый взгляд лицо стоящего смотрелось уныло, но тёмные, юркие глаза, над которыми кустились чёрные, лохматые брови, придавали облику загадочность. Одет мужичок в светло-серые брюки и синюю рубашку с красным, в чёрную полоску, галстуком. На сгибе левой руки пиджак, в правой чемодан. Я спрыгнул с телеги, подбежал к крыльцу и выкрикнул: «Здрасте!»

Мужичок посмотрел, спустился, подошёл ко мне и заговорил скрипучим голосом, причмокивая, немного картавя и приглушая твёрдые звуки:

— Ты тот мальтчик, тыцто пхрипыл отвести меня в колхоз «Красное Снамя»? А я Похрис Моисейтыц. Как мне в тхранспохрт устхроится, тыцтопы пылю утопно? Меня мосес насывать пхросто тятя Похря. А как называть меня тятя Похря не спросил.

Лектор из обкома оказался косноязычен, чего я, откровенно говоря, не ожидал, но всё-таки понял, что ему нужно. Рядом с ночлежкой находился продовольственный магазин, возле которого я нашёл небольшой ящик высотой около 30 сантиметров. Ящик положил в конце телеги, вплотную к заставке, обложил соломой и накрыл сложенной

пополам дерюжкой. На мой взгляд, получилось совсем неплохо. Тут можно сидеть, откинувшись на заставку. Опробовал, вроде нормально.

— Дядя Боря вот, пожалуйста, садитесь на сиденье, — указал я на ящик.

Лектор подошёл, погладил дерюгу, положил на неё пиджак, а рядом чемодан. Потом, ухватившись руками за нахлёстку, и поднимая ногу, пытался забраться в чистюльку. Но у него ничего не получалось. Я объяснил ему и показал, как сесть в телегу, как устроиться на сидении.

— Я тостатотыцтно всрослый и мне не нуссно утыциться ситеть, — с обидой произнёс тятя Похря. — Я говорил тепе мальтьцик-пахренёк — пусть путет утопно. Вот я хотыцю — пусть путет утопно.

Поразмыслив, я снова отправился к магазину. Побродив на задворках, нашёл возле поленницы короткий сучковатый чурбан, притащил к чистюльке и поставил около заднего колеса. Борис Моисеевич, будьте любезны, с подставки вам будет удобно. Обкомовский шиш подошёл, посмотрел, покачал кряж, встал на него, забрался в телегу и устроился на ящике.

— Вот теперь похряток, а меня тут сильно путет швыхрять?

— Нет, время у нас ищчо много. Политпросвет раньше пяти часов не начнётся, а теперя не боле 12 дня, спешить не будем, поедем тихонько, тряски не будет.

— Хохрошо, поетем.

Я взял чурбан, бросил в телегу, запрыгнул сам и мы тронулись.

Лошади домой идут охотнее — и направление знают, да и предчувствуют скорый отдых. Ездовому остаётся лишь следить, чтобы всё было в порядке. Ермак шёл исправно, а по хорошей дороге или под горку, без понуканий переходил на лёгкую трусцу.

Когда выехали из Красных Баков, лектор пожаловался, что не успел позавтракать, открыл чемодан, достал белую булку и व्यюшку копчёной колбасы. Ножичком разрезал булку, порезал колбасу и сделал два бутерброда. Один положил на закрытый чемодан, а другой начал жевать, чавкая, как наш домашний боровок Хрюн. Соблазнительный запах колбасы витал над телегой. У меня невольно, как говорится, потекли слюнки, а тут ещё Ермак почему-то остановился. Я схватил кнут, зло хлестанул неповинную животину и заорал, — что жрать захотел, сыть слепнёвая? Ермак, как бы стыдся, опустил голову и зашагал быстрее. А обкомовский

пропагандист, доев бутерброды, вытащил из чемодана большой апельсин, и начал чистить. Если колбасу и белый хлеб, я не только видел, а и пробовал, то апельсин видел первый раз. Когда тятя Похря чистил апельсин, а над чистюлькой плыл его аромат, я широко открыл рот — может, и вкус почувствую, — но кроме запаха конского пота ничего не чувствовал.

Тятя Похря почистив апельсин, бросил шкурки на дорогу, и начал поедать фрукт, одну дольку за другой. Вот тут у меня не хватило ни ума, ни такта, ни выдержки: «Борис Моисеевич, зачем вы шкурки от апельсина выбросили? Я бы их лошади скормил».

— А я не пхретполакал, тыцто лошадь люпит цитхрусифые отхоты, конетьцно пы перетал тепе, тыцтопы лошатка покушала, — протыцтокал тятя Похря, заглатывая последнюю дольку апельсина.

Запах апельсина улетучился, а у меня осталось одно желанье — быстрее доставить на место обкомовского шиша. Мы проехали мимо Чащихи, начинались коростихинские поля.

Справой стороны на поле рос овёс, который уже выкидывал метёлку. Овёс был густой, через зелёную поросль почва не просматривалась. Очевидно, делянка под посев была удобрена неплохо. Мой подопечный пропагандист, по-видимому, желая показать свои познания в сельском хозяйстве, проскрипел: «Какой хохроший лён, за ним хохрошо ухазьсывали».

— Что вы Борис Моисеевич это не лён, это овёс.

— А тьсем они отлитьсцяются?

— Изо льна штаны да рубахи шьют, и масло жмут, а овсом лошадей кормят.

— Как рубахи, он зсе тхрава?

— Из травы сначала полотно получают, а потом шьют всё, что нужно, — поведал я пропагандисту. Тятя Похря хотел, чтобы я объяснил ему, как из травы сделать полотно, но я отказался, сказав, что сам всего не знаю, и это правда. Но я знаю одно, — чтобы сшить штаны изо льна надо много поработать, — только не понимаю одного, как лектора или пропагандиста, не знающего сельского хозяйства, можно посылать с разъяснением политики правительства в деревню. Ведь там не простофили живут, вернее жили. К сожаленью, сейчас деревни в центральной России, практически исчезают.

Дальше мы ехали молча. Я сидел на телеге, свесив ноги, ждал, когда Ермак прикатит нас в Субботино, благо он

дорогу домой, знал не хуже меня. А он паршивец, пользуясь моим показным спокойствием и равнодушием, в низине перед въездом в Коростиху свернул вправо, остановился в луже и начал пить. Я озлился и вместо того, чтобы спрыгнуть с чистюльки, проверить состояние дороги на выезде из лужи, схватил кнут и кнутовищем ткнул мерину под хвост, чего лошади очень не любят. Ермак вскинул голову и сильно дёрнул повозку, но перед выездом из лужи оказался крутой берег, и телега после рывка, уткнувшись передними колёсами в преграду, резко остановилась.

Я совсем забыл о своём высокопоставленном подопечном и не обращал на него вниманья. А обкомовский шиш вместо того, чтобы сидеть спокойно, зачем-то поднялся и в полный рост стоял возле ящика-сиденья. Когда телега внезапно остановилась, пропагандист шлёпнулся в грязную лужу лицом вниз, перевернулся, встал на колени и визгливо закричал: «Мальтцишка, хуликан, я стелался совсем кхрясный, веси меня томой в Кохрький, мне нато фанну, мне нато всё стихрать!»

Я напугался, думал, что он сильно ушибся или поранился. Подбежал: «Дядя Боря, вы ничего себе не сломали?» «Нет, но как я пойту? Я весь кхрясный. Я сохрву полититгыцское мехропхрятие. Ты финофат, я нет».

— Не волнуйтесь, — сказал я, хотя сам беспокоился даже не представляя последствий этого случая. — Всё будет в порядке, мы успеем к политпросвету.

Я взял тятю Похрю под руку, проводил его до берега, усадил на дерюгу и принёс чемодан. Он вынул из чемодана серую футболку и чёрные сатиновые штаны с резинками на запястьях. Грязные брюки и рубаху с красным галстуком я свернул и положил в чистюльку, подумал — первый раз сюда грязь брошена.

После этого подошёл к Ермаку, отогнал от него назойливых слепней, попятил мерина назад, туда, где он пил воду, нашёл старую приколину, разрыхлил берег для выезда телеги, взял лошадь под уздцы и вывел на дорогу.

— Борис Моисеевич, прошу вас в повозку, здесь не далеко, скоро будем на месте.

Пропагандист, пробормотав что-то себе под нос, пошёл к чистюльке. Поехали дальше. Через полчаса я представил обкомовского лектора Басихе.

У Басихи, или Пелагии Трифоновны Басовой постоянно проживали уполномоченные, ревизоры, агитаторы, всякие надзиратели, лекторы и прочие шиши из района или области, которые помогали колхозникам словом и ценным

указанием рационально вести хозяйство. В колхозном складе Басиха получала продукты и стряпала этим помощникам обеды, какие мы видели не в каждый праздник.

— Тётя Пелаша, — так мы называли Басиху, — это лектор из обкома, Борис Моисеевич.

Басиха посмотрела на лектора:

— Давно жду. Я Пелагия Трифионовна.

Лектор хмуро глянул на неё, протянул свёрток с грязной одеждой:

— Это пы потыцистить нато, а кута я пойту? — Басиха показала на дверь. Тятя Похря взял чемодан и пошёл к дому, даже не посмотрев в мою сторону.

Басиха спросила: «Какой-то раздрай у вас случился?» Я ей всё поведал, ни слова не сказал только о колбасе и апельсине. «Да, не совсем ладно вышло, ну не переживай, всё обойдётся, — обнадёжила меня тётя Пелаша. — А его шмотки сейчас ополосну, просушу у жаровни да проглажу, лучше новых будут. Ну, обожди тут меня минутку», — сказала Басиха и пошла избу. Вскоре она вернулась, подала мне небольшой узелок: «На Юрик перекуси, однако Мосейка поменьше слопает». В узелке было два пирожка, два кусочка копчёной селёдки, кусок жареного мяса, две конфетки и большой кусок ржаного хлеба без всяких наполнителей. Принесённый домой подарок стал приятной неожиданностью к обеду для моих сестрёнок.

Одежду Мосейки, как окрестила Басиха тятю Похрю, она привела в полный порядок. Часов около пяти вечера пришёл бригадир, которому поручено быть представителем колхоза при обкомовском пропагандисте. Политическое мероприятие тятя Похря не сорвал. Его тыцтоканье продолжалось более часа. Из агитационно-пропагандистской лекции я понял, что ферный утыценик тофахритыця Сталина, хрукофотитель китайской хреволюции, тофахритыця Мао Тсетун фышфыхрнет амехриканскую махрионетку Тыцян Кайши ис Китая, и наши трусья, натыцнут фостфикать сфетлое станье социалисма.

Тятю Похрю я больше не видел. В райком его отвёз сам Иван Андреевич на тарантасе.

Дня через три на конном дворе, утром при распределении работ, бригадир сказал мне:

— Хорошо Юрка, что тебе ищчо пятнадцати нету, а то бы не только тебя, а и родителей промурыжили. Председатель заверил Мосейча, что ты по глупости да неосторожности, а не специально, его в калажину бултыхнул. А для убедительности он полбарана лектору в мешке подсунул...

Галина ВОВЧЕНКО

ПОЛТАВСЬКІ ЕТЮДИ**БЕРЕЗНЕВИЙ ЕТЮД**

весна іде вже
поглянь як небо
гаптує сонцем
свою блакить
і як завмерли
в напрузі верби
готові цвітом
її зустріть

дивись як швидко
земля змиває
із себе білі
латки снігів
коханий руку
мою тримає
виходить серце
із берегів

ЕТЮД КВІТНЯ

мов білий попіл
сипнув з туману
неждана стужа
засклила слід
хоча весною
все має тануть
і найдавніший
найтовщий лід

хоча в цю пору
пристало днині
струмити трунком
рясних цвітінь
та трусить квітень
зими перину
і просто в душу
тобі й мені

ВЕЧІРНІЙ ЕТЮД

сідало сонце
згорало небо
і все заради
нового дня
аби майнула
над вічним степом
розкішна грива
його коня

котились срібні
по травах сльози
не кожну втрату
знеболить час
мов хтось і нині
у ніч голосить
де та зірниця
спалила й нас

ПІСЕННИЙ ЕТЮД

проймає темінь
журлива пісня
пливе над містом
чарівний спів
якому певно
давно вже тісно
між склобетонних
будов і снів

зітхає тихо
сусід під нами
що також вийшов
на свій балкон
хвилює місто
пісенна драма
відчайне соло
розгонить сон

КАМІННИЙ ЕТЮД

мовчить каміння
тому і вічне
на цій мінливій
хибкій землі
яка віками
шляхом космічним
кудись несеться
в холодній млі

ковтає безвість
шумливі ріки
зітхають важко
старі моря
мовчить каміння
мовчить до крику
про все що знає
воно й земля

ВЕСНЯНИЙ ЕТЮД

весна напнувши
блакитний парус
несеться світом
здіймає пил
пелюсток білих
духмяні хмари
гойдають ніжно
старі вітри

земля купає
у травах душу
відверто мліють
на сонці дні
я теж в картину
вписатись мушу
ловлю весни он
прозору тінь

ГРОЗОВИЙ ЕТЮД

твердінь гуркоче
гримить громами
пускає стріли
в земний наш світ
і тут же плаче
над ним дощами
вмиває ревно
зомлілий цвіт

а я й не знаю
ляка чи тішить
мене цей неба
нервовий зрив
іду босоніж
накрившись віршем
крізь найстрімкішу
з весняних злив

СУМНИЙ ЕТЮД

думки рояться
неначе бджоли
яким затісно
в старім житлі
летять над містом
минають поле
убране щедро
в рясну цвітінь

і вже сідають
повільно й тихо
в такім знайомім
мені садку
в моім дитинстві
та що за лихо
немає саду
і бджіл не чуть

НЕБЕСНИЙ ЕТЮД

пливе мій човен
в небеснім морі
блищать на веслах
краплинки хмар
душа блаженно
молитву творить
стихає в серці
порожній жар

зринають плавно
назустріч зорі
німі й величні
як весь цей світ
пливе мій човен
в небеснім морі
колише темінь
сріблястий слід

НІЧНИЙ ЕТЮД

висить картинно
у небі місяць
зірковим шлейфом
накривши ніч
тону всім серцем
в прозорій висі
під сонний шепіт
соснових свіч

несе повільно
повз мене річка
свої холодні
хисткі думки
спливає тихо
з водою стрічка
моєї туги
пливуть роки

ЕТЮД З РАВЛИКОМ

коли й забрався
під шкіру равлик
і тягне в мушлю
у теплий слиз
душа сидить ще
на гілці лавра
а серце стрімко
вже пада вниз

залізти в мушлю
тепер надовго
у тишу й морок
у супокій
сховати кігті
укрити роги
чому ж стоптав ти
цей сховок мій

ОСІННІЙ ЕТЮД

з дерев спадає
зів'яле листя
осінній миті
мого життя
іду неспішно
пожовклим містом
топлю в калюжах
своє взуття

у душу вп'явся
простиглий вітер
завзято смиче
шовкову шаль
в повітрі в'ються
останніх квітів
бліді пелюстки
й моя печаль

ЗИМОВИЙ ЕТЮД

із неба сіє
зірчастим пилом
бродяга вітер
блаженно стих
зимовий вечір
тче покрив білий
ховає міста
кутки й кути

вкриває снігом
будинки й землю
які у владі
вже перших снів
а я все мірю
тривожу темінь
малюю власний
сюжет зими

ЕТЮД ПРОЩАННЯ

біжить дорога
шумлять колеса
у стекла піна
вишнева б'є
і вже в зелених
озимих плесах
покірно тоне
авто моє

я знов лишила
тебе на інших
мій світлий краю
моє життя
мені довіку
себе не втішить
на цій дорозі
без вороття

Игорь СКОРОБОГАТЫЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО МЕДВЕЖОНКА

МЕДВЕЖОНОК КУЗЯ

Медвежонка Кузю изготовили на фабрике игрушек и подарили маленькой девочке Эле.

Густая белая шерсть медвежонка красиво переливалась, а симпатичная мордочка излучала доброту.

— Наш Кузя – говорящий медведь, — пояснил дедушка, — он поёт песни и рассказывает сказки.

Дедушка взял медвежонка за лапу и поздоровался с ним, как со взрослым. Послышалась тихая музыка и мишка произнес человеческим голосом:

— Здравствуй, малыш. Меня зовут Кузя. Если ты хочешь послушать сказки, поздоровайся со мной за левую лапу, а если хочешь послушать песни — за правую.

Обрадовалась Эля. Девочка смеялась и пожимала ему одну лапу за другой, а медвежонок весь день пел песни и рассказывал сказки. Он говорил про Красную Шапочку и про Колобок, про Курочку Рябу, Репку и Теремок; а затем, когда девочка оставила медвежонка в саду, прибежали гости из близлежащего леса, и Кузя всю ночь рассказывал сказки лесным обитателям.

Слушатели его благодарили, а пролетавшая мимо добрая Фея сделала Кузе чудесный подарок. Она вдохнула в медвежонка живую душу.

Прослушав мишку, Баба-Яга с внучкой Ягусей потеряли покой. Они решили, что без Кузи и его сказок просто не смогут жить.

Медвежонок рассказывал сказки день и ночь, и дорассказывался до того, что сам попал в сказочную историю. Вот послушайте, как это было.

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Два серебристо-серых полосатых зверька отыскивали потайную дверцу и проникли во дворец Кощея Бессмертного. Пробежав темным коридором, они постучались в тяжелую дубовую дверь.

— Кто там? — спросил стражник и посмотрел в глазок.

— Мы — тайные агенты, бурундучки-подхалимчики, — ответили посетители. — Мы разнюхали важную новость.

Дверь тотчас отворилась.

— Кто нас беспокоит с утра? — раздался громкий голос, и бурундучки увидели хозяина дворца.

В золотом парчовом халате, остроносых туфлях и короне, он направлялся к трону, стоящему в углу.

Кашей Бессмертный выглядел не очень страшным, поэтому, чтобы его узнавали и боялись, на халате злодея пурпурной вязью была вышита надпись: «Кашей».

— Ваше Бессмертное Величество, — поклонились посетители, — мы узнали, что в соседнем поселке случилось важное событие. Там живут две Эли — бабушка и внучка. Вчера внучке подарили говорящего медвежонка Кузю.

— Разве такие бывают? — удивился Кашей.

— Он не настоящий медвежонок, а игрушечный — пояснили барсучки.

— Вы пришли ко мне из-за игрушки? — удивился Кашей.

— Дальше начинаются настоящие чудеса, — сказали подхалимчики. — Случилось так, что девочка забыла Кузю в саду. Пролетающая мимо Фея вдохнула в медвежонка живую душу, и теперь он мыслит, как человек. Вчера ночью Кузя рассказывал сказки.

— Кто же их слушал? — заинтересовался Кашей.

— Филин и Мышь, Зайчишка, Ёжик и Лиса, — ответили гости, — потом пришли Баба-Яга с внучкой Ягусей.

А почему они не боялись друг друга? — удивился Кашей.

— В лесу объявили перемирие, — пояснили полосатики.

— Безобразия. Так они и меня перестанут бояться, — возмутился злодей.

А Кузька вообще никого не боится, — добавили посетители, — он даже отказался залезать к Бабе-Яге в мешок. От его сказок дети станут смелее и перестанут Вам повиноваться.

Хватит!.. Хватит!.. — расстроился Кашей. — Эти безобразия следует немедленно прекратить

— Надо утащить Кузю. Пусть он только Вам рассказывает сказки, — подсказали подхалимчики.

— Не нужны мне сказки, — ответил Кашей. — Я их соберу и помещу в скорлупу ореха. Получится маленький сказочный орех, который я спрячу, куда захочу.

— Баба-Яга хочет раздобыть такого же медвежонка и подарить завтра Ягусе на день рождения, — добавили бурундучки.

— Меня даже в гости не пригласили, — возмутился Кащей.
— Безобразие! Ну, Яга, я тебя проучу. Я наведу беспорядок в лесу и перессорю зверей между собой.

— А мы скажем Ягуське, что она стала взрослой и все должны выполнять её желания, — предложили полосатики.

— Правильно, мало ли что может напридумывать шестилетняя глупая девчонка, — согласился с ними Кащей.

Представив, какая в лесу поднимется кутерьма, бурундучки даже запрыгали от восторга.

— Вы должны давать Ягусе плохие советы, чтобы она стала совершать плохие поступки, — продолжал Кащей. — А Кузю со сказками надо спрятать подальше. Вот только куда их лучше спрятать?

— Заприте Кузю в чулане, а орех со сказками спрячьте в пчелиную колоду, — подсказали подхалимчики.

— А если пчелы закусуют меня до смерти? — испугался Кащей.

— Вы же бессмертный, — напомнили подхалимчики. — Это на Вашем халате вышито.

— Так пчелы не умеют читать. Они не знают, что я бессмертный, возьмут, и закусуют, — возразил Кащей.

— Тогда спрячьте сказки в сундуке, что на дереве висит? — посоветовали бурундучки. — Там их никто не достанет.

— Об этом сундуке все давным-давно знают, — поморщился Кащей. — Во всех сказках написано. — А если,.. — пробормотал он, глядя на полки, уставленные банками с вареньем. — Нет, это тоже не годится. Сказки должны остаться. Может, я иногда захочу их прочитать. Всё же обо мне тоже сказки сложены. Надо... Надо... Придумал, — закричал он радостно. Сейчас мы отправимся к Бабе-Яге, и там вы будете мне помогать обманывать глупую Ягусю. Понятно?

— Слушаемся, Ваше Бессмертное Величество, — хихикнули подхалимчики и скрылись за дверью

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЯГУСИ

В избушке на курьих ножках шли последние приготовления. Её Вреднейшество Баба-Яга готовилась отпраздновать День рождения любимой внучки Ягуси.

В честь этого события в лесу снова объявили перемирие. Радуюсь этому, звери нарядились в праздничные одежды и без боязни расхаживали друг перед другом.

Молодой Волк, порывшись в сундуке у бабушки-волчицы, нашел утерянную охотником шляпу с пером, Мышонок одел

комбинезон с карманами по бокам, а Зайчиха красовалась в розовой косынке и круглых темных очках. На её платье были изображены цветная капуста, морковь и молодой зелёный горошек. В этом наряде Зайчиха была необычайно хороша.

Птицы также нарядились по последней лесной моде. Сорока надела ожерелье из рябины, а Ворона прикрепила к лапке кусочек золотистой фольги. Это было красиво.

— Эй, соседка, — спрашивал Мышонок, взявшись за бока. — Как я тебе нравлюсь в этом наряде?

— Наверное, хорошо, — отвечала Зайчиха. — Что-то я стала плохо видеть.

— Сними очки, задавака, — рассмеялся пробежавший Заяц. — В них ты и своего носа не увидишь.

— Зато я красивая, — похвасталась Зайчиха.

— А я красивее всех, — каркнула Ворона.

— Ошибаешься, — возразил Мышонок, — я думаю, что сегодня красивее всех Ягуса. Представляю, как она рада своему дню рождения.

— Она ему совсем не рада, — возразила всезнающая Сорока. — Наоборот, наша ведьмочка себе места не находит. Неужели вы не знаете о последних событиях?

— Что за события? — заинтересовался Мышонок.

— Баба-Яга пообещала подарить внучке говорящего медвежонка, — ответила Сорока.

Над лесом взвились две зеленые ракеты.

— Смотрите, две зеленых, — расстроилась Сорока, — это Баба-Яга требует меня к себе. Поэтому, я полетела. До свиданья. Интересно, что там случилось?

НЕОБЫЧНАЯ ПРОСЬБА

Прилетев на поляну, Сорока увидела почетного гостя. На его плаще красовалась вышитая надпись: «КАЩЕЙ».

Он был худым, длинноруким и длинноногим, и, если бы не надпись на плаще, никто бы не догадался, что это прибыл сам Кашей Бессмертный.

— Здравствуйте, Ваше Бессмертное Величество, — поприветствовала его Сорока, усаживаясь к ведьме на плечо. — Давно у нас в гостях не были.

— Нечего болтать, — перебила её Баба-Яга. — Лучше смотри в волшебное зеркало и докладывай обо всем, что наши подсмотрелки и подслушки показывают.

— А где именинница? — спросил Кашей. — Почему она меня не встречает? Неужели её нет дома?

— Да дома она, где же ей еще быть, — ответила Баба-Яга.

– Но сегодня она на меня так обиделась, что даже из избушки выходить не хочет.

– Почему обиделась? – поинтересовался Кащей.

– Не могу ей подарок раздобыть, – ответила ведьма, – видите, за хлопотами забыла и Вас пригласить.

– Правильно она сердится, – сказал Кащей. – Подарок можно было давно заказать. Или ей надо что-то особое?

– Я ей медвежонка пообещала, – поморщилась старуха, глядя на часы, – третий час пополудни, а его всё нет и нет.

– Что за медвежонок? – спросил хитрый злодей.

– Это говорящий медвежонок Кузя, – пояснила ведьма.

– Мы ждем, когда его привезут в магазин. Что нам зеркальце показывает? – спросила она у Сороки.

Кащей с интересом заглянул через её плечо.

В зеркальце показалась Лиса. В красивом желтом сарафане, в бархатной шляпке и круглых тёмных очках, она прогуливалась по улице, поглядывая на витрину магазина.

– Видишь, ещё не привезли, – сокрушенно покачала головой ведьма. – Иначе Лиска бы сообщила.

– Может, его ещё не изготовили? – спросил Кащей.

– Там дядюшка Филин сидит, – ответила ведьма. – Эй, хвостатая! Настрой-ка мне зеркало на фабрику игрушек.

Сорока повернула рукоятку, и в зеркальце отчетливо высветился старый Филин. Сидя на ветке, он крепко спал.

– Вот бездельник, – возмутилась Баба-Яга.

– Смотрите, говорящие медвежата! – крикнула Сорока, указывая на большие коробки в кузове автомобиля.

Водитель закрыл дверцу и машина тронулась.

– Куда? Нам в другую сторону надо! – закричала ведьма, но машина завернула за угол и скрылась.

– В другой магазин повезли, – догадалась Баба-Яга. – Что теперь делать?

– Наколдуй ей другой подарок, – подсказал Кащей.

– Не могу, обещала Кузю, – пояснила колдунья. – К тому же Ягуся слышала его сказки.

Слышала? – спросил Кащей. – Когда слышала? Их же ещё не привезли.

– Это другие медвежата. Их изготовили лишь сегодня, – пояснила ведьма. – А Кузя прошлой ночью рассказывал сказки в Элином саду. Как услышала его Ягуся, так теперь ходит сама не своя. Другого подарка не хочет.

– Так утащи Элиного медвежонка, – предложил Кащей.

– Скажи заклинание и он будет здесь. Хочешь, я помогу?

– Нет! Нет! – испугалась Баба-Яга. – Подарок должен по-честному к внучке попасть. Иначе он ей принесет

несчастье. Да и звери не позволят этого сделать.

– А ты медвежонка провинившимся Филином подмени,
– подсказал Кащей. – Наколдуй из него Кузе двойника. Никто и не догадается о подмене. Заодно сказки спрячешь от ребят.

– Вообще-то я не против сказок, – сказала старая ведьма. – До того надоело творить вредные дела, что иногда хочется и чего-то хорошего. Цветочек, что ли, понюхать какой? Смотри, какая красота вокруг.

– Хорошо, что ты о цветочках заговорила, – сказал Кащей. – Подари мне свою фотографию на память.

– Ой, Кащеюшка, хи, хи, хи, – заулыбалась старуха. – Её сердце от радости чуть не выскочило из груди. – Неужто ты в меня влюбился? Может, свататься надумал?

– Подари фотографию, – повторил хитрец.

– Тогда ты немного погоди, – решила Баба-Яга. – Я вставлю зубы, а потом и сфотографируюсь.

– Ой, зубы? Не надо! – испугался Кащей. – Без зубов ты неповторимая. Такой красавицы больше нет на свете.

– Ой, Кащеюшка! – разомлела старуха. – Я, кажется, тоже начинаю влюбляться.

Часа два Баба-Яга ходила сама не своя. Желая понравиться Кащею, старая ведьма долго не отходила от зеркала: подвела брови сажей, нарумянила щеки свеклой, и живописно растрепала волосы.

Хороша я, хороша,

Барыней одета,

Сам Кащей – моя душа,

Полюбил за это, – распевала она песенку.

Затем ведьма нацепила входившие в моду черные очки и сфотографировалась.

Когда фотография была готова, Кащей увидел Бабу-Ягу во всей красе. Такого длинного носа не было ни у кого, а черные очки сделали ведьму просто неповторимой.

«То, что надо, – чуть слышно прошептал злодей. – Теперь детям не видать сказок, как своих ушей».

Узнав про фотографию, лесные жители смеялись до слёз. Вороне от хохота свело живот, и она свалилась с дерева, а лягушки чуть не захлебнулись в болоте.

СКАТЕРТЬ – САМОБРАНКА

Для приема гостей красочная поляна перед избушкой была тщательно прибрана: подстригли близлежащие кусты, а нижние ветви деревьев украсили гирляндами и

разноцветными фонариками. Под раскидистым дубом расставили столы, накрытые скатертью - самобранкой.

Чего там только не было? Для своих гостей Баба-Яга наколдовала славное угощение. А для любимой внучки ведьма постаралась особенно. Она отыскала поваренную книгу и собственноручно испекла клубничный торт.

Угощение было для всех, поэтому близлежащие кусты были забиты лесными жителями.

— Почему не начинают? — недоумевали звери, принюхиваясь к вкусным запахам. — Куда Баба-Яга в ступе умчалась?

— А именинница-то и вовсе не показывается из избы. Сегодня она не выходила здороваться, — шептались они.

— Стр-у-ча-ча-у-ча, да они не могут достать подарка для Ягуси, — прострекотала Сорока. — Её Вреднейшество Баба-Яга хочет ей подарить говорящего медвежонка.

— Медвежонок знает человеческий язык? — удивилась старая медведица. — Ну и чудо! В нашем роду такого ещё не было.

— Он не живой, а игрушечный, — пояснила Сорока. — Вчера в нашем поселке был ночной концерт, и этот Кузя рассказывал сказки. Баба-Яга хотела его утащить, но он отказался залезать в её мешок.

— Ух ты, да он смелый, — обрадовалась медведица, — надо будет поближе с ним познакомиться.

— Тише, Ягуся показала, — зашептали вокруг. — Ой, да она злая-презлая. Сегодня лучше ей на глаза не показываться, — обгоняя друг друга, лесные обитатели скрылись за кустами.

На поляне остались лишь бурундучки — подхалимчики да сидящая на дереве любопытная Сорока.

ЯГУСЯ И БУРУНДУЧКИ – ПОДХАЛИМЧИКИ

Не дождалась Ягуся подарка и решила: Хватит! Надоело! Зачем ожидать медвежонка из магазина, если его можно стащить из Элиного сада.

— Ты бы умылась, Карр! — каркнула ворона, сидящая на подоконнике. — Совсем замарашкой стала. Сегодня твой день рождения, а ты чулки с дырками надела. Позор!

— Как хочу, так и хожу, — ответила Ягуся. Отворив дверь избушки, она вышла на крыльцо и удивилась. Недавно шумная поляна оказалась пустой. Лишь невдалеке прохаживались два полосатеньких, толстеньких зверька.

— Кто вы такие? — спросила маленькая ведьмочка,

поманив их пальцем. — Подойдите ко мне.

— Мы бурундучки-подхалимчики. Нас пригласили на празднование твоего дня рождения, — сообщили зверьки, показывая пригласительные билеты. — С сегодняшнего дня мы поступаем в твоё распоряжение. Что прикажешь?

— Я могу приказывать? — удивилась Ягуся.

— Тебе исполнилось шесть лет и, по высочайшему указу Кащей Бессмертного, всем лесным жителям положено тебя слушаться.

— Вот здорово, — обрадовалась Ягуся, — об этом надо поскорее всем сообщить. Эй, хвостатая! — крикнула она Сороке, — собери-ка мне лесной народ.

— Твою бабушку приглашать? — спросила Сорока.

— Обойдемся без неё, — ответила Ягуся. — А остальным сообщи, чтобы к полудню собрались на поляне.

— Стр-у-ча-ча-у-ча, будет сделано! — прострекотала Сорока и полетела выполнять приказание.

— А вы ступайте в Элин сад, разведайте обстановку и мне доложите, — приказала Ягуся подхалимчикам.

— Слушаемся, — ответили бурундучки.

СОБРАНИЕ НА ПОЛЯНЕ

К полудню на поляне собрались звери и птицы. Маленькая ведьмочка вышла из избушки, и собравшиеся от удивления открыли рты. Вместо нарядной именинницы, к ним вышла неумытая, непричесанная замарашка.

— Дядя Кащей издал указ, и с сегодняшнего дня вы будете выполнять все мои желания, — объявила она.

— Понятно, с Кащеем не спорят, — вздохнули звери.

— Ничего не понятно, — возразила старая медведица. — Правильные приказы я буду выполнять, а неправильные, ты уж не взъщи, я выполнять не собираюсь.

— К медведям это не относится, — нашлась хитрая Ягуся.

— А теперь о деле, — добавила она. — У Эли есть медвежонок Кузя. Вчера ночью он рассказывал сказки. Бабушка пригласила его к нам домой, но он отказался.

— Кто же так приглашает? — выкрикнул Заяц из-за куста. — Я видел, как Баба-Яга хотела его утащить в своём мешке.

— На фабрике должны были сделать других медвежат, — продолжила ведьмочка, — но дядюшка Филин проспал, и я осталась без подарка.

— А что с Элиным Кузей? — крикнул Заяц. — Он нам будет снова рассказывать сказки?

— Не знаю, — ответила Ягуся. — Я послала на разведку в

поселок двух бурундучков. Давайте их послушаем.

— Кузя рассказывает сказки, и Эля со щенком не спускают с него глаз, — ответили подхалимчики. — Похитить его невозможно.

— Вы, взрослые бурундуки, испугались пятилетней девчонки? — удивилась Ягуся. — А может вы испугались трусливого, глупого щенка? Так он сам всех боится. Моя бабка его так напугала, что, наверное, он до сих пор дрожит от страха. Убирайтесь и не показывайтесь мне на глаза.

— Смилуйся, — захныкали бурундуки. — Нам не страшны Эля со щенком. Мы боимся, что Кузя разгадает наши замыслы. Тогда нам не сдобровать.

— Убирайтесь, — повторила Ягуся, топнув ногой, — а остальным я напоминаю, что в поселке живет девчонка Элька. Ей уже два дня медвежонок Кузя рассказывает сказки. Это несправедливо. Теперь моя очередь, и он должен рассказывать их мне.

— Это не-кра-сиво, Карр! — каркнула Ворона. — Ты же дала слово, что Кузя будет рассказывать сказки всем.

— Подумаешь, — ответила ведьмочка. — Моё слово. Как дала, так и заберу обратно. А вам я предлагаю пойти в поселок и принести мне Кузю. Кто за моё предложение, прошу поднять лапу, — сказала она и зажмурилась.

Посчитав до десяти, Ягуся открыла глаза.

Поляна опустела. Не захотев выполнять неправильный приказ, звери убежали. Они даже отказались от выставленного под дубом угощения.

ПИРАТ КОЛОБУС

Недолго расстраивалась ведьмочка. Через минуту она уже распевала веселую песенку:

Пусть узнают все лягушки,
Все девчонки – хохотушки,
Звери, бабушка моя:
Лучше всех колдую Я.

На поляне приземлилась ступа с Бабою-Ягой.

— Ягусенька, ягодка моя, — рассмеялась старая ведьма, — какая же ты лучшая колдунья, если и читать-то не умеешь? От хвастовства не получается колдовства.

— Я им такого наколдую, все сказки переделаю, — крикнула ведьмочка, пряча за спину учебник колдовства.

Нахмурилась старая ведьма.

— Во вредностях надо меру знать, — воскликнула она. — В школе волшебства нас учили, что злости не должно быть слишком много, и сказки должны быть добрыми.

— А я в школу не собираюсь ходить. Когда я вырасту большой, то закрою все школы на свете, — воскликнула Ягуся, и, показав бабке язык, умчалась прочь.

— Хороша, Ягусенька, вся в меня, — рассмеялась Баба-Яга. — Интересно, как она собирается колдовать?

Ягусе это было тоже интересно, и, убежав в лес, она приступила к задуманному.

Усевшись на пенек, ведьмочка раскрыла книгу колдовства и расстроилась. Она не умела читать. «Картинки есть, а что с них толку, — приуныла Ягуся. — Может что-то вспомнить из бабкиного волшебства?»

До сегодняшнего дня она видела колдовство лишь один раз, да и то издалека. Ну и что с того? Ягуся была уверена, что ей стоит лишь попрыгать и загадать желание, как оно тотчас должно исполниться.

Колдовство следовало начинать с разжигания костра, но, как она не старалась, наколдовать огонь не получалось. Ведьмочка пробовала и так, и этак, придумывала разные заклинания и прыгала до изнеможения. Костер так и не загорелся. Хорошо, что догадалась из дому спички взять. Вскоре над хворостом заплясали весёлые огоньки пламени.

— Теперь можно колдовать, — обрадовалась Ягуся.

«Я — наследница Яги, ну, бабуля, помоги! — прошептала она заклинание. — Ой, что это?

Перед ней стоял глиняный горшок.

— Ура! Получилось! — обрадовалась Ягуся, — теперь сюда можно наколдовать чего-то вкусенького. — И, пританцовывая, она пропела:

Шуры — муры, Ёлки — палки,
Пусть помогут мне считалки,
Я пляшу и хохочу,
Будет так, как я хочу.
А хочу я шоколадку,
Эскимо и мармеладку.

Пропев заклинание, ведьмочка закрыла глаза и, заранее облизываясь, засунула руку в горшок. К её удивлению, вместо вкусностей, оттуда выпрыгнули две лягушки. Громко квакнув, они поскакали к болоту.

— Ничего! — воскликнула Ягуся. — В следующий раз получится лучше, а теперь пусть появятся сказочные страшилки. Посмотрим, как девчонки задрожат от страха.

Ох, лучше бы она этого не говорила.

Маленькая ведьмочка ещё немного попрыгала у костра и села передохнуть. Она не знала, что неправильные сказки уже пошли гулять по свету и скоро причинят всем много

неприятностей.

Увидав костер, прибежали Волк с Лисой. Они следили за порядком в лесу, и беспокоились, что от костра может возникнуть пожар.

– Я тебя давно поджидаю, – сказала Ягуся Волку, – Ты помнишь сказку про Красную Шапочку?

– Да, – хмуро ответил Волк.

– О чем в ней говорится? – последовал новый вопрос.

– В той сказке волк скушал бабушку и девочку в красной шапочке, – ответил серый.

– Значит так, – решила Ягуся, глядя Волку в глаза. – Если ты не притащишь мне Элиного Кузю, я наколдую, что Красная Шапочка с бабушкой тебя поймают и съедят.

– Помилуй, – расстроился Волк. – Меня ещё никогда не кушали. Это, наверное, неприятно.

– Тогда я поколдую, и Красная Шапочка тебя посадит на цепь, – рассмеялась Ягуся. – Будешь охранять цыплят. У неё ты сам помрешь от тоски.

– Не хочу на цепь... У-у-у-у, – жалобно завывл Волк.

– Ха-ха-ха, – вмешалась Лиса, – это враки, такого не бывает.

– С тобой у меня будет особый разговор, – пригрозила ведьмочка Лисе. – Ты должна...

– Ничего я тебе не должна, – рассмеялась рыжая.

– Дядя Кошей издал приказ, и на собрании решили...

– А я не была на собрании и не обязана тебе подчиняться, – перебила её плутовка. – Можешь эти сказки рассказывать другим.

– В сказках всё может быть, – ответила Ягуся, – а если за дело возьмется такая колдунья, как я, то тебе не поздоровится. Как там говорится в сказке про колобок?

– Баба испекла вкусный, румяный колобок, который с удовольствием скушала моя прабабушка Лиса, – смеясь, ответила плутовка.

– Сказку можно и переколдовать, – рассердилась Ягуся. – Если ты не принесешь Кузю, я из колобка сделаю разбойника-пирата, и тебе не поздоровится. Хочешь этого? Тогда слушай! И ведьмочка сказала заклинание:

Шуры – муры, Ёлки – палки,

Пусть помогут мне считалки,

Я пляшу и хохочу,

Будет так, как я хочу.

Пусть Колобок станет пиратом.

– Ой, смотрите! – замерла в испуге Лиса.

Из-за куста показался толстячок на коротких ножках.

Парик с черной лентой и треуголка украшали его голову, в ухе торчала серьга, а левый глаз закрывала черная повязка. На плечи незнакомца был наброшен пиратский дырявый плащ, а за поясом торчали старинные пистолеты и кинжал.

— Так это ты, рыжая, хотела меня съесть? – спросил он у Лисы, доставая пистолет из-за пояса. – Теперь настал мой черёд, и я могу с тобой по квитаться.

— Наша Лиса не виновата, – вмешалась Ягуся. – А, вообще, кто ты такой? Я тебя не знаю.

— Я сказочный пират Колобус, – проговорил незнакомец. – А ты кто такая? Неумытая, лохматая... Да у тебя даже дыра на чулке, – добавил он, оглядывая Ягусю с головы до ног. – Это хорошо. Я заберу тебя с собой.

— Вот ещё! Я не хочу! – воспротивилась ведьмочка.

— Тебя никто не спрашивает, – ответил гость. – Лучше скажи, кто ты такая?

— Меня зовут Ягуся, – ответила ведьмочка. – У меня сегодня день рождения. Это я тебя наколдовала.

— Ты ещё и колдовать умеешь? – удивился Колобус. – Замечательно. Для меня ты наколдуешь много пиратских историй. А чтобы не успела пожаловаться бабке, я тебя забираю прямо сейчас, – сказал он, и утащил Ягусю в лес.

— Ой! Ой! – завизжала Лиса и помчалась к Бабе-Яге.

ПОДМЕНА. КУЗЯ НА ДЕРЕВЕ

Наступило время прогулки. Взяв Кузю на руки, Эля вышла в сад.

— Ав-ав-ав! – обрадовался щенок Тявуля и помчался навстречу. Подбежав, он лизнул Элю в нос, после чего стал в восторге гоняться за собственным хвостом.

Котенок Мурчик тоже не остался в стороне. Подождав, пока Эля посадит медвежонка на скамейку под кустом, он поспешил занять место у девочки на коленях.

Кузя принялся рассказывать одну сказку за другой.

Несмотря на жару, в саду было прохладно, тихо, и девочка слушала сказки, как зачарованная.

Мурчик дремал у Эли на коленях, а Тявуля улегся в тени перед будкой и внимательно прислушивался к Кузиным словам. За сказками они не заметили, как быстро пролетело время, и солнышко стало сильнее припекать.

— Эля! – позвала бабушка, выйдя на крыльцо. – Иди в дом. Наступил полдень и малышам пора спать.

— Ой! – воскликнула девочка, – а как же Кузя? Ему в

комнате будет жарко. Можно, я его оставлю в саду?

– Оставь Кузю под охраной щенка, – разрешила бабушка.

– Вот и правильно. Тявуля – хороший сторож, – согласилась с ней Эля, и, обращаясь к Кузе, добавила: – мы с Мурчиком поспим, а ты оставайся в саду и рассказывай сказки. Пусть Тявуля их послушает.

– Р-р-р, я хороший сторож, – подтвердил щенок, – но я лучше послушаю сказки, лёжа на своём коврикe. – Он залез в будку и закрыл глаза.

Спрятался щенок, и в саду началась другая жизнь. Тявуля не знал, что Кузины сказки, когда их никто не видит, оживали. Это постаралась Фея. Простой ночью она вдохнула в медвежонка живую душу, и теперь, лишь вошла Эля в дом, как в саду стали происходить сказочные чудеса.

Медвежонок начал сказку про Колобка, и на крыльце показался большой круглый колобок. Он скатился вниз и, размахивая короткими ручками, запел весёлую песенку:

Я весёлый колобок,
У меня румяный бок,
Я замешан на кефире,
Нет меня прекрасней в мире.
Я качусь, куда хочу,
И пляшу, и хохочу,
По дорожке, с горки, вниз,
Ну-ка, все, посторонись.

Тявуля лениво открыл глаза. Он хотел подать голос, но в знойном воздухе Колобок показался ненастоящим. Щенок подумал, что всё это ему снится, и снова задремал.

Так длилось долго. Нещадно палило солнце, Кузя рассказывал сказки, а щенок их слушал и, искоса поглядывая на медвежонка, посапывал в своей будке.

На мгновение Тявуле показалось, что на скамейке сидят два медвежонка. Он протер лапами глаза, и видение исчезло. На скамейке вновь сидел один медвежонок.

Тявуля не знал, что в это время Кашей подменил говорящего медвежонка, и теперь перед ним сидит заколдованный Филин.

Тотчас глаза у Кузи увеличились, а нос-пуговка превратился в крючковатый клюв.

– Пу-гу-у, так на чем мы остановились? – спросил он картавым голосом, и принялся рассказывать ужастик.

Хорошо, что не было слушателей.

Рассказав страшную историю, Филин зевнул и сказал: – Угу-ух-ух, а теперь убирайтесь прочь. Я хочу спать.

Убираться было некому, поэтому он взлетел на дерево, где уселся на толстый сук и закрыл глаза.

ПРОПАЛИ СКАЗКИ

В поселке настал тихий час. Маленькая Таня умылась, почистила зубы, и, укладываясь спать, попросила: – Бабушка, расскажи мне сказку.

Обрадовалась старушка. Усевшись поудобней, она открыла книжку и удивилась.

– Ой, что это? – воскликнула она, – картинки есть, а где же буквы?

Старушка надела другие очки, открыла другую, третью, и четвертую книжку, но сказки не появились.

Расстроилась внучка. Она долго не могла заснуть.

Леночка, Танина подружка, обнаружив пропажу сказок, расплакалась и легла спать с нерасплетенными косичками. Раньше с ней такого не случалось никогда.

А Сережа с соседней улицы расстроился больше всех. В его книжке вместе с буквами пропали и картинки. Открыв сказку про Репку, мальчик с удивлением увидел, как нарисованные дед с бабой, прихватив с собой внучку, кошку и Жучку, спешно покидали его книжку. Они бежали, уменьшаясь на ходу. Даже мышка не захотела остаться. И без того маленькая, она взмахнула на прощанье хвостиком, превратилась в точку и пропала. Получилось, что Сережа остался без сказки. Обидно стало мальчику. Очень обидно.

Тотчас к Сказочнику посыпались многочисленные звонки: – Спасите. Помогите. Без сказок ребенку не уснуть.

Позвонила и Элина бабушка. Представляете, уважаемая бабушка, заслуженная артистка, которая давно вышла из детского возраста, вдруг звонит Сказочнику и со слезами заявляет:

– У моей Элички пропали все сказки. Что? Да...Да...Да... Никогда такого не было... Честное- пречестное слово... Нет...Нет... Я в этом нисколько не виновата.

– А что было раньше? – поинтересовался Сказочник. – Может, в вашем доме происходили необычные события?

– Нет, – ответила бабушка, – ничего такого не было. Хотя... – вдруг вспомнила она, наморщив лоб, – может всё дело в говорящем медвежонке?

– Не о Кузе ли Вы говорите? – заволновался Сказочник, – о медвежонке, который рассказывает сказки?

– Да, мы его вчера подарили нашей внучке, – сказала бабушка.

– С Кузей я хотел бы познакомиться, – ответил Сказочник, – надеюсь, с ним ничего не случилось?

– Ой, не знаю. Он только что тоже замолчал, – расстроилась бабушка, – а перед этим говорил невпопад. Будто его подменили. А ещё, в саду появились странные, непонятные создания, – добавила она, выглянув в окно.

– Вас понял. Ждите, – ответил Сказочник, чувствуя холодок в груди. Это означало приближение сказочных приключений, и Сказочник был готов к встрече с ними. Пусть это случится за тридевять земель или в тридесятом царстве, в дремучем лесу или в избушке на курьих ножках, но он обязательно найдет пропавшие сказки, а, если повезет, расскажет ребятам новую сказочную историю.

ЗУБАСТИКИ И ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК. ПОМИДОРНАЯ АТАКА

Старая ведьма вернулась домой расстроенная. Поставила в угол метлу и задумалась.

– Ну и Кузя! Откуда он взялся на мою голову? – сокрушалась Баба-Яга. – Из-за него я до сих пор не подобрала подарка моей Ягусеньке.

– Да, прежде было хорошо, – согласилась с ней Ворона, сидящая на подоконнике. – Ни забот не было, ни хлопот. Жили, не тужили, пока не появился этот медвежонок.

– И колдовство его не берет, – скривилась ведьма.

– Это Вам Фея козни строит, больше некому, Карр! – согласилась с ней Ворона. – Она ещё и поучать берется: Не делай того, не делай этого, это некрасиво, а то неприлично.

– Тьфу, да нам, ведьмам, прежде всё было дозволено, красиво и прилично, пока этот Кузька не свалился на нашу голову, – крикнула Баба-Яга. – Ой, что это?

В открытое окно влетел помидор. Ударившись о стену, он разлетелся мелкими брызгами.

– Кар-раул! – всполошилась Ворона и уставилась на дверь. – Кар-раул! К нам кто-то торопится.

Дверь распахнулась и на пороге показалась Лиса. В разодранном сарафане, она прижимала к груди измятую бархатную шляпку.

– Ой, скорее, – закричала Лиса, набрасывая на дверь крючок. – Скорее! Ваше Вреднейшество! В лесу объявился страшный пират Колобус. Он утащил Вашу внучку.

– Откуда же он взялся? – удивилась Баба-Яга.

– Его наколдовала Ваша Ягуся, – ответила Лиса. – Посмотрите, что делается в лесу.

В окно влетел другой помидор.

– Безобразие, Карр! Кто осмелился нарушить наш покой?
– каркнула Ворона.

– Что делать? – испугалась ведьма, захлопывая окно.

– Возьми метлу и подмети, – подсказала Ворона.

– Фу, фу, фу, раскомандовалась, – обиделась Баба-Яга.

– На метле летают, а не заматают. Нам она ещё пригодится.

– Ведьма выглянула в окно. Смотрит, на поляне появились незваные гости. Большие и страшные зеленые создания расселись, развалились и разлеглись за именинным столом, а по праздничной скатерти, между блюдами, весело резвились маленькие ушастики и зубастики. Хватая руками, они жадно пожирали заколдованное угощение.

– Хотя бы вилки взяли, невежи, – возмутилась старуха.

– Ой, это же Ягусенькин торт, – воскликнула она, распахивая окно. – Да как вы смеете, хулиганы.

– Улю-лю-ах-ау-ва-вах, – закричали-заулююкали гости.

– Выходи. Смотри, что мы с тобой сделаем.

Посмотрела старуха и поспешно захлопнула окно.

Безобразные зубастики дразнили старую медведицу, а громадные Зайцы привязали Волка к дереву и дергали за хвост. Они распевали весёлую песенку:

Заяц - Ниндзя с виду сильный,
И внутри совсем не прост,
С Волка Ниндзя шкуру снимет,
И подергает за хвост.
Заяц смелый, Заяц сильный,
Всех подергает за хвост.

– Да кто же они такие? – удивилась старая ведьма.

– Это зайцы-Ниндзя, их заколдовала Ваша внучка, – ответила Лиса. – Видите, какое получилось безобразие?

– Ох, ох, ох, это уж слишком, – заохала старуха. – Вот что такое непослушание. Мы все когда-то были детьми. Мы тоже любили побаловаться, но чтобы так... А это что?

– Карр! Это пушка и оловянный солдатик из какой-то сказки, – пояснила Ворона. – Они стали неправильными из-за Ягусинога колдовства. Они игрушечные.

– Пушка, может, и игрушечная, но помидор-то настоящий, – скривилась Баба-Яга, – ишь, как стенку испачкал. Хотя, – задумалась ведьма, – одна внучка столько заколдовать не сумела бы. Здесь чувствуется опытная рука. Неужели Кашеюшка принялся за старое? Лишь он на такие пакости способен.

Оловянный солдатик перезарядил пушку.

– Раз, два, три, пушка – пли! – скомандовал он, и

громадный красный помидор разбился об стекло.

– Вот тебе и День рождения, – проговорила Баба-Яга. – Как же всё это прекратить? Да и внучку надо выручать.

– Я слышала, что выручить Ягусю может только Кузя, – подсказала Лиса. – Ему Фея подарила защиту от неправильного колдовства.

– Ух ты, он даже это умеет? А я его самого хотела заколдовать, – воскликнула Баба-Яга. – Ну и медвежонок! Не думала, что придётся идти к нему на поклон. Значит, надо срочно идти в посёлок, – решила старая ведьма, решительно сбрасывая крючок. – Ой! Что это?

Дверь оказалась накрепко забитой, а зубастики тащили к избушке пучки соломы.

– Ой, Карр! Нас хотят поджарить, – всполошилась Ворона. – Пора удирать.

– Надо хоть столы с поляны убрать, – спохватилась ведьма, – не то эти злодеи утащат скатерть - самобранку.

Она щелкнула пальцами, прошептала заклинание, и стол с яствами медленно растворился в воздухе.

– А теперь, скорее, к печке, – сказала старая ведьма, и, схватив черного кота, оседлала метлу. Ворона последовала за ней. Вылетев из трубы, они направились в Элин сад, чтобы просить помощи у медвежонка Кузи.

В избушке осталась одна лишь Лиса. С криками: «Спасите», «Помогите», она металась по избе.

– Спасем, поможем, – пробурчала ведьма и взяла курс на Элину дачу. – Дай только к Кузе добраться. Хотя бы с ним ничего не стряслось.

ПОМОЩЬ ФЕИ. СПАСЕНИЕ КУЗИ

Прибыл Сказочник на дачу, отворил калитку, и замер от удивления. Большой двор был заполнен непонятными созданиями. Большие и маленькие, черные, серые и зелёные страшилки тотчас бросились к нему.

– Улю-лю-ах-ау-ва-вах... Вот ты нам и попался, – кричали они, разматывая на ходу крепкую веревку. – Мы тебя свяжем. Ты зачем нас придумал такими страшными?

– Да не придумывал я вас, – ответил Сказочник. – Это сделали другие.

– Тпру! – раздалось вверху, и в саду приземлилась Баба-Яга. На её плече сидела Ворона.

– Успела, – обрадовалась старуха, слезая с помела.

– Здравствуйте! И Вы здесь? – удивился Сказочник. – Чего на метле? Где ступа?

– Ох, не скажите, – заохала Баба-Яга. – Я еле ноги унесла. Пришлось воспользоваться печной трубой. Хорошо, метла оказалась под рукой. А здесь такое же творится.

– У вас что, тоже страшилки объявились? – спросил Сказочник.

– Не только объявились, – ответила ведьма, – они забросали меня помидорами и хотят поджечь избушку.

– И Вы, знаменитая колдунья, не знаете, как справиться со страшилками?! – воскликнул Сказочник.

– Была бы волшебная книга, – вздохнула старуха. – Ой! – вдруг вспомнила она, стукнув себя по лбу, – вот дырявая голова. У меня же есть котик. Ему волшебная книга не нужна. Как я о нём раньше забыла?

– Ваш котик умеет колдовать? – спросил Сказочник.

– Он может всё, – торжествовала ведьма. – Теперь, хулиганы, берегитесь, – крикнула она, доставая из-за пазухи черного кота. – Познакомьтесь с моим помощником поближе, – крикнула она и скомандовала: – Взять!

– Ма-а-а-у! – тотчас заорал кот, выгнув дугой блестящую черную спину. Он увеличился в размерах и выпустил когти. Его глаза засверкали огнём.

– Ой!.. Пи-пи-пи!.. Одного вида кота оказалось достаточно, чтобы страшилки превратились в мышей и в панике попрятались по щелям.

– Хорошо, – обрадовался Сказочник, – теперь мне нужен Кузя. Мне сообщили о его непонятном поведении.

– Мне он тоже понадобился, – сказала Баба-Яга. – Я хочу попросить, чтобы медвежонок помог моей Ягусеньке. Она, кажется, натворила глупостей, – добавила старуха, жалобно шмыгая носом.

Отворилась дверь и показалась Элина бабушка.

– Здравствуйте, – сказала она, – посмотрите, пожалуйста, на нашего медвежонка.

Сказочник замер от удивления. Кузя сидел на дереве. Но теперь он изменился: глаза медвежонка увеличились, а нос-пуговка вытянулся и заострился острым клювом.

– Что за чудеса? – поразился Сказочник. – С каких это пор медвежата сидят на дереве, будто куры на насесте?

– Погодите, – вмешалась Баба-Яга. – Это же мой Филин, а не Кузя. Подойдя к дереву, она крикнула:

– Ты чего, бездельник, забрался в чужой сад?

– Вы меня сами сюда послали, – ответил Филин.

– Зачем? – не поняла старуха.

– Чтобы я рассказывал страшилки, – сказал Филин. – В случае непослушания грозили в чучело превратить.

– Тьфу! Тьфу! – расплевалась Баба-Яга. – Да не было такого. Это, наверное, Кашеевы проделки. Теперь я поняла, для чего он меня всё о Кузе расспрашивал, злодей. А теперь, бездельник, рассказывай, куда вы медвежонок спрятали? – крикнула она, топнув ногой. – Лишь он может Ягусеньку спасти, и тогда она заново переколдует сказки.

– Пу-гу-у-у, не знаю, – ответил Филин.

– Тогда убирайся прочь, – рассердилась ведьма.

– Угу-ух-ух, – донеслось с ветки, и, тяжело махая крыльями, старый Филин покинул сад.

– Кто знает, где Кузя? – крикнула Баба-Яга.

– Тяв, тяв, я знаю, – донеслось из будки, и оттуда выглянул насмерть перепуганный щенок. – Тяву-у-уль, – жалобно проскулил он. – Я боюсь... Ой, а это кто?

В воздухе прозвучала дивная мелодия и в белом воздушном платье показалась красавица Фея. В руке она держала волшебную палочку.

– Кузя мой крестник, и я приложу все усилия, чтобы его спасти, – сказала Фея. – Кто знает что-либо о нём?

– Тяв, тяв, я знаю, но я боюсь, у-у-у, – ещё жалобнее заскулил щенок. – Они его спрятали в саду.

Фея величественно подняла палочку вверх.

– С этой минуты, трусливый щенок, я тебя наделяю храбростью и приказываю: – Искать! – сказала она и взмахнула волшебной палочкой.

Тявуля мгновенно преобразился. Его шерсть поднялась дыбом, а глаза воинственно заблестели.

Тяв, тяв, р-р-р – зарычал щенок, – доверьтесь мне. – Подбежав к дому, он решительно полез под крыльцо.

Тотчас из-под дома послышался шум борьбы. Раздалось рычание страшнее Тявулиного, из щелей повалили клубы застоявшейся пыли, а крыльцо заскрипело от невидимых толчков.

Ой, что же это делается? – испугалась Элина бабушка. – Сейчас мой дом рассыплется на мелкие кусочки. Наверное, придется вызывать милицию.

Но звонить в милицию не пришлось. Шум борьбы прекратился так же внезапно, как и начался. Храброе тьявканье сменилось жалобным щенячьим визгом, и, к удивлению присутствующих, из-под крыльца, весь в паутине, вылез Кузя. В руке он держал большой мешок.

– Уфф, еле справился, – крикнул медвежонок, бросая мешок на землю.

Присутствующие замерли от неожиданности.

Ой, мой мешок, – узнала Баба-Яга, – как он здесь

оказался? Что в нём находится?

Не знаю, — ответил Кузя, — мне тоже интересно, с кем это я боролся? Не разобрал в темноте.

В мешке было что-то большое. Оно неуклюже шевелилось и издавало непонятные хриплые звуки.

Каково же было общее удивление, когда Сказочник развязал мешок. Оттуда выскочил перепуганный насмерть Тявуля, после чего показалась лысая голова с оттопыренными ушами. Это был Кащей Бессмертный. Он был связан и испуганно озирался по сторонам.

Ах! — тотчас воскликнула Фея.

— Ой, что же это? — поразилась и Баба-Яга. — Ваше Бессмертное Величество! Вы как сюда попали?

Да вот... Вредный Кузька... — проговорил Кащей обиженным голосом. — Он меня связал и затолкал в мешок. Да это я должен был его связать. Вместе со сказками. Для того и пришел в этот дом.

— А мой мешок зачем прихватил, — спросила Баба-Яга.

— Я же хотел сделать подарок твоей Ягуське — утащить медвежонка, — оправдывался Кащей.

— Так вот оно что! Воришка!.. Бессовестный!.. — воскликнула Элина бабушка.

Лицо Кащея сделалось пунцовым.

— Это он бессовестный, — возразил Кащей, показывая на Кузю. — Со мной надо бережно обращаться. Я же фольклорный элемент. Я бессмертный. Видите, это на халате вышито. А он меня связал. Хорошо, что напоследок я успел его усыпить.

— А Тявуля разбудил медвежонка, — догадался Сказочник.

— Я же не знал, что Кузя спит, — оправдывался щенок, — не успел облаять, как он проснулся и я оказался в мешке.

На моей голове, — добавил Кащей. — Никакого уважения к гостю.

Какой же Вы гость? — покачал Сказочник головой. — Забрался в чужой дом... Будто мелкий жулик... Не стыдно?

Кащею стало стыдно и, чтобы скрыть позор, он медленно растворился в воздухе. Будто его и не было.

— Теперь надо Ягусеньку спасать, — сказала ведьма, подбирая освободившийся мешок.

— Это сделать просто, надо вспомнить лишь некоторые слова из моих сказок. — Медвежонок беззвучно зашевелил губами. — Готово, — наконец, сказал он, повеселев.

Прошептал Кузя заклинание, и перед зрителями появилась Ягуся. В руках она держала колдовскую книгу.

– Ох, моё сокровище, – обрадовалась Баба-Яга.

– Пропало не только Ваше непослушное сокровище, но и сказки для детей, – напомнил Сказочник.

– Да, звонили Элины подружки, у них тоже пропали сказки, – сказала бабушка. – Без них дети плохо спят.

– О сказках знают лишь бурундучки, – пояснила Ягуся. – Они были моими подсказчиками во вредных делах.

– Ну, с ними я быстро разберусь, – пробурчала ведьма. Раскрыв книгу волшебства, старуха прошептала заклинание, и перед ней тотчас появились подхалимчики.

– Слушаем, Ваша Вредность! Что изволите приказать? – спросили они, виновато поджав хвосты.

– Прикажу я вот что, – ответила Баба-Яга, – чтобы вы немедленно рассказали, где спрятаны сказки?

– Это не мы, это волшебник Кашей, – испугались бурундучки. – Он собрал все сказки и поместил их в ореховую скорлупу. А тот орех спрятал в банку с вареньем.

– Ой, Кашей большой сладкоежка, у него этих банок видимо-невидимо, – сказала Яга. – Как же сказки найти?

– На ней Ваша фотография наклеена, – подсказали бурундуки.

– Кашеюшка её наклеил, чтобы любоваться моей красотой, – похвасталась ведьма.

– Наоборот, Кашей её наклеил для устрашения, – возразили подхалимчики, – чтобы дети за вареньем не лазили.

– Вот бессовестный, – огорчилась старуха, – ни за что не прощу злодея. Где мой летательный аппарат? – крикнула она, хватая метлу. – Сейчас же лечу к нему.

– Наверное, я тоже полечу с Вами, – решил Кузя. – Лишь я смогу бороться с Кошечевым колдовством. И сказки мне будет легче у него отыскать.

– Правильно, но сегодня я тебя одного никуда не отпущу, – сказала Фея. – Да и остальным, наверное, будет интересно посмотреть на злодея. Все согласны?

Возражений не последовало. Фея взмахнула волшебной палочкой и все перенеслись во дворец Кашея.

У КАЩЕЯ ВО ДВОРЦЕ

Далее всё произошло на удивление просто. Увидав прибывших, злодей испугался и спрятался. Как не искал Тявуля его следы, так и не смог их отыскать.

А найти сказки по фотографии оказалось легко, и медвежонок уверенно показал на нужную банку:

– Вот она. Только не спешите. – Кузя понюхал банку, посмотрел её на свет и поморщился. Взглянул на Фею.

– Эти сказки нельзя рассказывать детям, – подсказала Фея. – Здесь хорошие сказки перемешаны со страшилками.

– Они должны пройти очищение огнём, – решил Кузя и поставил банку в камин.

Тотчас повалил густой, зелёный дым. Орех со сказками раскололся, рассыпался, и в банке осталось лишь густое клубничное варенье.

– Вот и всё, – сказал Кузя, – плохие сказки исчезли, а хорошие скоро появятся в книжках у ребят.

ПРАЗДНИЧНЫЙ КАРНАВАЛ

Развеялся зелёный дым, и всё стало на свои места. Прекратилась осада избушки на курьих ножках, и зубастики, прихватив с собой пушку, покинули поляну. За ними строевым шагом проследовал оловянный солдатик.

В избушке сама по себе отворилась дверь, и, поминутно оглядываясь, Лиса помчалась домой.

Пират Колобус начал уменьшаться, округляться, и вскоре на поляне снова стоял румяный Колобок. Он запел свою весёлую песенку и, в поисках новых приключений, покатился по лесной тропинке.

– У-у, – жалобно завыл Волк. – Я тоже хочу домой.

Наконец, повезло и серому. Веревки, которыми он был привязан к дереву, лопнули, а большие зайцы снова стали трусливыми маленькими зайчишками

– Прости нас, дядюшка Волк, – закричали они в испуге. – Мы больше не хотим быть ниндзями.

Напоследок Фея, взмахнув волшебной палочкой, пожелала всем удачи и улетела по своим неотложным делам, а в книжки к ребятам снова вернулись сказки.

Более того, в них появилась история о похождениях говорящего медвежонка Кузи. Это постарался Сказочник.

Затем было продолжение дня рождения Ягуси, и Баба-Яга снова выставила угощение.

Вечером разожгли костер, и, отправив ведьму спать, устроили весёлый карнавал, на котором в центре внимания был, конечно-же, Кузя. Медвежонка прославляли все.

Волк, надев пожарную каску, следил за костром, а Ягуся, которую простили, веселилась вместе со всеми. Чтобы снова не наколдовать страшилку, маленькая ведьмочка дала обещание срочно научиться читать.

Стояла волшебная летняя ночь. Круглая Луна улыбалась

с высоты, а музыканты – кузнечики, цикады и сверчки, в упоении играли «Лунную сонату». Они прославляли перемирие. Они играли для гостей.

Для Тявули, который стал храбрым, музыканты играли «собачий вальс», и щенок им тихо подпевал.

Букашки-музыканты играли всю ночь, а светлячки освещали им ноты и распевали веселые песенки.

Затем Кузя рассказывал всем желающим хорошие, добрые сказки.

Маленькая Эля тоже была на карнавале. Там она пела, танцевала, вместе со всеми водила хоровод.

– Ты не устала? – спросил её Сказочник. – Иди ко мне.

Девочка доверчиво протянула к нему руки, и ...

– Эля... Девочка моя, – раздался знакомый голос.

Открыла Эля глаза, а это не Сказочник, а её бабушка с медвежонком на руках.

Так закончилась сказка о Кашее Бессмертном и о говорящем медвежонке Кузе.

Александр РОМАНОВСКИЙ, Наталья СЕРЕДА

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН ПАСХАЛЬНЫЙ

«Хвалите Бога во святых Его, Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величия Его», — говорится в 150-м псалме. Каждый день в церквях, во время богослужения прославляется величие Божье. Но, выходя за пределы храма, мы продолжаем нести в своей душе мысли о Боге, которые прорываются в мир стихами и музыкой.

Духовная поэзия — одна из связующих нитей между церковным миром и светским. Это поэзия от Бога и для Бога. Тревога и надежда, покаяние и мольба, мысли о душе, о боге, о человеческом предназначении, звучание музыки Божественных сфер и струн Божьей лиры... Духовная поэзия становится еще одной своеобразной формой молитвы — молитвы поэтической. В таких стихах сокрыта музыка, и только чувствительная душа настоящего музыканта способна открыть и донести миру таящуюся в поэтических строчках мелодию.

Главной темой звучит одна общая мысль — не упустить за суетой безостановочного бега единение чистой человеческой души и ее помыслов с Божественным духом и Божьей Благодатью. Наше предназначение в мирской жизни идти земным путем вместе с Богом и навстречу Богу.

Среди идеалов православной духовности всегда была идея соборности. В Боге мы едины, и нет противоборства между храмом и миром, наукой и религией, Верой и Разумом, Украиной и Россией.

Прославлять Бога можно и в храме, и за его пределами. И тогда божественная благодать распространится по всему миру. Духовная поэзия и музыка делает нас лучше, чище и добрее. А значит ближе к Богу.

Не бойтесь говорить о Боге,
В желаньи трепетном души
Дела ничтожны все. В итоге —
Ты подвиг духа соверши!
Бог — наша Истина Святая,
Он — наша жизнь без суеты,
И в этом логика простая —
Мы вместе с Богом — Я и Ты.

Утрачено несколько поколений людей, выросших без животворящей силы евангельского слова, колокольного звона и божьих заповедей. В какой-то момент можно было подумать, что все это потеряно безвозвратно. Православная Русь уходила в небытие. Но Возрождение, Воскресение становится и должно остаться ключевым понятием жизни современного человека.

«Итак, все — все войдите в радость Господа своего! И первые, и последние, примите награду; богатые и бедные, друг с другом ликуйте; воздержные и беспечные, равно почтите этот день; постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь ныне! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь!». Эти строки из «Слова огласительного во святую и великую неделю Пасхи» святителя Иоанна Златоуста раскрывают суть праздника — торжество веры, торжество жизни над смертью. Ведь Воскресший Христос возвел род людской от земли к Небу, придал существованию человека возвышенный и благородный смысл.

Воскресение Христа — это основа нашей веры, нерушимая опора в нашей земной жизни. «Если бы Христос не воскрес», — говорит апостол Павел, — «то напрасна и проповедь наша, тщетна и вера наша. Но Христос воскрес и совоскресил с Собою все человечество!».

Светлое Христово Воскресение — это торжество любви Господа к людям, ради которых он взошел на Голгофу, и праздник нашей благодарности Богу за наше спасение, праздник нашей Веры, нашей Надежды и нашей Любви.

На Пасху грань, разделяющая время и вечность, становится совсем прозрачной. Радость Воскресения избавляет нас от одиночества, слабости и отчаяния, наполняя нас силой, красотой и счастьем.

Праздник Пасхи — это праздник торжества жизни над смертью, это праздник победы света над тьмой, добра над злом, это праздник возрождения, нового начала, новой надежды.

Христос, воскресший незримо, ощутимо является каждому. И в жизни каждого из нас, кто хотя бы на мгновение чувствовал близость мира иного, совершается встреча с воскресшим Господом, и Он приходит к каждому, стучась в его сердце, находя каждому свои слова. И наше дело услышать и отозваться на этот призыв, потому что Господь пришел нас спасти и изменить нашу жизнь.

Воскресший Христос возвел род людской от земли к Небу,

придал существованию человека возвышенный и благородный смысл. Воскресение Христа — это основа нашей веры, это нерушимая опора в нашей земной жизни.

Каждый Пасхальный праздник напоминает нам о соборности, о необходимости единения наших душ и сердец. Православные духовные этические ценности в последнее время вновь находятся в центре внимания наших современников.

Понятия Истины, Добра, Любви, Единения всегда были главными понятиями в человеческой жизни. Все наши бытовые проблемы, экономические и политические волнения — только продукт времени, «пыль веков». А духовные моральные ориентиры и ценности остаются неизменными, фундаментальными. Именно они должны стать источником и конечной целью жизни государства, общества и каждого отдельного человека.

«Как нежный звук любимых слов на языке полупонятном, твердит о счастье необъятном далекий звон колоколов», — писал Константин Бальмонт. Кого-то колокольный звон погружает в мысли о вечном, у другого вызывает щемящее чувство легкой грусти и огромной радости одновременно. Колокол для каждого человека издревле был символом единения и гражданского долга, независимости и величия государства.

А для верующего человека во время Пасхи колокол — это громкий божественный голос, проповедующий истину. Народ, назвав ударную часть колокола языком, уподобил звон колокола живому голосу. Воистину, каким другим именем, как не говорящими устами, можно назвать колокольный звон: в дни великих праздников он напоминает нам о блаженстве небесном, во дни Страстной седмицы о нашем примирении с Богом через Христа Спасителя, во дни Светлой Пасхальной седмицы звон возвещает нам о победе жизни над смертью и о вечной, нескончаемой радости будущей жизни в Царствии Христовом. Мощный колокольный звон, действуя на наше внутреннее чувство, пробуждает наши души от духовного усыпления.

Являясь символическим средством общения мира небесного с миром земным, звон оказывает сильное воздействие на душу верующего человека, помогает приблизиться душой к Богу. Колокольный звон очищает не только душу, но и тело. Ученые установили, что частота вибрации звона соответствует частоте, на которой работают живые клетки человека. Вот почему колокольный звон

врачает, насыщает силой и энергией.

Колокольный звон — неотъемлемая часть любой православной службы.

Не так давно закончилась, наконец-то, эпоха воинствующего атеизма и бездуховности, и вновь начинают звучать голоса колоколов, возрождается древняя традиция колокольного звона. В наше время звонарь — это и композитор, и дирижер и музыкант. На основе канонических звонов современные звонари создают неповторимые по своей красоте звучания и глубокому смыслу импровизации. Основная задача колокольного звона — это призыв всех верующих к общей молитве в церкви и обращению к Господу, таким образом, искусство звонаря сродни проповеди священника. Колокол приводит в действие рука человека. Есть хорошее выражение: «Прикоснувшись рукой, передай свою душу!». Колокольный звон — это выражение движения человеческой души к Богу, это одновременное слияние с Божественным миром, это колебание от тела к душе, и возвращение от души к телу. Подобно этому и человек идет к Богу, а Бог идет к нему! И это движение сливается в единый протяжный гул единения человека с Богом! И в это единение вступает не только звонарь — человек, приводящий в движение колокол, но и все люди, слышащие и слушающие эти небесные звуки. Вот почему по телу человека идет пронизывающий насквозь трепет, па душу охватывает необъяснимый упоительный восторг!

Колокольный звон — это звучание сердца духовной жизни нашего народа, ведь православный звон — это не только одна из форм Богослужения, но это и выражение общей радости, грусти и торжества. Колокола издавна извещали о пожаре и приближении неприятеля, звонили при встрече высокого гостя, сопровождали все важные вехи в жизни человека от крещения до смерти.

Колокольный звон Пасхальный особо чудотворный. Он очищает душу и тело, излечивает от болезней, хранит человека от злых сил. Пасхальный колокольный звон — это схождение невероятной благодати на слушающих и верящих в Божью силу, в Его всемогущество. Звуки церковного колокола во время этого светлого праздника действуют на внутреннее чувство каждого человека как озарение. На благородного — возвышенно и торжественно, возбуждая светлое и мирное настроение. На нечестивого отступника — скорбно и удручающе, а чаще раздражающе. Так что именно по восприятию колокольного звона человек может

определить состояние своей души.

Духовность — свойство природы самого человека, это то уникальное, исключительное, что отличает человека от других самых высокоразвитых живых существ. Дух — это и мышление, и сознание, и воля человеческая, это весь тот сложный и целостный поток, который составляет особенность человека. Творчество, сознание, свобода, добро — это дух, Если отнять у человека все, что нематериально, — мысль, чувство, совесть, во что превратится человек?

Недооценка, а вернее, пренебрежение духовностью привело к нынешнему состоянию общества, которое оказалось ориентированным на низшие стороны человеческого бытия. Из известного афоризма о том, что, прежде чем человеку начать заниматься философией, религией, поэзией, он должен есть и пить, — из этого афоризма рождалось молчаливое признание того, что самое важное — это есть, пить и так далее. Отсюда унижение человека как духовного существа, фактическое обесценивание свободы, достоинства личности и даже жизни.

Осознание этого ведет у необходимости возрождать духовность, приблизиться к источникам, питающим наш дух. Среди источников — вера, духовная поэзия и музыка, светские произведения, несущие в себе колоссальный заряд духовности.

Духовность человека — это богатство мыслей, сила чувств и убеждений. Произведения литературы и искусства воспитывают чувства, помогают глубже познать и понять жизнь, развивают творческую активность. Духовный человек — это человек, одаренный в художественном и научном творчестве, способный строить жизнь по законам красоты.

И колокольный звон, и духовная поэзия, и возвышенная музыка — вдохновляют, очищают, возносят наши души.

Чтобы почувствовать живительную силу Пасхального колокольного звона, быть сопричастным великой тайне воскресения и очищения наших душ каждую весну мы собирались на концертах фестиваля славянской духовной поэзии и музыки «Колокольный звон пасхальный», слушали духовную поэзию современных авторов из Украины, России, Беларуси, музыкальные произведения на стихи современных поэтов. Особым рефреном всегда звучали стихи Митрополита Харьковского и Богодуховского Никодима. И каждый год в зале, будь то Концертный зал Национальной филармонии Украины в Киеве, Большой зал Харьковского

академического театра оперы и балета, камерный зал Харьковской областной филармонии или огромный обновленный зал Дворца студентов НТУ «ХПИ», собиралось большое количество людей. Дивная сила колокольного звона, поэтического слова, наполненного Божественной силой, глубоко проникали в сердце человека, вызывая в его душе добрые чувства, возвращается к Богу, к себе, к одухотворенной жизни.

Программы концертов фестиваля обновлялись каждый год, но неизменно на закрытии в финале звучало торжественным грандиозным хоровым аккордом произведение Людмилы Тимофеевой-Русиной на стихи Александра Романовского «Колокольный звон пасхальный», давшего название всей творческой акции. В музыке и поэтической строке звучали мощь благовеста и звончатое раскачивание средних и малых колоколов, строгость поста и лучезарная радость праздника. «Сердце цепко ловит звуки – Медно-литый перезвон...». Каждый год Господь умирает сам и воскресает вместе в нами вновь, каждый год природа засыпает и возрождается заново в весенней пасхальной атмосфере. Прошрое, настоящее и будущее неразрывно сплетается, обещая нам вечность...

Колокольный звон пасхальный
Оглашает связь времен,
Этой ночью эпохальной
Путь нам к Богу озарен.
Нашим счастьем нынче станет
Божьей силы благодать.
И опять нас в даль поманит
Побеждающая рать!
Сердце цепко ловит звуки –
Медно-литый перезвон.
Нам удача мчится в руки,
Отвергая мрачный сон.
Вознесись для нас Спаситель!
Возроди нам счастья миг!
Жизни краткой ты – Родитель,
Вечной жизни ты – Родник!

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Анатолій ПЕРЕРВА. Всепримирення настане навіть, коли нас не стане	3
Евгеній АДРИЧ. Забавушки	10
Олександра КОВАЛЬОВА. Замріяному всюди благодать.....	63
Олександр БОБОШКО. Перемога є присмак поразки	91
Антонина ТИМЧЕНКО. «Чай закипає, країно, доброе утро!»	135
Галина ВОВЧЕНКО. Полтавські етюди.....	164

ПРОЗА

Роберт БАЛАКШИН. Сказки из волшебного сундука.....	27
Богач и бедняк	27
Сон под буком	29
Почему у аиста длинные ноги	35
Старая мельница	38
Неудачник и счастливица	39
Волшебное кольцо.....	46
Золотко	48
Невеста Йорга	51
Заржавевший рыцарь	57
Елизавета ВЫУЧЕЙСКАЯ. Большая стирка	76
Олег ЧЕЧИН. Почему филин днём прячется?	80
Николай АЛЕКСАНДРОВ. Мама и медведь.....	84
Светлана ВЫЮГИНА. Дорога	86
Егор РОЧЕВ. Авко	88
Любовь СИДОРОВА. Волшебный фонарь.....	101
Дверца за зеркалом.....	110
Орех с золотым ядром.....	117
Петя в городе лентяев	123
Радуйся, Рада!	131
Юрий ТАЛАНОВ. Деревенские сказания.....	143
Игорь СКОРОБОГАТЫЙ. Приключения говорящего медвежонка	178

ЭССЕИСТИКА

Александр РОМАНОВСКИЙ, Наталья СЕРЕДА. Колокольный звон пасхальный	201
--	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№20

Гл. редактор Л.И. Мачулин

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 31.03.2014. Формат 70x108 1/16. Бумага офсет.
Печать офсет. Гарнитура PragmaticaCondСТТ. Усл. печ. л. 27,30. Уч.-изд. л.
27,70. Изд. №1. Зак. №____. Тир. 500 экз.

Учредитель: 000 «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
e-mail: editor01@list.ru

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: серия ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331